

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1979

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
 С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
 М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
 И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
 Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

И:
 рой и,
 литиче
 грамм
 фологи
 То
 ческой
 витию
 «анал
 «Я не
 гречес
 Во вся
 наш (с
 ко арх
 языка
 рализу
 Д.
 в разн
 анализ
 глютин
 по сей
 тивным
 П.
 как из
 ских з
 флекс
 Та
 ния, к
 тическ
 напри
 пени в

¹ В
 nouvelle
 статьи
 констру
² Ф
 дискусс
³ Э.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Ф. А. ГАНИЕВ

АНАЛИТИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ

Известно, что не существует языков с чисто аналитической структурой и, следовательно, с чисто аналитической морфологией. Термин «аналитическая морфология» используется при исследовании аналитических грамматических средств языка и выяснении их места в системе его морфологии.

То, что многие десятилетия тюркские языки изучались по грамматической схеме синтетических языков, привело к преимущественному развитию «синтетической морфологии» и почти полному игнорированию «аналитической морфологии». Французский лингвист Ф. Брюно писал: «Я не буду спорить о том, насколько план грамматики, принятый для греческого языка, подходит во всех отношениях, для этого последнего... Во всяком случае, в применении к такому аналитическому языку, как наш (французский), он потерял почти всякое значение и является только архаизмом. Востоковеды также говорили мне..., что в приложении к языкам других семейств он часто стесняет их исследования: наши он парализует...»¹.

Действительно, во многих флективных (синтетических) языках мира в разной степени присутствуют и аналитические элементы. Научный анализ особенностей тюркских языков показывает, что они являются агглютинативно-аналитическими языками², хотя отдельные исследователи по сей день продолжают считать их чисто синтетическими (агглютинативными).

При всем разнообразии морфологической структуры языков мира, как известно, существуют следующие средства выражения грамматических значений: порядок слов, повторение слов, сложение, аффиксация, флексия, ударение, интонация, служебные слова.

Такие языковые средства для выражения грамматического значения, как сложение, повторение слов, служебные слова, присущие аналитической морфологии³, широко используются тюркскими языками. Так, например, падежные отношения в тюркских языках в значительной степени выражаются послелогом или сочетанием послелогов и суффик-

¹ Brunot Ferdinand. La pensée et la langue. Methode, principe et plan d'une theorie nouvelle du langage applique au Français. Paris, 1936, стр. XIX (цитата приводится из статьи В. М. Жирмунского «Об аналитических конструкциях» в сб.: «Аналитическая конструкция в языках различных типов». М.—Л., 1965, стр. 16).

² Ф. А. Ганиев. К вопросу о морфологическом типе тюркских языков. — «Тезисы дискуссии „Типология как раздел языкознания“». М., 1976, стр. 59—60.

³ Э. В. Агаян. Введение в языкознание. Ереван, 1960, стр. 283—306.

сов⁴. Тем не менее ни в одном из тюркских языков выражение падежных отношений послелогоми не исследовано, изучено лишь суффиксальное выражение падежных значений.

С нашей точки зрения, в тюркских языках, кроме десяти-двенадцати синтетических падежей (см. работы М. З. Закиева, Р. Ф. Зарипова и др.⁵), имеются еще и аналитические падежи, которые до настоящего времени остаются невыделенными по той причине, что определение категории падежа, принятое для синтетических языков, механически переносится на тюркские (агглютинативно-аналитические) языки.

Известны языки, в которых падежи выражаются не только путем изменения формы существительного или прибавления аффикса, но и посредством служебных слов, а именно: предлогов, артикля. Е. П. Мартянова, например, отмечает: «Поскольку в современном французском языке у имен существительных нет падежных флексий, синтаксические отношения выражаются посредством артикля, предлогов»⁶.

В грамматиках немецкого языка артикль также рассматривается как одно из средств выражения падежа⁷.

Следовательно, выражение значения падежа служебными словами для некоторых языков — явление обычное. К таким языкам относятся и тюркские, в которых падежи выражаются не только присоединяющимися к основе аффиксами, но и послелогоми.

Впервые на это обратили внимание в своих грамматиках И. Гиганов, И. Хальфин, А. Троянский, К. Насыри, рассматривавшие сочетания имен существительных с нулевым аффиксом и некоторыми послелогоми как падежные формы.

На данную особенность тюркских языков указывал в свое время еще В. А. Богородицкий, писавший, что в татарском языке «падежи выражаются или падежными окончаниями, или послелогоми, соответствующими русским предлогам»⁸. Однако почему-то лингвисты-тюркологи не обратили должного внимания на это замечание.

В русском языкознании аналитические падежи особо не выделяются: обозначив термином «предложно-падежные формы», раскрывают их значения⁹. Таким образом, предложно-падежные формы в русском языкознании изучаются как самостоятельное грамматическое явление.

В тюркологии в настоящее время предпринимаются попытки раскрыть содержание отдельных падежно-послеложных форм. Так, М. А. Хабицев устанавливает восемь значений формы: имя+послелог *byla* в карачаево-балкарском языке¹⁰.

Весьма распространено в тюркских языках употребление сочетаний имени существительного с нулевым аффиксом+послелог. Например:

⁴ См.: Ф. А. Ганиев. Аналитические и синтетические падежи в татарском языке. — В сб.: «Вопросы тюркологии». Казань, 1970, стр. 74—84; *его же*. О синтетических и аналитических падежах в тюркских языках. — В сб.: «Категория падежа в структуре и системе языков». Рига, 1971, стр. 39—42.

⁵ М. З. Закиев. К вопросу о категории падежа в тюркских языках. — В сб.: «Проблемы тюркологии и истории востоковедения». Казань, 1964; Р. Ф. Зарипов. Категория падежа в башкирском языке. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1974.

⁶ Е. П. Мартянова. Французские предлоги и их соответствия в русском языке. Харьков, 1964, стр. 8.

⁷ М. G. Arssenjew a und andere. Grammatik der deutschen Sprache. М., 1963, стр. 30.

⁸ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1957, стр. 147.

⁹ См., например: З. Д. Попова. Употребление падежных и предложно-падежных форм в современном русском литературном языке. Воронеж, 1971.

¹⁰ М. А. Хабицев. Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение. Черкесск, 1977, стр. 63—65.

Batal 'onnan şaltyrattylar: alar da **flang öčen** borçylalar ikān (И. Гази) 'Звонили из батальона: они тоже беспокоятся за фланг'; **Äxmät ajaq belān** beraz jarnu žimerde (М. Гафури) 'Ахмет ногой сбросил немного земли с обрыва'.

Насколько нам известно, все тюркологи считают формы типа **flang öčen** 'за фланг', **ajaq belān** 'ногой' комбинацией именительного (основного) падежа с послелогоми. Мы полагаем, что указанные сочетания нельзя считать комбинациями именительного (основного) падежа с послелогоми, ибо это особые аналитические формы косвенных падежей.

В определенном смысле это явление напоминает склонение некоторых немецких существительных. Например, при склонении существительного *Frau* само существительное не изменяется, изменяется только его артикль. Поэтому немецкие грамматисты в данном случае совершенно справедливо форму *Frau* не считают основным падежом, выступающим в функции косвенных падежей, а в зависимости от выражаемых синтаксических отношений относят вместе с артиклем к разным падежам.

Аналогичное грамматическое явление наблюдается и в тюркских языках. Так, например, в предложении **Äxmät ajaq belān beraz jarnu žimerde** (М. Гафури) 'Ахмет ногой сбросил немного земли с обрыва' падеж существительного **ajaq (belān)** 'ногой' не является именительным, ибо, как известно, в одном простом предложении не может быть двух разных субъектов, кроме как выраженных однородными подлежащими.

Существительное **ajaq** в процитированном предложении нельзя считать стоящим и в основном падеже, ибо такая формальная оценка означала бы полное пренебрежение к значению его косвенного падежа.

Только рассмотрение в диалектическом единстве формальных признаков и выражаемых ими грамматических отношений позволит установить истинную сущность сочетаний типа: имя существительное с нулевым аффиксом + послелог. С точки зрения грамматических отношений форма **ajaq belān** выражает инструментальное значение. В приведенном выше предложении послелог **belān** служит средством связи существительного **ajaq** с глаголом **žimerde**, то есть он выполняет обычную падежную функцию — присоединяет одно слово к другому.

Как известно, грамматические значения в разных языках могут передаваться разными грамматическими средствами, в том числе и служебными словами. Различие грамматических средств не исключает категориальности выражаемых ими грамматических значений. По нашему мнению, форма **ajaq belān** представляет собой типичный инструментальный падеж, выраженный аналитическим способом.

Это сочетание ни по сущности грамматического отношения, ни по структуре — ничем не отличается от французских форм *aves un cgaup* и *aves un stilo*, которые французскими грамматистами справедливо рассматриваются как косвенные падежные формы существительных *cgaup* и *stilo*, что полностью соответствует природе и структуре указанных французских форм.

Следовательно, формы типа **ajaq belān** в тюркских языках, на наш взгляд, также стоят в косвенных падежах, но, в силу специфики языка, они образуются не посредством предлогов, а посредством послелогов.

Таким образом, в тюркских языках наряду с аффиксальным падежным изменением существует и образование падежей посредством послелогов, то есть тюркским языкам присуще как синтетическое, так и аналитическое словоизменение.

К аналитическим падежам относятся не всякие сочетания существительного с послелогом. В одних случаях послелоги могут уточнять грамматическое отношение, уже выраженное косвенным падежом (например, *igmanı taıa* 'в лес, в направлении леса'; ср. русск. «в лесу»). В этом случае мы имеем аффиксально-послеложное выражение падежа, то есть падежи приобретают синтетико-аналитический характер.

В других случаях послелоги выступают в качестве единственного оформителя падежных форм, образуя аналитические падежи.

Тюркским языкам свойственны следующие аналитические падежи.

1. Социатив (орудийно-совместный падеж). Оформляется сочетанием имени существительного с нулевым аффиксом + послелог *belän* (*qäläm belän* 'карандашом, с карандашом', *köräk belän* 'лопатой, с лопатой' и т. д.). Выражает совместность или инструментальное значение.

2. Дестинатив (причинно-целевой или предназначительный падеж). Оформляется сочетанием существительного с нулевым аффиксом + послелог *ösep*. Выражает значение цели, причины или предназначения.

3. Уподобительно-сравнительный падеж. При имени существительном с нулевым аффиксом употребляется один из следующих послелогов или послеложных слов: *kebek*, *sikelle*, *qädär*, *tösle*, *syman*, *xätle*, *caqlı* и т. п. Выражает уподобление кому-, чему-нибудь или сравнение с кем-, чем-нибудь. Этот падеж по своему значению полностью совпадает с синтетическим уподобительным падежом: *bürektäj* 'как шапка', *aıudaj* 'как медведь', *küıkädäj* 'как индюк' и т. д.

4. Изъяснительный падеж. Оформляется сочетанием имени существительного с нулевым аффиксом + послелоги *turında* или *haqında* и т. п. Выражает лицо, предмет или явление, представляющее собой объект разговора, размышлений, забот.

5. Местный падеж. Оформляется сочетанием имени существительного с нулевым аффиксом + послелоги или послеложные слова: *bujınca*, *bujlar*, *östendä*, *östendäge* или *astunda*, *astundaıy* и т. п. Выражает предмет, на поверхности которого или рядом с которым что-либо находится или что-то происходит.

6. Исходный падеж. Выражается сочетанием имени существительного с нулевым аффиксом + послеложные слова *astynnan* и *östennän* и т. п. Обозначает предмет, от которого направлено действие.

7. Направительный падеж. Оформляется сочетанием имени существительного с нулевым аффиксом + послеложные слова: *östenä*, *astyna* и т. п. Выражает предмет, место, в направлении которого происходит действие.

8. Причинный падеж. Оформляется сочетанием имени существительного с нулевым аффиксом + послеложные слова: *arqasynda*, *säbäple* и т. п. Выражает причинное отношение.

Исследование аналитического и синтетико-аналитического выражения падежных отношений — актуальная проблема тюркологии. Без учета аналитических форм падежных значений сравнительное, контрастивное и типологическое изучение тюркских и других языков будет неполным. Поэтому, например, Т. И. Дешериева при типологическом изучении системы падежей русского и чеченского языков вынуждена была ввести понятие «послеложно-падежных конструкций» и раскрыть их значения. Это позволило ей сопоставить систему падежных значений по всей полноте. В связи с данной проблемой Т. И. Дешериева пишет: «Существующее до сих пор чисто морфологическое (с формальной точки зрения) определение категории падежа, на наш взгляд, не может

быть положено в основу логически строгой, цельной концепции, способной однозначно решать спорные вопросы системы склонения любого языка, имеющего такую систему»¹¹.

Здесь уместно отметить, что в грамматиках тюркских языков наличие сложных глагольных форм в настоящее время является общепризнанным. В то же время сложные формы существительных, а именно аналитические формы выражения падежей, не получили еще соответствующего признания, оставаясь вне пределов морфологии. Для того, чтобы привести в стройную систему всю морфологию тюркских языков и ее категории, необходимо, по нашему мнению, включить в сферу изучения морфологии и аналитические формы выражения падежных значений. Итак, аналитическое выражение падежных отношений в тюркских языках представляет собой сложное явление и в системе грамматики занимает значительное место, поэтому **оно, независимо от терминологических обозначений, должно стать объектом всесторонних и глубоких исследований.**

В тюркских языках многие глагольные категории имеют также свои аналитические или описательные, иначе говоря, перифрастические формы. Однако существует большая путаница в обозначении и исследовании сложных глагольных форм. Такие термины, как «сложные», «аналитические», «описательные» и «перифрастические», либо смешиваются, либо используются каждый в отдельности для обозначения особых морфологических явлений, хотя все они описательно (аналитически) выражают морфологические значения.

Думается, пора уже положить конец подобной терминологической путанице в обозначении аналитических (сложных) форм глаголов.

Сложные (аналитические, описательные или перифрастические) формы могут выражать значение категорий времени, модальности и акционсанта (способов действия), наклонения. Поэтому в тюркологии целесообразнее вести исследование от самих грамматических функций к средствам их выражения, включая сложные (описательные, аналитические или перифрастические) формы, то есть изучить содержание в единстве с формой его выражения.

В. С. Храковский, развивая идеи Л. В. Щербы, пишет, что «исходным пунктом исследования должна служить опора на значение, а результатом исследования должен быть реестр тех формальных средств, которые используются для обозначения данной грамматической функции как в одном и том же, так и в различных языках»¹².

Категория времени в тюркских языках имеет следующие аналитические (сложные) формы: прошедшее длительное, давнепрошедшее, незаконченное и т. д. К чести тюркологов следует сказать, что во многих тюркских языках сложные формы времени изучены. Тем не менее при исследовании общей структуры аналитичности тюркских языков этим формам еще не уделялось должного внимания. В настоящее время тюркологам предстоит их изучение в сравнительном и сравнительно-ис-

¹¹ Т. И. Дешериева. Структура семантических полей чеченских и русских падежей. М., 1974, стр. 292.

¹² В. С. Храковский. Принципы типологического описания содержательных грамматических функций. — «Тезисы докладов Первого международного симпозиума ученых социалистических стран на тему „Теоретические проблемы восточного языкознания“», ч. 2. М., 1977, стр. 78.

торическом плане. В этом направлении уже ведутся исследования и появились первые публикации¹³.

Категории модальности и наклонения в тюркских языках также могут выражаться и аналитически. Эта проблема особенно тщательно исследована А. А. Юлдашевым¹⁴. Однако тюркологами изучены далеко не все аспекты категории модальности, обозначаемой иногда не совсем удачным термином «перифрастические формы», ибо этот термин, совпадая по значению с терминами «аналитические» и «описательные» формы, оставляет в тени само содержание этой категории.

В системе словообразования тюркских языков аналитические средства играют весьма большую роль: существительные, прилагательные, наречия и другие части речи, представляющие собой сложные лексические единицы, составляют значительный пласт лексики. Во многих тюркских языках количество сложных глаголов модели: *деепричастие + модифицирующий глагол* достигает нескольких десятков тысяч (см. труды Г. Алпарова, А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова, Х. Байлиева, Э. Р. Тенишева, А. А. Юлдашева, А. Г. Алекперова, Н. О. Оралбаевой, А. Т. Тыбыковой, М. М. Текуева и др.). Следовательно, аналитизм широко представлен и в словообразовательной системе тюркских языков.

Таким образом, как показывают факты, в системе морфологии тюркских языков аналитической морфологии принадлежит значительное место и актуальной задачей тюркологии является ее глубокое и всестороннее исследование.

¹³ См.: Б. Ч. Чарьяров. Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы. Ашхабад, 1969.

¹⁴ См.: А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.

Р. Г. СИБАГАТОВ

МОДАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЕНТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

Модальное значение, как известно, характеризует предложение в целом или только часть его. Когда модальное средство (аффикс, частица, вспомогательное слово и др.) относится к предиктируемой части, модальное значение распространяется как бы на все содержание предложения, а точнее, характеризует отношение (связь) главных членов в их логическом понимании, то есть отношение субъекта и предиката. В то же время модальную характеристику может получить любая часть (член) предложения, обозначающая предмет или свойство.

Стало быть, модальность может быть рассмотрена: 1) как выражение отношения к предметам; 2) как выражение отношения к свойствам; 3) как выражение отношения к отношениям¹.

Модальность как выражение отношения к предметам. Предмет в предложении обозначается лексико-грамматической единицей (чаще всего именем существительным), выполняющей синтаксическую функцию подлежащего и дополнения. Эти части предложения получают модальную характеристику прежде всего при употреблении с частицами, указывающими на связь (отношение) данного выраженного содержания с чем-то оставшимся невыраженным. Недаром в языкознании весьма часто отмечается, что частицы в чем-то близки предлогам и союзам. Так, например, А. М. Пешковский писал об усилительных частицах: «Самая усилительность их, по существу, сближает их с союзами: всякое усиление выступает всегда на фоне чего-то неусиленного, а этот фон дается (или предполагается) в предыдущей речи»². В. В. Виноградов также рассматривал частицы «в том же грамматико-семантическом кругу, к которому относятся предлоги, союзы и связки»³. То, что все эти средства языка выражают связь, отношение, безусловно, ставит их в один ряд. Однако между ними имеется и существенная разница: если предлоги и союзы выражают отношение «объ-

¹ Вопрос об отношении в любой его постановке, совершенно естественно, предполагает реальность элементов, между которыми это отношение существует. Выражение «отношение к предметам (свойствам, отношениям)», хотя в общем и отражает сущность явления модальности, однако элементы данного отношения эксплицирует недостаточно полно. Модальность рассматривается нами как отношение между элементами объективного и субъективного порядка, выделяемыми на уровне сознания. Их общее описание дано в статье автора «Модальность как структурно-семантическое единство» (см.: «Советская тюркология», 1978, № 4). На этой основе составлена следующая формула модального отношения: $Rm[S(X_{a1}), O(X_{a2})]$.

² А. М. Пешковский. Наш язык. М., 1925, ч. 1, стр. 84.

³ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1972, стр. 522.

ект — объект», то частицы выражают отношение «субъект — объект». С точки зрения формы (способа) функционирования сопоставляемых средств нельзя не заметить следующее: обычно обе части, связываемые союзами и предлогами, в предложении выражаются эксплицитно. Употребление частиц не обусловлено присутствием в составе предложения обеих противопоставляемых частей (элементов). Лексико-грамматическая единица, к которой относится частица, не может быть квалифицирована однозначно: только как выражение объективного элемента или только как выражение субъективного элемента⁴. Эта единица сама по себе (с частицей или без нее) является выражением отношения. Называя предмет именем (без частицы и других модальных средств), говорящий уже тем самым подтверждает, что данный предмет, привлекающий в данное время внимание (ОЭ), соответствует тому, который был до этого зафиксирован сознанием под названным именем (СЭ). Случаи соответствия объективного и субъективного элементов друг другу широко распространены в речи. В этом можно убедиться, в частности, подсчитав количественное соотношение слов предметного значения, включенных в предложение без частицы и с частицей.

Данное отношение (соответствие элементов), не имеющее особых показателей, не только не выделяется как модальное, но и вообще обычно ускользает от внимания исследователей. Модальность усматривается там, где обнаруживается какое-либо отклонение от обычного положения (отношения соответствия) — отклонение, маркируемое языковыми средствами (в частности, частицами).

На наш взгляд, представляется важным установить следующее: отношение, характеризующееся соответствием ОЭ и СЭ друг другу, следует рассматривать как исходное. В любом «нарушении» соответствия усматривается проявление модальности.

Существует тенденция подразделять частицы на модальные и логико-смысловые (немодальные). В зависимости от понимания модальности, разные классификации средств, имеющих отношение к данной категории, видимо, воспринимаются как вполне естественные. Однако деление частиц на модальные и немодальные неприемлемо. Если только частицы употреблены в своей функции, они всегда выражают отношение «субъект — объект», характеризующееся неполным соответствием СЭ и ОЭ друг другу.

В татарском языке при членах предложения с предметным значением чаще всего употребляются частицы: *гына/генә, да/дә, ук/үк, әллә, түгел* и др.

Частица *гына/генә* означает, что данный предмет выделяется из более широкого круга предметов. При этом свойство предмета «быть единственным» противопоставляется свойству «быть в числе других». И надо сказать, отнесенность указанных свойств к одному и тому же предмету обуславливает несколько необычную постановку вопроса об их отношении. Необходимо скорее всего говорить об отношении предмета к нему самому по указанным двум свойствам, нежели об отношении двух разных свойств друг к другу отвлеченно от их носителя. Таким образом, предмет со свойством «быть единственным» выступает в качестве ОЭ, а со свойством «быть в числе других» — в качестве СЭ. И значение частицы *гына/генә* предстает именно как выражение отношения, существующего между элементами выделенного типа. Ср., например, *китап ал-*

⁴ В дальнейшем изложении отражение, принимаемое за объект, назовем сокращенно ОЭ (объективный элемент), а отражение, принимаемое за субъект, — СЭ (субъективный элемент).

дым — *китап кына алдым* 'взял книгу — взял только книгу'. В первом случае (при употреблении существительного *китап* без частицы) происходит простая идентификация (узнавание) явления. Мы здесь в сущности подтверждаем: то, что преподносится действительностью (в виде ОЭ), соответствует тому, что существует в нашем сознании (в виде СЭ). Во втором случае (при употреблении существительного с частицей) идентификация явления, или отождествление объективного и субъективного, сочетается с их различием. Существительное *китап* с частицей *кына* указывает на то, что данный предмет характеризуется именно только как часть подразумеваемого при этом множества. Если существительное выражает отношение идентификации (тождества), то частица выражает отношение различия.

Показательно, что этот акт мышления не эксплицируется на уровне языка (речи) в том виде, в каком он происходит в действительности. На «поверхность» языка выходит скорее результат, то есть установленное (раскрытое) отношение, нежели сам процесс установления его (выделение и соотнесение элементов).

Если частица *гына/гена* выделяет предмет из группы предметов, то частица *да/да* присовокупляет предмет к группе предметов. Это отношение основывается на том, что, оказываясь, данный предмет обладает свойством, характерным и для других, а это как бы усиливает его значимость. Например, *эти да кайтты* 'и отец пришел'. Лицо, обозначенное словом *эти* 'отец', относится к числу тех, которые характеризуются свойством *кайтты* 'пришел'. Создается впечатление, будто здесь в качестве ОЭ и СЭ выступают разные явления. Однако это не так, ибо утверждается, что среди обладающих данным свойством есть и тот, кого мы называем конкретно. В обеих частях заключена мысль об одном и том же лице: «(1) До сих пор нам было известно, что пришли другие, но не пришел он (отец), (2) и вот среди тех, кто пришел, мы видим его». Это сложное отношение очень экономно и вместе с тем точно выражено частицей *да*, употребленной при имени.

Частица *ук/ук* употребляется тогда, когда необходимо подчеркнуть, что предмет, будучи частью (представителем) группы предметов, выступает в их общей функции. Например, *үзе ук айген тора* 'даже сам подсказывает'. При этом говорящий явно имеет в виду то, что хотя данное свойство (*айген тору* 'подсказывать'), казалось бы, должно было проявляться в некоторой совокупности лиц, включающей данное конкретное лицо, однако в действительности проявляется лишь в части ее.

Частицей *алла* выражается неопределенность соответствия между предметом — ОЭ и предметом — СЭ, например: *Элла Гали инде?* 'Неужели Гали?'.

Некоторую сложность представляет определение содержания частицы *түгел*. В данном случае имеет место такое отношение, которое, на первый взгляд, трудно представить как отношение предмета к самому себе. В действительности подразумевается отношение присутствия предмета к его отсутствию. Это отношение равноценно, по математической терминологии, отношению действительного числа к нулю. Речь идет о присутствии и отсутствии одного и того же явления, то есть об отношении явления к самому себе по свойствам: «быть» — «не быть», «иметь место» — «не иметь места». Ср., например, *өй түгел, урам түгел* 'не дом, не улица'. Частица *түгел*, употребляемая при существительном, отрицает предмет не вообще, а по отношению к чему-то другому. Иначе говоря, предмет, существуя в сознании (как СЭ), может отсутствовать в наблюдаемой конкретной действительности (как ОЭ). И частица *түгел* выражает не просто отсутствие предмета в действительности, а отсутствие предмета,

существующего в сознании в качестве исходного момента. Если исключить наличие (реальность) такого исходного момента (СЭ), то всякое отрицание теряет смысл, так как становится отрицанием того, о существовании чего говорящий и не подозревает.

Модальность как выражение отношения к свойствам. Лексико-морфологически свойства обозначаются прилагательными и наречиями. Однако лексико-синтаксическое понимание свойства шире, чем лексико-морфологическое понимание его. Сюда приходится отнести все словоформы, выполняющие функцию определения (свойства предметов), и все словоформы в функции обстоятельства (свойства действия). Эти словоформы могут обладать модальными характеристиками, которые им также придают употребляемые при них частицы. Причем частицы в таких случаях имеют более широкое употребление. Характерно, что частицы, с помощью которых выражается отношение к предметам, одновременно служат и для выражения отношения к свойствам. Ср., например, употребление частиц *гына/генә, да/дә, түгел*: *зур гына өй* 'довольно большой дом'; *иртәгә дә кил* 'и завтра приходи'; *күпән түгел булган хәл* 'событие, которое произошло не так давно'.

Кроме того, отношение к свойствам выражается частицами *нәкъ, иң, һич* и др. Например: *нәкъ уйлаганча булды* 'вышло точно так, как думали'; *иң күңелле көннәр* 'самые веселые дни'; *һич көтөлмәгән хәбәр* 'известие, которого никак не ожидали'.

В татарском языке, как и в других тюркских языках, части предложения, выраженные причастием, получают модальную характеристику также на базе форм времени, что, в частности, имело место в двух примерах, приведенных выше.

Указанные средства, противопоставляя свойство ОЭ свойству СЭ (или наоборот), выражают отношение между ними.

Частица *нәкъ* указывает на то, что данное свойство (ОЭ) как нельзя более полно соответствует тому (СЭ), с учетом которого выражается говорящий. Речь, таким образом, идет не об обычном, а о подчеркнутом соответствии. Здесь участие субъекта проявляется сильнее, чем в обычных (немаркированных) случаях соответствия.

Частица *иң* выражает интенсивность (полноту) свойства. Данное проявление свойства (ОЭ) выделяется из множества других проявлений его, допускаемых субъектом.

Частица *һич* употребляется в сочетании с аффиксом *-мый/-ми, -ма/-мә*. Ср., например, *һич белмиңә* 'совершенно не зная'; *һич көтмәгән-дә* 'тогда, когда никак не ожидали'. Аффикс *-мый/-ми, -ма/-мә* по своему значению соответствует частице *түгел*. Модальное отношение, выражаемое аффиксом *-мый/-ми, -ма/-мә*, так же как и модальное отношение, выражаемое частицей *түгел*, в целом может быть определено как отношение присутствия, наличия чего-то (в данном случае — свойства) к отсутствию его. Это отношение обычно называется отрицанием. Частица *һич* осложняет (усиливает) отрицание. Ее употребление обуславливается именно тем, что говорящий допускает разные степени отрицания свойства. Свойство в данном отрицании (ОЭ) противопоставляется всевозможным другим отрицаниям его (СЭ).

Наконец, о модальной сущности форм времени. Грамматическое время вообще определяется как отношение субъективной точки отсчета к объективному моменту действия. Видимо, грамматическое время, относящееся и к части предложения, и к предложению в целом, представляет собою явление, удовлетворяющее условиям определения модальности (подробнее об этом смотрите ниже).

Модальность как выражение отношения к отношениям. Как уже отмечалось, под формулировкой «отношение к отношению» подразумевается отношение говорящего к отношению, устанавливаемому между субъектом и предикатом суждения. Здесь имеет место случай, когда в качестве явления, выступающего в сознании, с одной стороны, в роли объекта, а с другой — в роли субъекта, берется именно отношение (логическое обозначение его: $S-P$, где S — субъект, P — предикат).

В логике отношение, взятое само по себе, характеризуется как система (предмет). «Отношение можно разложить на совокупность отношений, т. е. рассматривать его как систему отношений», — пишет А. И. Уемов⁵. При этом одни из этих частных отношений оказываются в положении внутренних свойств системы, а другие — в положении внешних свойств ее.

Отношение ($S-P$), противопоставленное самому себе, обнаруживает тождество по внутренним и различие по внешним свойствам.

В общей формуле модальности явление, вступающее в отношение, было обозначено буквой X . Здесь, в целях уточнения, ее можно заменить обозначением: $S-P$. Формула модальности, выражающей отношение к отношению, приобретает вид: $R^m[S(S-P_{a_1}), O(S-P_{a_2})]$.

Среди средств, с помощью которых выражается отношение к отношению, безусловно, особое место занимают наклонения (изъявительное, повелительное, желательное, условное). Характерно, что определения наклонения и модальности, рассматриваемой как выражение отношения к отношению, целиком и полностью совпадают. Так, например, А. М. Пешковский наклонение определяет именно как выражение отношения к отношению, то есть отношения говорящего субъекта к отношению, существующему между предметом (S) и признаком (P)⁶. Это определение без существенного изменения принято и В. В. Виноградовым. Ср.: «Категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом»⁷. Правда, действующее определение наклонения внешне выглядит несколько иначе. Но в его основе лежит то же (старое) определение. В академической грамматике татарского языка говорится: «Категория наклонения выражает устанавливаемое говорящим лицом отношение действия к действительности»⁸. Здесь выражение «отношение действия с действующим лицом» предыдущих определений заменено выражением: «отношение действия к действительности». Но это последнее понятие в лингвистике традиционно интерпретируется именно как отношение действия с действующим лицом.

Можно сказать, что в современной трактовке наклонение и модальность образуют неразрывное единство.

Отношение к отношению, кроме категории наклонения, выражается особым разрядом лексических единиц, обычно называемых модальными словами. К их числу относятся, во-первых, модальные слова, выполняющие функцию вводных слов: *имеш, элбатта, ниһаять, ахрысы* и другие; например: *...Тагын бер хәбәр ишетелде: и м е ш, Закиржан Бохарагамы, Төркиягәме, Гарәбстангамы укырга киткән* (Г. Эпсәләмов) 'Получено еще известие: будто Закирджан уехал на учебу не то в Бухару, не то в Турцию, не то в Аравию'; *Ә л б а т т а, Миләүшәнең сүзләре бетмәгән иде әле* (Ф. Хәснi) 'Конечно, Миләүша хотела еще что-то сказать';

⁵ А. И. Уемов. Вещи, свойства и отношения. М., 1963, стр. 61.

⁶ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном изложении. М., 1938, стр. 107.

⁷ В. В. Виноградов. Указ. раб., стр. 457.

⁸ «Современный татарский литературный язык». М., 1969, стр. 218.

Н и н а я т ь, а р ы й Ёхтигэрай абзый (Г. Ахунов) 'Наконец, устал Бахтигарей-абзый'.

Во-вторых, отношение к отношению выражается модальными словами, входящими в состав сказуемого (предиката): *бар, юк, мөмкин, ярый, кирэк, тиеш* и другие; например: *Әдиләнең җырлаганын байтактан ишеткән юк иде* (А. Гыйләжев) 'Давно уже я не слышал, как поет Адиля'; *...Сугыш һич уйламаган хәлләргә дә дучар итүе мөмкин шул* (Х. Камалов) 'Война может создать такое положение, которое невозможно предугадать'; *Тик ир кеше еламаса, нык булырга тиеш* (Ш. Рәкыйпов) 'Но мужчина не должен плакать, он должен быть крепким'; *Шулай да без әкрәнләп бер-беребезгә шактый гына ияләштек дияргә я р ы й* (Ә. Касыймов) 'Можно сказать, что постепенно мы привыкли друг к другу'⁹.

Частицы, выражающие отношение к предметам и свойствам, одновременно употребляются для выражения отношения к отношениям. Кроме них, имеются частицы, исключительно или преимущественно служащие именно выражению отношения к отношению. В их число входят частицы: *-дыр/-дер, -чы/-че, лабаса/лабаса, соң, инде* и др. Приведем примеры: *Син берәз кызган мине, коткар чы, и адәм генәм* (Г. Тукай) 'Пожалей ты меня хоть немножко, спаси, человек'; *Үзгәргән д е р Әдилә, күрешмәгәнгә ике җәй, бер кыш узды ла б а с а!* (А. Гыйләжев) 'Наверно, уже изменилась Адиля, ведь с тех пор, как не виделись, прошли два лета и одна зима!'; *Мирыч риза буламы соң!* (Ә. Касыймов) 'Да разве Мирыч согласится!'; *Читлектәге кош бәхетле булмый и н д е ул* (Ә. Маликов) 'Уж точно — птица в клетке не будет счастливой'.

Данный тип модальности прежде всего опирается на наклонение. Другие средства, а именно модальные слова и частицы, присутствуют не в каждом предложении. Они, можно сказать, служат нерегулярными дополнениями к основному средству — наклонению.

Модальность, характеризующаяся как выражение отношения к отношению, безусловно, явление более сложное, нежели первые два типа модальных отношений. Сложность главным образом заключается в том, что здесь как бы непосредственно сталкиваются и взаимодействуют два основных типа выражаемых в языке отношений: отношение «объект — объект» и отношение «субъект — объект». Однако важно подчеркнуть, что принцип образования модальных отношений и для данного случая остается неизменным. Модальность, рассматриваемая как выражение отношения к отношению, также представляет собою явление, единое с другими типами модальности. Одно проявление отношения $[O(S-P)]$ противопоставляется другому проявлению его $[S(S-P)]$. Модальное оформление субъектно-предикатной конструкции является следствием, результатом их взаимоотношения.

Попытаемся выделить упомянутые $O(S-P)$ и $S(S-P)$, противопоставляемые друг другу по разным свойствам при употреблении различных модальных средств.

Прежде всего привлекает внимание противопоставление в плане времени. Формы времени изъявительного наклонения выражают отношение времени $S(S-P)$ ко времени $O(S-P)$. Форма настоящего времени

⁹ Известны утверждения, что вводное слово может относиться также к части предложения, то есть выражать отношение к предметам и свойствам. Но этот вопрос, как будто уже решенный в грамматическом плане, требует еще и логического уточнения. Дело в том, что часть предложения, к которой относится вводное слово, выделяется логически, и это ставит ее на место предиката (нового). А вводное слово, относящееся к предикату, выражает отношение к отношению, а не отношение к предмету и свойству.

употребляется тогда, когда время $S(S-P)$, то есть время языкового (мысленного) связывания субъекта с предикатом, и время $O(S-P)$, то есть время их действительной связи, совпадают. Формы прошедшего и будущего времени указывают на разобщенность $S(S-P)$ и $O(S-P)$ по времени: грамматическое прошедшее выражает предшествование $O(S-P)$ и последование $S(S-P)$, грамматическое будущее — предшествование $S(S-P)$ и последование $O(S-P)$ в отношении друг друга.

Очень часто в лингвистической теории из соотнесенности глагольного предиката с одним из трех временных планов выводится понятие реальности. На этой основе изъявительное наклонение, рассматриваемое как средство выражения реальной модальности, ставится в оппозицию по отношению к другим (не имеющим временных характеристик) наклонениям, в которых усматривается выражение ирреальной модальности. Этот вопрос, на наш взгляд, нуждается в уточнении. При упомянутом подходе видно, что неразграничение понятий временной определенности и реальности, в свою очередь, приводит к неразграничению изъявительного наклонения и средств выражения реальной модальности. Между тем границы этих понятий не совпадают. Реальность в философии определяется как нечто самостоятельно существующее¹⁰. Таким существованием обладает не все то, что в языке относится к одному из трех временных планов. Если, скажем, субъектно-предикатное отношение, выражаемое с помощью форм настоящего и прошедшего времени, в общем воспринимается как реальность (процесс и результат), то субъектно-предикатное отношение, выражаемое с помощью формы будущего времени, воспринимается как ирреальность, то есть как будущее, предстоящее, но пока недействительное. Вопрос о модальной специфике грамматического будущего, до конца не решенный в общей теории, многими тюркологами ставится именно так¹¹. Мы разделяем это мнение.

Таким образом, изъявительное наклонение, обладая обычно временной определенностью, может выражать как реальную, так и ирреальную модальность. С другой стороны, кстати, остальные наклонения, не проявляя отношения ко времени (в морфологическом понимании его), выражают только ирреальную модальность.

Субъектно-предикатная конструкция, выражающая реальное отношение, как правило, предполагает временную определенность. Однако это еще не означает, что понятие реальности вытекает именно только из определенности того, в каком временном плане это отношение устанавливается. Примерно то же (но в обратном смысле) следует сказать об ирреальном отношении. Хотя это отношение в большинстве случаев не имеет временной определенности, ирреальность порождает не только ее отсутствие. Здесь, по всей видимости, мы сталкиваемся с явлениями, которые частично перекрещиваются, но далеко не совпадают. Каждое из них (как выражение временной определенности, так и выражение реальности — ирреальности) существует самостоятельно, образуя особую внутреннюю структуру.

Различие структур временной определенности, с одной стороны, и реальности—ирреальности — с другой, вытекает из того, что отношение между $O(S-P)$ и $S(S-P)$ в каждом из двух случаев устанавливается по свойствам различного (специфического) плана. За основание при определении времени (в лингвистическом понимании) принимается то, к какому моменту относится $O(S-P)$ и к какому — $S(S-P)$. Если время,

¹⁰ А. И. Уемов. Упом. раб., стр. 71—74.

¹¹ М. В. Зайнуллин. Хәзргә башкорт телендә модаллек категорияһы. Өфө, 1975, стр. 126—131.

совпадающее с моментом речи, обозначить t_1 , время до момента речи — t_2 , время после момента речи — t_3 , то время, характеризующее содержание предложения (суждения), будет определяться: 1) как отношение $S(S-P^{t_1})$ к $O(S-P^{t_1})$ — настоящее время; 2) как отношение $S(S-P^{t_1})$ к $O(S-P^{t_2})$ — прошедшее время; 3) как отношение $S(S-P^{t_1})$ к $O(S-P^{t_3})$ — будущее время. Стало быть, $S(S-P)$ и $O(S-P)$, составляющие тождество по внутренним свойствам, одновременно вступают в три различных по внешним свойствам отношения. В одном случае (при выражении настоящего времени) внешние свойства (t_1 и t_1), приписываемые $S(S-P)$ и $O(S-P)$, совпадают. В двух остальных случаях такого соответствия нет: $S(S-P)$, всегда характеризующее свойством t_1 , противопоставляется $O(S-P)$, характеризующему либо свойством t_2 , либо свойством t_3 .

При определении реальности—ирреальности за основание принимаются свойства другого характера. То, что связывается в языке (в субъектно-предикатной конструкции), может быть связанным и не связанным в действительности. Иными словами, субъектно-предикатное отношение, устанавливаемое говорящим посредством языковых средств, может и самостоятельно существовать в действительности, но может и не существовать. Сопоставим два предложения: 1) *Укучы сөйлә* 'Ученик говорит'; 2) *Укучы сөйләсен* 'Пусть ученик говорит'. В обоих предложениях устанавливается отношение понятий *укучы* 'ученик' и *сөйләү* 'говорить'. В языковом плане (субъективно) связь между ними реальна (существует самостоятельно). Но в объективном плане отношение, выраженное первым предложением, имеет место в действительности, а отношение, выраженное вторым предложением, не имеет места в действительности (это всего лишь выражение воли говорящего). С этих позиций предложения, расчленяемые по своей структуре, образуют две группы, выражающие: 1) отношение субъективного существования связи ($S-P$) к ее объективному существованию; 2) отношение субъективного существования связи ($S-P$) к ее объективному несуществованию. Первый тип отношений представляет собою то, что обычно называется реальной модальностью. Второй тип отношений совпадает с понятием ирреальной модальности. Обозначив существование отношения знаком $+$ (плюс), несуществование знаком $-$ (минус), реальную модальность в формуле можно выразить так: $R^m[+S(S-P^{a_1}), +O(S-P^{a_2})]$. Формула ирреальной модальности будет иметь следующий вид: $R^m[+S(S-P^{a_1}), -O(S-P^{a_2})]$. Следует заметить, что реальность и ирреальность как значения существуют не дискретно, не изолированно, а как общие части (инварианты) более частных значений. Поэтому при составлении формул мы абстрагируемся от частных проявлений двух типов модальности.

Характерно, что из формулы реальной модальности может быть выведена формула: R (плюс, плюс), что соответствует сущности понятия утверждения. Из формулы ирреальной модальности вычленяется формула: R (плюс, минус), выражающая сущность явления отрицания. Реальная модальность и утверждение, ирреальная модальность и отрицание, в конечном итоге, тесно соприкасаются, предполагают друг друга, сосуществуют, однако они не отождествимы. Если утверждение означает то, что $S(S-P)$, допускаемое мысленно, находит себе соответствие в действительности, то реальная модальность — это выражение различных степеней (характеристик) соответствия¹². Степени утверждения, обра-

¹² Примечательно, что в математической логике модальность вообще рассматривается как сильное и слабое утверждение или как сильное и слабое отрицание. См.: Р. Фейс. Модальная логика. М., 1974.

зуемые формами наклонения, частицами, вводными словами и другими средствами, варьируются в очень широком диапазоне. Ср., например, простое утверждение: *Ул эшли* 'Он работает'; усиленное утверждение: *Ул, элбэтгэ, эшли* 'Он, конечно, работает'; ослабленное утверждение: *Ул эшлидэр* 'Он, наверно, работает'; *Ул эшли бугай* 'Он, кажется, работает'. Иногда граница между утверждением и отрицанием вообще стирается; например: *Ул эшли янэсе* 'Он будто работает'; *Ул эшли имеш* 'Он, дескать, работает'.

Переход от утверждения к отрицанию (кстати, также допускающему разные степени) означает переход от сообщения о реальном к сообщению об ирреальном. Однако понятие ирреальности гораздо шире понятия отрицания.

Понятие ирреальности образуется целой группой средств. Сюда, прежде всего, относятся те формы изъявительного наклонения (с отрицанием), которые без отрицания выражают реальность, то есть формы настоящего и прошедшего времени в сочетании с аффиксом отрицания. Ср., например: 1) *Кошлар кайта* (*кайтты, кайткан*) 'Птицы возвращаются (возвратились)'; 2) *Кошлар кайтмый* (*кайтмады, кайтмаган*) 'Птицы не возвращаются (не возвратились)'. Если в первом случае (в утвердительной форме) выражается реальность связи (отношения), то во втором случае (в отрицательной форме) — нереальность ее. Здесь отрицание и ирреальность (равно как утверждение и реальность) — неразделимы. На этом уровне, по всей видимости, ирреальность можно определить как выражение различных степеней отрицания; ср.: *Ул белми* 'Он не знает' (простое отрицание); *Ул, элбэтгэ, белми* 'Он, конечно, не знает' (усиленное отрицание); *Ул белмидер* 'Он, наверно, не знает' (ослабленное отрицание); *Ул белми янэсе* 'Он будто не знает' (отрицание, граничащее с утверждением). Однако единство отрицания и ирреальности ограничивается лишь формами настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения (с аффиксом *-мый/-ми, -ма/-мэ*). Другие же группы средств выражения ирреальности, сохраняя свою основную модальную характеристику (значение ирреальности) неизменной, тем не менее могут сочетаться как с отрицанием, так и с утверждением. Таким свойством обладают: 1) формы будущего времени изъявительно-го наклонения, например: *Ул килэчэк* — *Ул килмэчэк* 'Он придет — Он не придет'; 2) формы повелительного наклонения, например: *Син кил* — *Син килмэ* 'Ты приходи — Ты не приходи'; 3) формы желательного наклонения, например: *Без килик* — *Без килмик* 'Давайте придем — Давайте не придем' и т. д.

В итоге взаимоотношения понятий реальности и ирреальности, с одной стороны, и утверждения и отрицания — с другой, характеризуются нижеследующими четырьмя случаями.

1. Выражение реальности и утверждение образуют единство. Два явления совмещаются в одной общей формуле: $R^m[+S(S-P_1), +O(S-P_2)]$.

2. Выражение ирреальности и отрицание образуют единство, где формулы также совмещаются: $R^m[+S(S-P_1), -O(S-P_2)]$.

3. На выражение ирреальности накладывается утверждение. В целом, конечно, ирреальность как отношение $S(S-P)$ с плюсовой характеристикой к $O(S-P)$ с минусовой характеристикой исключает утверждение в обычном смысле. Но ирреальность, как мы уже отметили, не просто отношение присутствия $S(S-P)$ к отсутствию $O(S-P)$, а скорее отношение характера присутствия первого к характеру отсутствия второго. Если отношение присутствия (+) к отсутствию (—) дает отрица-

ние, то отношение характера присутствия к характеру отсутствия образует ирреальную модальность. Таким образом, уясняем характер присутствия $S(S-P)$ и характер отсутствия $O(S-P)$. Оказывается, что как присутствию, так и отсутствию ($S-P$) приписываются свойства, по которым также устанавливается отношение. Притом приписываемые свойства, в свою очередь, могут обладать как положительным (+), так и отрицательным значением (-). Отношение по свойствам, обладающим положительными значениями, дает именно то утверждение, которое накладывается на выражение ирреальности. Обратим внимание на конкретное проявление данного отношения. Например, форма будущего времени изъявительного наклонения (без отрицания) употребляется тогда, когда устанавливаемое мысленно (но не существующее объективно) субъектно-предикатное отношение может быть осуществлено после момента речи. Здесь отношение между предметом (S) и свойством (P), допускаемое субъективно, допускается и объективно. В предложениях типа: *Ул килэчэк*, *Ул килер* 'Он придет' как раз и выражается ирреальность, на которую накладывается утверждение. Это, иными словами, не что иное, как утверждение на уровне внешних свойств при отсутствии соответствия по внутренним свойствам. С однотипной структурой встречаемся в случаях употребления положительных форм повелительного и желательного наклонений. Субъектно-предикатное отношение, являющееся с точки зрения субъекта необходимым, требуемым, желательным и т. д., объективно также может оказаться осуществимым. Это отношение выражается в таких предложениях, как, например: *Мин барыйм* 'Пойду-ка я'; *Син бар* 'Иди ты'; *Ул барсын* 'Пусть он пойдет'; *Их, алар барса иде!* 'Эх, пошли бы они!'

Теперь можно уже уточнить формулу ирреальной модальности, на которую накладывается утверждение. Как и присутствие субъектно-предикатного отношения вообще, присутствие свойств с положительной характеристикой обозначим знаком + (плюс). Этот знак поставим с правой стороны соотносящихся элементов, перед обозначением свойства a . Формула будет иметь следующий вид: $R^m[+S(S-P^{+a_1}), -O(S-P^{+a_2})]$.

4. Наконец, на выражение ирреальности накладывается отрицание. В этом случае приписываемое $[+S(S-P)]$ свойство a_1 с положительным значением противопоставляется приписываемому $[-O(S-P)]$ свойству a_2 с отрицательным значением и, наоборот, приписываемое $[+S(S-P)]$ свойство a_1 с отрицательным значением — приписываемому $[-O(S-P)]$ свойству a_2 с положительным значением. В формуле это будет выглядеть так: $R^m[+S(S-P^{+a_1}), -O(S-P^{-a_2})]$ и $R^m[+S(S-P^{-a_1}), -O(S-P^{+a_2})]$. Фактически это выражение отрицания на уровне внешних свойств, реализуемое с помощью отрицательной формы будущего времени изъявительного наклонения, а также отрицательных форм повелительного и желательного наклонений; например: *Ул эйтмэс* 'Он не скажет'; *Син сорама* 'Ты не спрашивай'. Аффикс *-ма/-мэ* в качестве отрицания используется в приведенных предложениях не для того, чтобы указать вообще на отсутствие связи между субъектом и предикатом. Отрицательная форма будущего времени изъявительного наклонения (первое предложение) указывает на то, что субъектно-предикатное отношение, реализуемое в языке, не имеет оснований для того, чтобы быть установленным в действительности после момента речи. Получается, что допускаемое в субъективном плане не допускается в объективном плане (отношение: плюс—минус). Отрицательные же формы повелительного и желательного наклонений употребляются в случаях, когда отсутствие данного субъектно-предикатного отношения является субъективно необходимым, требуемым, желаемым, в то время как

объективно это отношение может быть осуществлено (отношение: минус—плюс).

Таким образом, вопрос о модальном конституенте предложения может быть рассмотрен в разных аспектах, что позволяет сделать следующие выводы:

1. **По отношению к системе средств языка.** С этой точки зрения, модальность представляет собою категорию, объединяющую в себе лексические, морфологические, конструктивно-синтаксические и интонационные средства.

2. **По отношению к строю предложения.** Модальность характеризует или часть предложения или предложение в целом. При этом модальная единица, не участвуя в образовании цепи предложения, занимает синтагматически изолированное (висячее) положение.

3. **По выполняемой функции в коммуникации.** Модальность выступает как специфический способ выражения: а) отношения к предметам, б) отношения к свойствам, в) отношения к отношениям.

4. **По внутренней структуре.** Модальность, прежде всего, подразделяется на два основных типа: а) реальную модальность (отношение субъективно существующего к объективно существующему), б) ирреальную модальность (отношение субъективно существующего к объективно несуществующему).

Проблема модальности выходит за рамки собственно лингвистических категорий и решать ее необходимо комплексно, основываясь на положениях не только лингвистики, но также логики и философии.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Э. Ф. ИШБЕРДИН

МОНГОЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

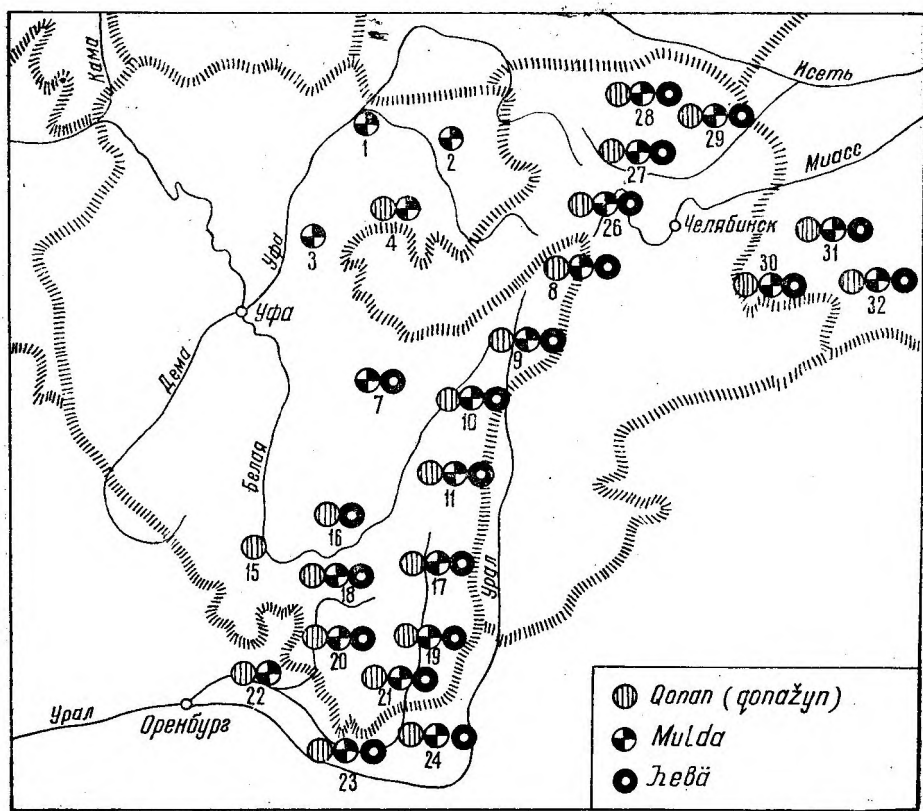
Для проведения сравнительно-исторического исследования лексики тюркских языков необходима четкая дифференциация исконных слов, восходящих к эпохе праязыка, и лексических заимствований из других языков. Поэтому большой научный интерес представляют лексические соответствия в тюркских и монгольских языках, имеющие в устойчивых разрядах лексики общие корни и относящиеся как, возможно, ко времени общеалтайской языковой общности, так и к поздним заимствованиям, возникшим в результате развития языковых контактов уже после завершения процесса формирования этих языков. Причем выявление лексических заимствований должно производиться как в общем тюрко-монголоведческом плане, так и посредством исследования словарного состава конкретных языков этих двух языковых семей. Задачу затрудняет невозможность установления строгого критерия выделения исконно общих слов и заимствований. Изучение общей для башкирского и монгольского языков лексики позволяет отметить несколько существенных моментов в этом вопросе.

Одним из этих важных моментов является степень распространенности общих лексических единиц как в башкирских говорах, так и в современных тюркских языках и древних письменных памятниках. Если общие для башкирского и монгольского языков слова не получили широкого распространения в башкирских говорах, то есть являются узколокальными и не характерны для большинства современных тюркских языков, а также отсутствуют в древнетюркских письменных памятниках, причем для обозначения тех же понятий имеются другие собственно тюркские слова, то вполне можно допустить, что эти слова представляют собой поздние заимствования из монгольских языков.

Для установления ареала таких слов наиболее достоверным следует считать лингвогеографический метод. Выборочное картографирование некоторых общих для башкирского и монгольского языков слов позволило определить четко выраженные границы их распространения на территории бытования современного башкирского языка (см. карты 1—3 на стр. 21—23¹).

Так, например, слова *qопап* 'трехлетний жеребец' (монг. *гунан* 'трехлетний' — о самцах животных), *qопаʒуп* ~ *qопазуп* ~ *qопајур* 'трех-

¹ На картах отмечены только монгольские заимствования без их тюркских параллелей, не указаны также все фонетические варианты и семантические расхождения при общем семантическом поле.

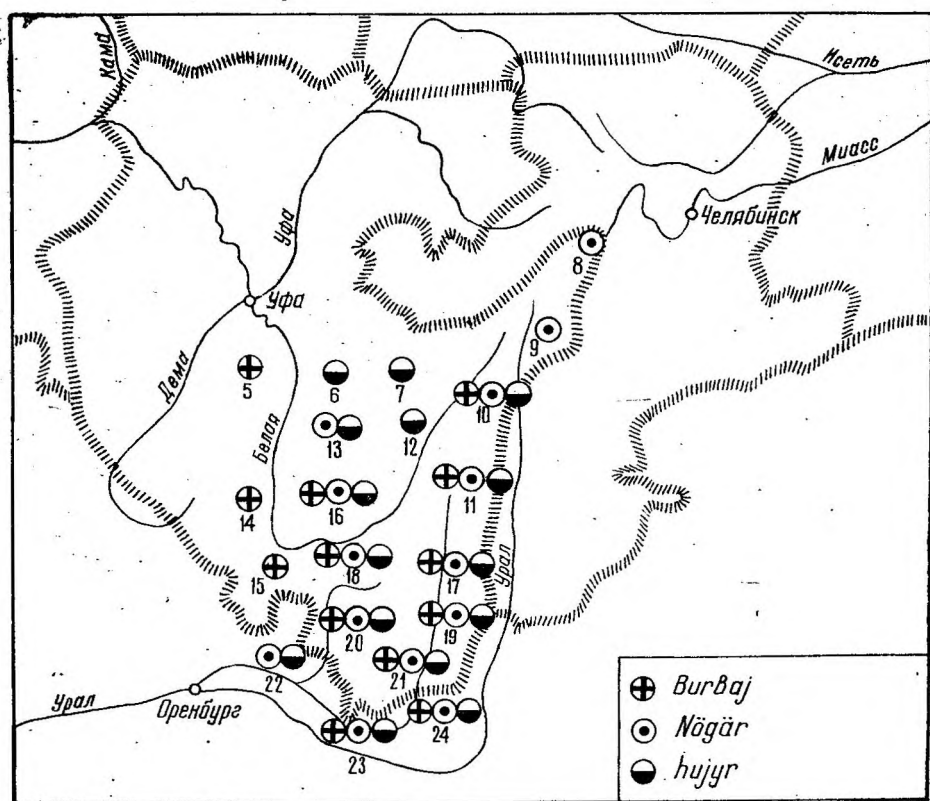
Карта 1.

Обозначения населенных пунктов на картах 1—3:

1. Месягутово. 2. Старый Белокатай. 3. Абдуллино. 4. Аркаулово. 5. Старо-Бабицево. 6. Имендяшево. 7. Зуяково. 8. Мулдашево. 9. Ахуново. 10. Абзаково. 11. Кулгунино. 12. Азиевское. 13. Гумерово. 14. Илькенеево. 15. Худайбердино. 16. Ялчино. 17. Темясово. 18. Усманово. 19. Ишмурзино. 20. Абзано. 21. Галиахметово (Башкирская АССР). 22. Имангулово. 23. Зиянчурино. 24. Байгазаково (Оренбургская область). 25. Арасланово. 26. Биккулово. 27. Аргаяш. 28. Куяш. 29. Байгускарово (Челябинская область). 30. Сарт Абдрашево. 31. Абылтаево. 32. Зайникеево (Курганская область).

летняя кобыла' (монг. *гунжин* 'трехлетняя' — о самках животных); *tunda* ~ *mulda* 'холка' (монг. *мунда* — то же); *hebä* ~ *höbä* 'ложное ребро', 'грудинка', 'кусочек мяса, вручаемый в качестве приза', *hebä qaburğa* 'ложное ребро' (монг. *сүврэгдэс*, бур. *хүбөө хабирга* 'ложные ребра') распространены по всей восточной зоне Башкирии. На остальной территории эти слова и их собственно тюркские параллели (кроме описательных названий) отсутствуют.

Слово *pögär* ~ *nügär* ~ *mögär* ~ *üngär* ~ *ünger* ~ *ünär* ~ *üner* 'товарищ жениха, сопровождающий его в дом невесты', в эпических произведениях — 'воин', 'дружижник' (монг. *нэхэр* 'товарищ', 'супруг') распространено только в юго-восточной зоне, в остальных же районах функционируют слова *kejäu jegete* (букв. 'джигит жениха'), *kejäu iptäše* (букв. 'товарищ жениха'), *kejäu kösögö* (букв. 'щенок жениха'), *kejäu qışayahy* (букв. 'напарник жениха') и *küser* (<русс. *кучер*). Слово *bürbaj* ~ *bugbaj* 'голень', 'икры ног' (монг. *борви* — то же) соответствует общетюркское слово *baltur*. Слово *hujug* 'глухарь' (монг. *сойр* — то же) юго-восточной зоны в остальных зонах соответствуют слова *qır körkähe* (букв.

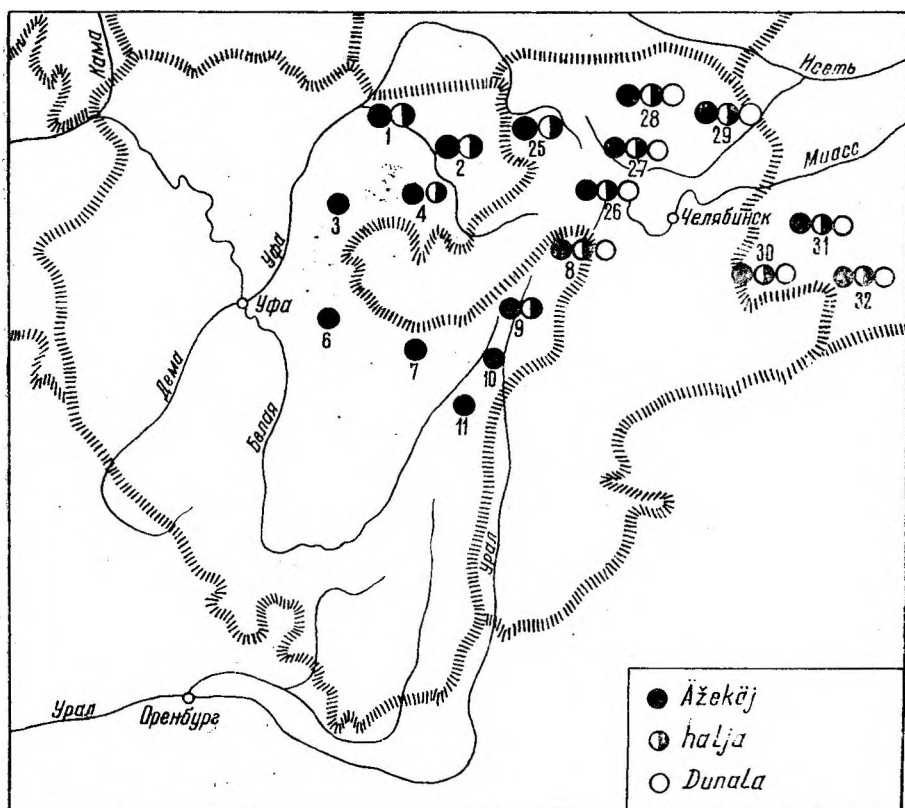

Карта 2.

‘дикий индюк’) *qur tavuɣu*, *urman tavuɣu* (соотв. ‘дикая курица’, ‘лесная курица’), *seläŋsän* и др.

Слово *dunala* ~ *donala* ~ *dolana* ‘боярышник’ (монг. *долоогоно* — то же) бытует только в северо-восточной зоне, а на остальной территории распространены слова *enälek* (от *enä* ‘иголка’), *qamugaɣas* (букв. ‘тесто-дерево’), *teştekäj* (уменьш. от диал. *tešte* ‘имеющий зубы’), *huɣnar*, *jedäj* и другие с большим числом фонетических вариантов. Слову *äzekäj* ~ *äzegäj* ~ *äzekäj* ~ *äzegäj* ‘красный творог’, ‘кушанье из красного творога с маслом и сладостями’ (монг. *ээзгий* ‘творог’) на остальной территории соответствуют *quɖyl eremsek* (букв. ‘красный творог’) или описательные названия; слову *halja* ~ *halža* ~ *xalja* ~ *xalža* ‘клещ’ (монг. *шалза* — то же) — *talpan*.

К словам, общим с монгольскими языками и не получившим повсеместного распространения в башкирских говорах, относятся также *hapaj* ‘висок’, ‘височные волосы’ (монг. *чамархай* ‘висок’); *haɣalɣun* ~ *haɣalɣun* ~ *saralɣin* ‘бекас’ (монг. *сараалжин* ‘кулик’), *jejän* ~ *žian* ‘внук’, ‘дети выданной на сторону женщины по отношению к ее бывшим односельчанам’ (монг. *зээ* ‘внук’); *ajmaq* ‘род’, ‘название родового подразделения’ (монг. *аймак* ‘племя’, ‘название административного деления’, ‘раздел’); *qusqar* ‘баран-производитель’ (монг. *хуц* — то же); *bülterek* ‘козленок или ягненок летне-осеннего приплода’, ‘волчонок’ (монг. *бэлтрэг* ‘волчонок’); *qarhaq* ‘степная лиса’ (монг. *хярс* — то же); *tuɣadaq* ‘дрофа’ (монг. *тоодог* — то же); *kümägäj* ~ *kömägäj* ~ *kümäj* ‘кадык’, ‘язычок’ (монг. *хөөмий* ‘зев’, ‘горло’); *taɳlaj* ~ *taɳpaj* ~ *taɳdaj* ~ *taɳɣalaj* ‘небо’ (монг. *тагнай* — то же); *jaɣal* ‘с белыми пятнами на шее и лопатках’ —

Карта 3.

о животных (монг. *загал* 'серый', 'с белыми пятнами на шее'); *müldergä* ~ *böldörgä* 'темляк' (монг. *бөгөлдөргө* — то же); *jele* 'протянутая по земле веревка, к которой привязывали телят, жеребят' (монг. *зэл* — то же); *köjäd* 'красивый', 'щегольской', 'нарядный' (монг. *гоё* — то же); *kikel* 'челка' (монг. *гөхөл* — то же); *qapjaŋa* 'торока' (монг. *ганзага* — то же); *buŋaŋa* 'порог', 'крыльцо' (монг. *богсо* — то же); *bolaq* 'ручей', 'родник' (монг. *булаг* 'родник') и др.

Картографирование подобных слов позволило заключить, что заимствование монгольских слов шло тремя волнами, имеющими, видимо, различную хронологию и, возможно, разные источники. Первая волна — наиболее древняя — охватывает всю восточную зону территории распространения башкирского языка, вторая — юго-восточную и третья — северо-восточную. Границы распространения этих заимствований не соответствуют границам диалектного членения башкирского языка по современной классификации, но основная часть заимствований приходится на восточный диалект.

Слова, общие со словами монгольских языков и не получившие широкого распространения в башкирском, неравномерно отражены и в других современных тюркских языках. Например, слово *pökör* в казахском, киргизском и каракалпакском языках (в значениях «слуга», «свита», «воин», «отрок») употребляется только в языке фольклорных произведений. Упомянувшееся выше слово *äžekäĵ* (ср.: алт. *edegej*, тув. *ežgej*, хак. *ežigij*, як. *iežegej*) известно как позднее монгольское заимствование². В большинстве тюркских языков в том же значении выступают

² Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 235.

süzme, irimčik. Слово *hujr* 'глухарь' зафиксировано только в татарском языке (тат. *sujur, urman tauyu*), в остальных тюркских языках в этом значении выступают другие слова: алт. *šaj*, каз. *qır, ккалп. gluxar'*, балк. *açač tauq*, кумык. *qır tauq*, тув. *qagaquš*, узб. *qarqır*, хак. *xarasaban*, чув. *karak*, як. *ular*. Слово *burbaj* 'голень', 'икры ног' имеется в ногайском языке (ног. *borbaj, baltır*), в других же языках выступают: в азерб., тув., тур., туркм. *baldır*, в каз., ккалп., кирг., тат. *baltır*, в узб. *boldır*, уйг. *pa-qalçaq göši*, чув. *uga xurāmē*, як. *böťöťö*. Слово *halja* 'клещ' имеется в уйгурском языке (уйг. *salža*), в остальных тюркских языках вместо него употребляются: азерб. *kānā*, каз., кирг. *kepe, žerkene, taskene*, ккалп. *kepe, taskene*, ног. *kasartky*, тат. *talpan*, тув. *saγy*, тур. *kepe, saγyγa*, туркм. *saγyrtγa*, чув. *sāuās*, як. *kleš*. Возможно, из этих слов только тувинское *saγy* этимологически возводится к *salja*.

Выявленные таким образом монгольские заимствования бытуют и во всех современных монгольских языках, однако во многих тюркских языках, они, как правило, отсутствуют. Не зафиксированы они и в древнетюркских памятниках, что в известной степени является свидетельством позднего появления их в соответствующих современных тюркских языках.

Предварительное сопоставление общих для тюркских и монгольских языков лексических единиц показывает, что такие языки, как башкирский, татарский, казахский, киргизский, ногайский, каракалпакский и несколько своеобразный в этом отношении чувашский, должны быть выделены среди других тюркских языков по общности в усвоении монгольских слов. Наряду с общими для всех тюркских языков словами в названных языках имеются монголизмы явно позднего происхождения. Известно, что эти языки долгое время контактировали с калмыкским языком. Кроме того, в этногенетическом процессе, который прошли перчисленные народы, принимали участие и монголы, о чем красноречиво свидетельствуют общие с монголами родоплеменные термины и монгольские элементы субстратного и суперстратного характера в ономастической лексике. Определенное значение для выявления общих с монгольскими слов имеет их структурный анализ.

Сопоставление общих для башкирского и монгольского языков слов позволяет также выявить некоторые фонетические соответствия. Приведем важнейшие из них, относящиеся к области консонантизма:

δ ~ γ (ротацизм), δ — d: башк. *bud* 'серый' — монг. *бор* 'серый', 'седой', 'смуглый'; башк. *адан* 'клык', 'коренной зуб' — монг. *араа* 'клык'; башк. *iged* — монг. *ихэр* 'близнецы', 'двойня'; башк. *üged* 'бык' — монг. *үхэр* 'крупный рогатый скот', 'бычий'; башк. *qоda* — монг. *худ* 'сват', 'кум'; башк. *qоdoq* — монг. *худаг* 'колодец' и т. д.;

š ~ l (ламбдаизм): башк. *jāš* — монг. *залу* 'юный', 'молодой'; башк. *quš* — монг. *холи* 'смешивать', 'примешивать', 'прибавлять'; башк. *tapuš* — монг. *танил* 'знакомый', 'приятель' и т. д.;

j ~ d, j ~ z, j ~ ž, j ~ r, j ~ g, j ~ n: башк. *jal* — монг. *дэл* 'грива'; башк. *jala-* — монг. *долоо* 'лизать'; башк. *jelen* — монг. *дэлэн(г)* 'вымя'; башк. *jaq* — монг. *зах* 'край', 'бок', 'сторона'; башк. *jarlyq* — монг. *зарлиг* 'указ', 'повеление'; башк. *jyl* — монг. *жил* 'год'; башк. *jurγa* — монг. *жороо* 'иноходь'; башк. *qulyj* — монг. *хялар* 'косой'; башк. *kejāu* — монг. *хүргэн* 'зять'; башк. *jaγal* 'зарождаться', 'возникать' — монг. *гарал* 'возникновение', 'происхождение'; башк. *jоdγoq* — монг. *нударгаа(н)* 'кулак'; башк. *jaγ* 'берег' — монг. *нур* 'обвал' и т. д.;

s ~ ts, s ~ č, s ~ š: башк. *saq* — монг. *цаг* 'время', 'период'; башк. *sapa* 'сани' — монг. *цана* 'лыжи' (ср. башк. *saγy* 'лыжи'); башк. *sugaγaj* — монг. *цурхай* 'щука'; башк. *osga-* — монг. *учра* 'встречать'; башк.

sejā — монг. *чий* 'вишня'; башк. *sumyalaq* — монг. *шунгаач алаг* 'нырок'; башк. *qysqur-* — монг. *хашгара-* 'кричать' и т. д.;

h ~ š, h ~ s, h ~ x: башк. диал. *halja* — монг. *шалз(ан)* 'клещ'; башк. *helte* — монг. *шулт* 'щелочь'; башк. *hauyt* — монг. *сав* 'сосуд', 'посуда'; башк. *hujur (taš)* 'булыжник', 'крупная галька' — монг. *сайр//хайр* 'галька'; башк. *hal* — монг. *сал* 'плот'; башк. *hupa- ~ hana-* — монг. *хяна-* 'контролировать', 'проверять', 'испытать'; башк. *halbur* 'лохматый', 'отвислый', 'мешковатый' — монг. *халбагар* 'широкий', 'мешковатый' и т. д.;

t ~ ts: башк. диал. *tägäs* — монг. *цөгц* 'чашка'; башк. *tünägāk*, диал. *tügäräk* 'круг', 'круглый' — монг. *цагариг* 'обруч', 'кольцо' (ср. монг. *дугариг ~ төгрөг*); башк. *tulqun* — монг. *цалгиа* 'волна' и т. д.

Но подобные чередования и переходы звуков обнаруживаются и при сопоставлении башкирского языка с некоторыми другими тюркскими языками; они встречаются также в самом башкирском языке и в его говорах. Поэтому, если исходить только из звукового состава, то невозможно отличить собственно тюркские слова от монгольских. Это отмечал еще Б. Я. Владимирцов: «Всякое турецкое (то есть тюркское. — Э. И.) слово, попав на монгольскую почву, не будет противоречить фонетическим представлениям монгольского языкового мира и наоборот»³.

Что же касается морфологической структуры слов, то в тюркских и монгольских языках она заметно различается. Так, аффиксы *-i*, *-taj*, образующие от существительных прилагательные, являются продуктивными для монгольского языка, например: *салхи(н)* 'ветер' — *салхитай* 'ветренный', *мөөг* 'гриб' — *мөөгтэй* 'грибной', *дуу* 'звук' — *дуутай* 'звучный', *амт* 'вкус' — *амттай* 'вкусный', 'сладкий' и т. д. В башкирском языке в данной функции употребляется аффикс *-ly*: *jel-le* 'ветренный', *bäš-täk-le* 'грибной', *tauuš-ly* 'звучный', *tām-le* 'вкусный', 'сладкий'. Но встречается и спорадическое употребление слов с аффиксом *-taj*, например: *haqal-taj* 'бородатый', 'бородач' (монг. *сахалтай* — то же), *asa-taj* 'раздвоенный', 'разветвленный' (монг. *ацтай* — то же), *ibä-tāj* 'ловкий', 'удобный' (монг. *эвтэй* — то же), диал. *jal-taj* 'хитрый', 'лукавый' (монг. *зальтай* — то же), устар. *qogol-taj* 'совет', 'собрание', 'конференция' (монг. *хурал* — то же). Эти же корни (кроме субстантивированного слова *qogoltaj*) могут употребляться с аффиксом *-ly*.

Из монгольского языка вместе с корнями слов проник в тюркские языки и аффикс *-žin*: *qopažun ~ qopazun ~ qopajun* 'трехлетняя кобыла', *dünäžen ~ dūnazen ~ dūnajen* 'четырёхлетняя кобыла', *haqalžun ~ saraldin* 'бекас' (ср. монг. *гунжин*, *дөнжин*, *саралжин*). Аффикс *-žin* Б. Я. Владимирцов считал реликтом выражения категории грамматического рода в монгольском языке⁴.

Определенное значение для выявления монгольских заимствований имеет семантический анализ слов. Общие для башкирского и монгольского языков слова с семантической точки зрения можно разделить на три группы: 1) полностью совпадающие по значению, 2) не совпадающие по значению, но относящиеся к одному семантическому полю и 3) частично совпадающие по значению.

1. Большинство общих слов, имеющих несколько значений в башкирском и монгольском языках, совпадает во всем семантическом объеме; например: слово *qaqa* (монг. *хар*), кроме своего основного значения

³ Б. Я. Владимирцов. Турецкие элементы в монгольском языке. — «Записки восточного отделения императорского русского археологического общества», т. XX, вып. II—III. СПб., 1911.

⁴ Б. Я. Владимирцов. Следы грамматического рода в монгольском языке. — «Доклады Академии наук», серия В. М., 1925, стр. 31—34.

«черный», совпадает и в следующих переносных значениях: «темный» — башк. qага ного, монг. *хар бор* 'темно-серый'; «грязный» — башк. qагај-, qага bul-, монг. *хар боло-* 'становиться грязным'; «обильный» — башк. qага tig, монг. *хар хөлс* 'обильный пот'; «грубый», «физический» — башк. qага kös, qага eš, монг. *хар хүч, хар ажил* 'физическая (грубая) сила', 'физический труд'; «сильный» — башк. qага бурап, монг. *хар шуурга* 'сильная метель'; «злой», «вредный» — башк. qага jögäk, монг. *хар, зурх* 'зловредный' (був. 'черное сердце'); «мелкий», «второстепенный» — башк. qага tal, монг. *хар мал* 'мелкий скот' и др. Совпадают также модели образования некоторых понятий со словом qага: башк. qага һујуг — монг. *хар сойр* 'самец глухаря'; башк. qага säј — монг. *хар цай* 'незабеленный чай'; башк. qага iktäk — монг. *хар талх* 'ржаной хлеб' и др. Слово bul- (монг. боло-) 'становиться', кроме основного, совпадает в этих языках и в переносных значениях: башк. qırdaq buldu — монг. *хуурга болобо* 'жаркое готово'; башк. jāj buldu — монг. *зун болов* 'наступило лето'; башк. atly bul- — монг. *агтай боло-* 'приобрести коня'; башк. qагаһуу bulanlyqtan — монг. *харанхугаас болж* 'из-за темноты' и др. Такое же совпадение значений наблюдается в следующих словах: башк. säsäk 'оспа', диал. 'цветок', 'бахрома' — монг. *цэцэг* 'цветок', 'оспа', *цацаг* 'бахрома'; башк. kösök 'щенок', 'почка (на деревьях)' — монг. *гөлөг* 'щенок', 'почка (на деревьях)'; башк. күк 'синий', 'зеленый', 'серый' — монг. *хөх* 'синий', 'зеленый', 'серый' (ср.: башк. күк бујақ — монг. *хөх будаг* 'синяя краска'; башк. күк ülän — монг. *хөх ногоо* 'мурава', 'зелень'; башк. күк бүге — монг. *хөх чоно* 'серый волк') и др. Если исходить из того, что все эти слова относятся к устойчивому разряду лексики и что при заимствовании полисемантических слов усваиваются не все значения, то с определенным основанием можно предположить общее происхождение слов, совпадающих во всем семантическом объеме.

2. Значения некоторых общих по структуре слов в башкирском и монгольском языках не совпадают, но они относятся к единому семантическому полю; например; башк.: halqun 'прохлада' — монг. *салхи(н)* 'ветер'; башк. mögöd 'рог' — монг. *мөгөрөс* 'хрящ'; башк. julya 'река' — монг. *жалга* 'ложбина'; башк. talqan 'толокно' — монг. *талх(ан)* 'хлеб'; башк. tuqal 'комолый' — монг. *тухал* 'теленос'; башк. jöd 'лицо', 'лик', 'облик' — монг. *зүс* 'цвет лица'; башк. jaǵalбай 'дербник' — монг. *загалай* 'белохвостый орел' и т. д. Как видно из этих примеров, значения таких слов не разошлись значительно между собой, а перенос их значений с точки зрения современного состояния языков вполне мотивирован. Подобный перенос значений внутри семантического поля — распространенное явление в системах родственных языков. Так, понятие «лес» в тюркских языках обозначается следующими словами: азерб. meşä; алт. aγas, juš, aral; каз. orman, toγaj, aγaš; ккалп. toγaj, кирг. toqoj; крым.-тат. tau; кумык. orman; ног. orman, aγašlyq; тат. urman, aγačlyq; тув. aral; тур. orman; туркм. toqaj, aγačlyq, ženñel; узб. urmon, daraxtzor; уйг. toqaj, jaγačlyq, žaγyal, dāğaxtlik; хак. aγas; чув. uarman; шор. aγaš; як. oјur. В башкирском языке употребляются все приведенные слова (кроме перс. درخت, جنگل), но выступают они в иных значениях: aγas

'дерево', juš 'густой', aral 'остров', tuγaj 'кустарник по берегам рек', диал. 'луг', 'пойма', tau 'гора', aγaslyq 'место, заросшее деревьями', aγuq 'канавы', mešä 'молодая сосна'. Вот почему на основании расхождения в семантике нельзя делать выводы о заимствованном характере слов или об общности их происхождения; в таких случаях следует привлекать другие лингвистические данные.

3. Значения слов, общих для башкирского и монгольского языков, в ряде случаев совпадают частично, в результате расширения или суже-

ния значений в одном из двух языков. Можно предположить, что в определенный период развития языков значения подобных слов в основном совпадали полностью. Впоследствии, в результате самостоятельного развития, в одном из языков слово «обрастало» деривативным семантическим окружением. Возможно также и заимствование многозначного слова в неполном объеме его значений. К таким словам относятся, например: башк. *ala* 'пегий' — монг. *алаг* 'пегий', 'пестрый' (в башк. *suḡar* 'пестрый'); башк. *büläk* 'подарок' — монг. *bülэг* 'подарок', 'гостинец' (в башк. *küstänäs*, диал. *jucasa* 'гостинец'); башк. *tuḡyl* 'черемуха (дерево и ягоды)' — монг. *мойл* 'черемуха (ягоды)', *монос* 'черемуха (дерево)'; башк. *агра* 'ячмень (зерно и болячка на глазу)' — монг. *арвай* 'ячмень', *овдог* 'болячка на глазу'; башк. *bülterek* 'осенний приплод овец и коз', 'волчонок' — монг. *бэлтрэг* 'волчонок'; башк. *täŋge* устар. 'бог' — монг. *тэнгэр* 'бог', 'небо', 'гром', 'погода', 'гений' и др.

И, наконец, важнейшее значение для определения заимствований из монгольского языка имеют внутренняя реконструкция и этимология слов. Как показывает сравнительное исследование алтайских языков, большое количество слов, общих для тюркских и монгольских языков, этимологизируется по данным как тех, так и других, что, прежде всего, указывает на единое происхождение таких слов. Однако отношения между тюркскими и монгольскими (в том числе и между башкирским и монгольским) языками очень сложные. За тысячелетия их самостоятельного развития в каждом из этих языков произошли колоссальные изменения словарного состава и в структурном, и в семантическом плане. При этом между отдельными тюркскими и монгольскими языками устанавливались контакты (и не однажды!) в более поздние времена, что также отразилось на их лексическом составе, оставляя свои наслоения. Поэтому даже необъяснимые, на первый взгляд, на монгольской почве общетюркские слова при более глубоком анализе в ряде случаев могут этимологизироваться и по данным монгольских языков⁵. В то же время, имея даже общие корневые формы, восходящие к древнейшей эпохе, тюркские и монгольские языки могли заимствовать друг у друга те же корни в период их более позднего самостоятельного развития. Так, общие для башкирского и монгольского языков слова *haḡaldyryq* 'тесемка для завязывания платка', 'застежка узды', 'бородка топора' (монг. *сагалдрага* 'застежка узды или шапки'), *kümelderek* 'нагрудник седла' (монг. *хөмөлдрөг* — то же) оформлены по словообразовательной модели тюркских языков. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в башкирском языке имеется большое количество слов, образованных идентичным способом и отсутствующих в монгольских языках: *tüşelderek* 'нагрудник, носимый женщинами под платьем', *yuḡldyryq* 'икра рыбы', *külderek* 'очки', 'наглазник на уздечке', *qojoldoroq* 'неряшливый', 'неопрятный', *tabaldyryq* ~ *täbälderek* 'педаль ткацкого станка', 'подножка', *symyldyryq* 'полог' и др. Во всех этих словах выделяются корни *tüş* 'грудь', *yu-* 'растирать', 'измельчать', *qoj-* 'лить', 'сыпать', *küd* 'глаз', *tapar-* 'топтать', 'наступать'. По этой аналогии в словах *haḡaldyryq* и *kümelderek* выделяются корни *haḡal*, *küm*, и, хотя они имеются в монгольском языке (монг. *саахал* 'борода', 'усы', *хом* 'потник', 'хомут'), можно считать, что эти слова в оформленном виде в монгольский язык проникли из тюркских языков.

⁵ Т. А. Бертагасв. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках. — «Проблемы общности алтайских языков». Л., 1971, стр. 90—109.

В башкирском языке слово *сауап* 'клен' является заимствованием из монгольских языков⁶ (ср.: монг. *цаган*, бур. *сагаан*, калм. *цаһан* 'белый'), хотя корень этого слова **sa-* ~ **са-* и встречается в большом числе башкирских слов, относящихся к общему семантическому полю:

* <i>sa-</i>	<i>sa-l</i>	'седой',
	<i>sa-q-</i>	'отражаться',
	<i>sa-γ-ап</i>	'клен',
	<i>sa-γ-yu</i>	'светлый', 'яркий',
	<i>sa-γ-ym</i>	'мираж',
	<i>sa-γ-yg</i>	'бесцветный',
	<i>sa-γ-yl</i>	'открытое, возвышенное место'.

Башкирское *сауап* 'клен' является субстантивной формой монгольского *цаган* 'белый'. Можно предположить, что первоначально это название в башкирском языке имело сложную форму *сауап аҫас* (букв. 'белое дерево'), но вследствие утраты значения «белый» произошла конверсия и слово *сауап* перешло в разряд существительных. В монгольских языках, в свою очередь, в названии клена (п.-монг. *аүсі модун*, монг. *агч мод*, калм. *агч модн*) имеется тюркский корень *ақ* 'белый' и собственно монгольское слово *мод* 'дерево'. Таким образом, башкирское и монгольское названия клена образованы по единой модели. Подобная модель (белый + дерево) существует и в других тюркских языках: азерб. *аүсәгајуп* 'клен' (*аүсә* 'беловатый' + *гајуп* 'береза', 'дерево'); тур. *ақсаҫас* 'клен' (*ақса* 'беловатый' + *аҫас* 'дерево').

Башкирский корень *еј-* и монгольский *иг-* (бур. *ег-*) 'есть' фонетически восходят к *је-* (ср. др.-тюрк. *је-* 'есть'), но в то же время слово *жимс* 'плод', 'ягода' монгольский язык заимствовал из тюркских языков (ср.: башк. *јетеҫ*, каз., ккалп. *жетіс*, чув. *s'imes* и др.), о чем свидетельствует его фонетическая и морфологическая структура.

Иногда в каком-либо из языков по различным экстралингвистическим и другим причинам могут быть утрачены отдельные звенья в цепи развития слова. Например, в монгольском языке слово *орой* 'вершина', 'макушка', 'темя', 'зенит' потеряло свое основное значение «вихор», образованное от глагольного корня **ог-* 'обвивать', хотя сам глагол и производные от него широко распространены в языке (ср.: монг. *ороо-* 'обвертывать', 'обвивать', 'наматывать', 'окутывать'; *ороолт* 'обертка', 'обмотка', 'моток'; *ороодос* 'обвертка'; *ороонго* 'вьющиеся растения' и др.). В башкирском же языке это слово сохранилось в прямом значении: *игај* 'вихор', то есть 'то, что вьется'. В монгольском языке метонимический перенос значения совершился по отношению к месту, а затем слово приобрело другие деривативные значения: «вихор» < «темя» < «макушка» < «вершина» < «зенит». Важнейшее звено в цепи развития значения, указывающего на мотивированность переноса, из монгольского языка выпало.

В монгольском языке слова *зэрлэглэ* 'предать земле', 'похоронить', *хавхан* 'капкан', *хуймаг* 'блины', *отор* 'выпас скота на отгонных пастбищах', *оточ* 'врач', вероятно, заимствованы из тюркских языков, ибо их

⁶ Л. В. Дмитриева. Названия растений в тюркских и других алтайских языках. — «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков». Л., 1972, стр. 191—192.

корневые формы отсутствуют, в то время как в тюркских языках они имеются: *jig* ~ *jeg* 'земля', *qar*- 'хватать', *qoj*- ~ *qij*- 'лить', *ot* ~ *ut* 'трава'.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что в башкирской лексике, общей с лексикой монгольских языков, выделяются два пласта: первый — древнейший пласт, общий со всеми тюркскими языками, относящийся к устойчивым разрядам лексики, который мог возникнуть как вследствие генетической общности алтайских языков, так и в результате их древнейшего контактного развития; второй — поздний пласт, заимствованный, не имеющий параллелей во всех тюркских языках, в котором можно выделить несколько периодов заимствований, разных по хронологии и объектам контактирования.

Какова бы ни была природа общих с монгольскими языками тюркских лексических единиц, исследование словарного состава тюркских языков необходимо вести основываясь на теории общности алтайских языков, ибо без привлечения материалов монгольских и тунгусо-маньчжурских языков невозможно с соответствующей полнотой проследить многие языковые процессы в тюркских языках.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

А. П. ВЕКИЛОВ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДНОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Азербайджанское устное народное творчество богато различными жанрами и в первую очередь — стихотворными формами. Стихи включаются и во многие виды фольклорной прозы. В поэтическую форму облечено большое число азербайджанских пословиц, поговорок, загадок. Однако особенности фольклорного стихосложения исследованы еще недостаточно. Между тем многие формальные элементы поэзии ашыгов¹ и современной письменной поэзии берут свое начало именно в народном стихосложении.

Метрика народного стиха значительно отличается от метрики азербайджанской классической поэзии. Если структурно-композиционные принципы классической поэзии основываются на заимствованной арабо-персидской квантитативной метрике *аруз*, то народный стих за многие века своего существования выработал другие принципы, полностью соответствующие особенностям азербайджанского языка. Отличительным признаком народного стиха является изосиллабизм, непосредственно связанный с фонетикой, структурой слога и природой ударения в языке.

В азербайджанском языке ударение в слове силовое (экспираторное); оно имеет фиксированный характер и практически всегда падает на последний слог². Однако ударение не сопровождается явно выраженным повышением голоса или увеличением долготы гласных, то есть ударный слог лишь незначительно отличается от остальных безударных. При словоизменении или словообразовании морфологические форманты в азербайджанском языке присоединяются только к концу слова, и тогда ударение с конца основы перемещается на последний формант-аффикс. Существует лишь весьма ограниченное число словоизменяющих формантов (аффиксы глагольного отрицания, сказуемости, вопросительная частица и некоторые другие), которые, присоединяясь к концу слова, ударения не принимают. Таким образом, на общем фоне многочисленных аффиксов (более двухсот) число безударных (около десяти) столь незначительно, что практически ими можно пренебречь.

Ударение, передвинутое на наращенный в связи с грамматическими изменениями конец слова, нельзя расценивать как динамическое, ибо перестановка ударения в азербайджанском языке, как правило, не при-

¹ В русском языке данное слово закрепилось в форме *ашуг*, хотя в азербайджанском и в большинстве других тюркских языков оно произносится: *ашыг*.

² См.: Э. Дамирчизаде. Мүасир Азербайжан дили. I (Фонетика, орфоэпија, орфографија). Баки, 1972, стр. 152—153.

водит к семантическим изменениям (за исключением односоставных ударных и неударных аффиксов, например: *балталам* 'рубка топором'; *балталáма!* 'не руби!' и т. п.), а ограничивается в ряде случаев лишь нарушением норм орфоэпии. Из этого следует, что слоговое ударение (тоника) не может служить организующим принципом азербайджанского народного стихосложения.

Структурно-композиционную основу азербайджанского народного стихосложения составляет силлабический принцип (определенный счет слогов в стихотворной строке). По-азербайджански эта метрика называется *хеджа везни* (слоговая метрика).

Возникновению силлабической метрики в азербайджанской народной поэзии способствовали, во-первых, особенность фонетики языка, заключающаяся в том, что гласные в нем имеют почти одинаковую количественную длительность, то есть не различаются по долготе и краткости³ (все гласные — ударные и безударные — произносятся четко); во-вторых, структура слога в языке. Помимо гласного, составляющего основу слога, в его состав входят один или два, в редких случаях три согласных. Свыше 90 процентов слогов, образующих слова в фольклорных произведениях являются слогами типа: два согласных + один гласный (СГС, ГСС), или один согласный + один гласный (ГС, СГ). Все эти слоги по длительности произношения практически равны между собой и произносятся одним выдыханием. Поэтому слоги могут служить единицей для определения размера стихотворной строки. Эти особенности как характерные и необходимые свойства изосиллабизма были отмечены еще Валерием Брюсовым, который писал, что силлабическая метрика «применима только в языках, где слоги (гласные звуки) произносятся отчетливо и где, следовательно, ухо может инстинктивно отмечать их количество в стихах»⁴.

Наиболее распространенным размером народного стиха является семисложник. Однако довольно часто встречаются малые стихотворные формы — загадки, пословицы, поговорки и другие — пяти-, трех- и даже двухсложные. В дастанах стихотворные вставки могут быть в форме *герайлы* — 8-сложные и в форме *гошма* — 11-сложные. Любовно-лирические песни обычно имеют стихотворные размеры в 7, 8, 10, 11, 14, 15 слогов. Припевы некоторых песен отличаются от основного текста числом слогов в строке. Необходимо отметить, что нередко наблюдается нарушение слогового равенства в стихотворных строках одной и той же строфы или песни. В современных записях образцов народной поэзии случаи нарушения изосиллабизма — отклонение от размера стиха — не выходят за пределы одного, редко двух слогов в строке как в сторону превышения основного размера, так и в сторону его уменьшения.

Неравносложность была характерна для древнейшего периода народной поэзии. Образцы «приблизительно-равносложного» стиха имеются в поэтических вставках героического эпоса огузского фольклора «Книга моего деда Коркута» («Китаб-и дедем Коркут»), дошедшего до наших дней в двух записях XVI века. В этом памятнике сказитель с помощью слова-клише *сойламак* 'петь песню', 'говорить стихами' вводит стихотворные партии, достаточно четко выделяющиеся в общем прозаическом тексте⁵:

³ См.: Э. Дамирчизадэ. Указ. раб., стр. 45.

⁴ В. Брюсов. Опыты по метрике и ритмике, по эвфонии и созвучиям, по строфике и формам. М., 1917, стр. 17.

⁵ Подробнее об этом см.: Х. Короглы. Проза или поэзия? — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 51—61.

Гадир верэн дадлы чанын үйху алмыш, јикит! (14)
 Гарусундан голларыны бағлатмағыл! (12)
 Ағ сағгаллы бабаны, гарычыг ананы ағлатмағыл! (17)
 Нә јикитсән галын Оғуз елиндән кәлән јикит?! (15)
 Јарадан һағгычүн дуру кәлжил! (10)
 Дөрд јаныны кафир бағлады, бәлли билжил! (13) (Г. А., 140)⁶
 'Твоей сладостной душой, данной богом, овладел сон, игит!
 Не дай связать себе руки до самых локтей!
 Не заставляй плакать белобородого отца, старуху-мать!
 Что ты за игит, пришедший из сильного племени Огузов, игит!
 Ради создателя, встань и иди!
 Знай, что с четырех сторон тебя окружили гяуры!'

Нарушение равносложности народного силлабического стиха, в особенности эпического, наблюдается и в фольклоре других тюркоязычных народов, причем «чем архаичнее стих, тем он менее равносложен»⁷.

Отсутствие изосиллабизма в современных образцах народной поэзии сравнительно чаще встречается в любовно-лирических песнях:

Севкили јарым, гашларын алыб чанымы нејним? (15)
 Олмушам сәнә ашиг, душубдур сәнә мејлим, (14)
 Ағ бухагда халын көрүб һејранын оллам, (13)
 Кәл мәни гонаг ејлә, көзәл, мән сәнин оллам⁸. (14)
 'Возлюбленный друг, брови твои лишили меня покоя, что мне делать?
 Я влюблен в тебя, меня влечет к тебе.
 Увидев на белом подбородке родинку, изумлен тобой.
 Пригласи меня в гости, красавица, твоим буду я!'

Однако подобный разнобой в количестве слогов в строке почти не замечен при музыкальном сопровождении, и во время пения эта разница на слух не воспринимается.

Кроме основного признака — равносложности стихотворных строк в строфе, большую роль в народной поэзии Азербайджана играет ритмическая структура стиха. Стихотворная ритмика формируется определенными повторяющимися вариантами сочетания слогов, разделенных словоразделами. «Эти словоразделы, т. е. разные типы группировки слогов по словам или сочетаниям слов в рамках одинаковых по слоговому размеру стиховых рядов, имеют существенное значение для ритмического разнообразия тюркского стиха»⁹.

Ритмика стихотворной строки основывается на силлабическом принципе — разделении стиха на две, три группы слогов, между которыми обрывается ритмическая пауза. Пауза никогда не делит слово, а наступает после слова или словосочетания и более выразительна перед клаузулой — заключительной группой слов или заключительным словом стихотворной строки. В азербайджанском стиховедении ритмическая пауза обозначается термином *дургу*.

В данной ритмической структуре стиха ударение имеет второстепенное, вспомогательное значение: ударение, совпадающее с концом слова в ритмической группе, подчеркивает границу словораздела; пауза,

⁶ Здесь и дальше транскрипция отрывков из «Книги моего деда Коркута» дается по изданию: *Н. Араслы. Китаби Дәдә Горгуд*. Баку, 1977 (далее — Г. А. и номер страницы). Переводы на русский язык выполнены с учетом перевода В. В. Бартольда и примечаний к нему А. Н. Кононова («Книга моего деда Коркута», перев. акад. В. В. Бартольда, издание подготовили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов, М.—Л., 1962). В конце каждой строки в скобках указано количество слогов в ней.

⁷ В. М. Жирмунский. О тюркском народном стихе. Некоторые проблемы теории. — В его кн.: «Тюркский героический эпос». Л., 1974, стр. 650.

⁸ «Азәрбајҹан фолклору антологјасы». Биринчи китаб. Топлајаны вә тәртиб едәни Ә. Ахундов. Баку, 1968, стр. 128 (далее — А. I. и страницы «Антологии...»).

⁹ В. М. Жирмунский. Указ. раб., стр. 647.

наступающая вслед за этим ударением каждый раз на определенном месте, создает ритмику равносложных строк в строфе.

Ритмическая структура стиха не регламентирована, то есть в пределах однотипного равносложного стиха паузы могут располагаться между различными группами слогов. Например, семисложные баяты имеют различный ритмический рисунок. Ритмическая пауза в нижеприведенном баяты наступает после четырех слогов перед тремя последними слогами (4+3):

Өмүр мәнәм, бәхт мәнәм,
Дәрдли десән, бах мәнәм.
Сәндән сонра дүнјаја
Бир дә дөнүб бахманам. (Б., 203, 79)¹⁰

'Я — сама жизнь, я — судьба,
Горемыку ищешь — так это я.
На мир, в котором не будет тебя,
Ни разу не обернусь, не взгляну'.

В следующем же баяты ритмическая пауза располагается между первыми тремя и последними четырьмя слогами (3+4):

Дәјирман үстү чичәк,
Јарпағы дләчәк-дләчәк.
Гардаш бир гыз севибдир,
Узун бој, гарабирчәк. (Б., 40, 427)

'Над мельницей цветут цветы,
Разрослись листья, лепестки.
Брат полюбил девушку,
Стройную, черноволосую'.

Известны баяты и с более дробной ритмической структурой: 4+1+2, 3+2+2, 2+2+3, 2+3+2, 3+1+3, 1+2+2+2 и т. д. В большинстве случаев баяты имеют ритмическую клаузулу в три слога. Клаузула в четыре слога, как во втором примере, встречается редко. Она более устойчива в рифмующихся 1-й, 2-й и 4-й строках, в 3-й нерифмующейся строке, слабо связанной по формальным признакам с другими строками, ритм часто нарушается.

Говоря о структурных особенностях баяты, нельзя не отметить, что в этой форме стиха употребляются слова максимум трехсложные; четырехсложные слова встречаются очень редко, а пятисложные — лишь в единичных примерах. Между тем в азербайджанском языке многосложные слова составляют довольно большой процент. Отбор немногосложных слов в баяты связан с его ритмической спецификой: длинные слова не укладываются в ритм, лишают стих легкости и гибкости. Аналогичные явления наблюдаются в народной поэзии и других тюркских народов, в частности в казахском семи- и восьмисложном *жыре*¹¹, в турецких *мани*¹².

Ритмическая структура восьмисложного герайлы, состоящего из нескольких строф, имеет три наиболее распространенных варианта: 5+3, 4+4, 6+2. Нередки герайлы, где каждая строфа имеет самостоятельную ритмическую структуру.

Ритмика одиннадцатисложного гошма имеет клаузулу в 3, 5, реже 4 слога (3+3+2+3, 3+3+5, 4+4+3, 3+4+4, 4+3+4 и т. д.). Здесь,

¹⁰ «Бајатылар». Топлајаны вә тәртіб едәни Нәсән Гасымов. Бақы, 1960 (в дальнейшем: Б., страница сборника, номер баяты).

¹¹ З. А. Ахметов. Казахское стихосложение. Алма-Ата, 1964, стр. 57—59.

¹² А. Е. Мартынецев. Об одной особенности ритма турецких мани. — «Тюркологический сборник. 1973». Л., 1974, стр. 209—213.

как и в герайлы, разные строфы могут иметь различные ритмические варианты.

10—15-сложные любовно-лирические стихи, предназначенные только для пения, имеют различные клаузулы. Например, песня «Гаракөз» («Черноглазая») (А. I, 128), состоящая из стихов в 13, 14 и 15 слогов, во всех строках имеет клаузулу в 7 слогов; песня «Уча даглар башында» («На вершине высоких гор»; там же, стр. 127) с 10-, 11- и 12-сложными стихами имеет всюду клаузулу в пять слогов. Примерно такое же положение наблюдается во всех песнях; независимо от количества слогов в строке клаузула сохраняет постоянное число слогов для каждой отдельной песни.

Короткие клаузулы придают стиху некоторую отрывистость, ритмическую четкость. Такие клаузулы характерны для воинственных песен гошма и герайлы. Более длинные — семи-, пятисложные клаузулы — обычны для любовно-лирических песен.

Для усиления художественной выразительности стиха в звуковом отношении в древности был распространен прием аллитерации. Наряду с эмбриональными формами рифмы этот прием усиливал ритмичность стиха, выделяя главным образом начало стихотворной строки. Это хорошо видно на примере архаичных форм народного стиха. Один из героев дастана «Китаб-и дедем Коркут» — Ган Туралы — так воспекает свою возлюбленную:

Гар үзэринэ ган даммыш кими гызыл јанаглым!
Гоша бадам сыгмајан дар ағызлым!
Гәләмчиләр чалдығы гара гашлым!
Гурумсу гырх тутам гара сачлым! (Г. А., 107)

‘Моя возлюбленная с алыми щеками, подобно каплям крови на снегу!
С узким ртом, не вмещающим и пару миндалин!
С черными бровями, будто нарисованными каллиграфами!
С косами, как сажа, черными, [длинною в] сорок ладоней,
моя черноволосая!’.

Звонкий *з* в начале каждого стиха как бы подчеркивает начало строки, кроме того, отрывок насыщен согласным *з* — многие слова в строке начинаются именно с этого звука. В стихотворных партиях эпоса «Китаб-и дедем Коркут» аллитерированные отрывки встречаются довольно часто.

Аллитерацию можно встретить и в настоящее время в различных жанрах поэтического фольклора; особенно часто она встречается в пословицах и поговорках; например: *Дуз чөрәк — дуз чөрәк* ‘Хоть только хлеб да соль, зато честно заработаны’: *Күлмә гонишуна, кәләр башына* ‘Не смейся над соседом, и с тобой такое же может случиться’. Эти пословицы представляют собой трех- и пятисложные двустипии, которые, наряду с рифмой, обогащены в звуковом отношении аллитерацией согласных *д* и *к*, цементирующих строки между собой, усиливающих звонкость и музыкальность этих афоризмов.

Со временем аллитерация как ритмико-композиционное средство народной поэзии постепенно оттеснялась рифмой, формы которой все более совершенствовались и обогащались. Соотношение аллитерации и рифмы изменялось в пользу последней в поэзии и других тюркоязычных народов (Средняя Азия, Малая Азия и отчасти Поволжье)¹³.

В ранний период существования народной поэзии рифма как «звуковой повтор, несущий организующую функцию в метрической компози-

¹³ См.: А. М. Щербак. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении. — «Народы Азии и Африки», 1961, № 2, стр. 153.

ции стихотворения»¹⁴ не играла той большой роли, которую она играет в наши дни. В тюркской народной поэзии, в том числе и в азербайджанской, рифма возникла на почве ритмико-синтаксического параллелизма, являвшегося в древности основным принципом формирования стихотворной строки. Строка кончалась глагольным сказуемым — нормативным завершением обычной прозаической фразы:

Жемэк ичмэк арасында ағ-боз атлы бир чапар кэлди
Чох заманмыш Экрэк дерлэр бир јикит дутсагмыш,
Гадир танры јол вермиш, чыхыб кэлмиш,
Улу, кичик галмады ол јикидэ гаршы кетди.
Ана, мэн дэ варајыммы? Нэ дерсэн? (Г. А., 135—136)

‘Во время пиришества на бледно-сером коне всадник прискакал,
Долгое время игит по имени Эгрэк в плену был.
Всемогущий бог соблаговолил ему вернуться.
Все от стара до млада навстречу тому игиту вышли.
Мать, не пойти ли и мне? Что скажешь?’.

В приведенном отрывке все строки оканчиваются глагольным сказуемым, однако, рифмуются между собой только вторая и третья, концовки же остальных трех стихов не имеют созвучия со смежными строками. Подобных стихотворных отрывков в эпосе «Китаб-и дедем Коркут» немало, хотя в нем грамматическими рифмами, порожденными синтаксическим параллелизмом, оформлено большинство строк.

Идею о возникновении рифмы в тюркской поэзии из синтаксического параллелизма высказал известный польский востоковед Т. Ковальский¹⁵, В. М. Жирмунский эту идею поддержал и обосновал¹⁶. Такой процесс образования рифмы характерен для поэзии многих народов. Но, по всей вероятности, особенно активно он протекал в тюркской поэзии, ибо агглютинативный строй тюркских языков, концентрирующий все морфологические показатели исключительно на конце слова, во многом этому способствовал. Любой синтаксический параллелизм в этих языках неизбежно порождает грамматическую рифму: сказуемые, которыми завершаются фразы-тирады, имеют в конце одни и те же аффиксы или их сингармоничные варианты. Обычай слагать песню из сходных фраз, соразмерных по количеству слогов, как правило, приводил к возникновению созвучных, зарифмованных окончаний стиха:

Галхыбаны Гантуралы јериндэн дуру кэлдин,
Јелиси гара газлыг атын бүтүн миндин,
Ала көзлү јикитлэрин јанына алдын,
Арху Бели, Ала дағы дүнүн ашдын,
Ахынтылы көрклү сујун дүнүн кечдин. (Г. А., 102)

‘Гантуралы, поднявшись со своего места, пришел,
На своего черногривого газлыкского коня вскочил,
Голубоглазых игитов с собой взял,
Через перевал Арху, гору Аладаг ночью перевалил,
Через быструю, красивую реку ночью переправился’.

Основы глаголов, употребленных в конце каждой строки, — *дурукэл* — ‘встать прийти’, *мин* — ‘садиться верхом’, *ал* — ‘взять’, *аш* — ‘перевалить’, *кеч* — ‘переправляться’ — не рифмуются, но все они оформлены двумя фонетическими вариантами аффикса 2-го лица единственного числа прошедшего времени, благодаря чему и образуется грамматическая рифма.

¹⁴ В. М. Жирмунский. Рифма, ее история и теория. — В кн.: В. М. Жирмунский. Теория стиха. Л., 1975, стр. 246.

¹⁵ Tadeusz Kowalski. Ze studiów nad formą poezji ludów tureckich. Krakow, 1921.

¹⁶ В. М. Жирмунский. О тюркском народном стихе.

Эмбриональная грамматическая рифма, возникшая в результате синтаксического параллелизма, развивалась и обогащалась самобытным путем. Об этом свидетельствуют история и современное состояние рифмы в азербайджанском народном стихе с богатством ее форм.

Существует мнение, что рифма в азербайджанской народной литературе возникла под влиянием арабо-персидской поэзии и поэтики. Факт влияния арабо-персидской поэзии на азербайджанскую классическую поэзию является несомненным, что же касается народной поэзии, то здесь это влияние выразилось в проникновении в ее язык лишь ограниченного числа иноязычной лексики, исламской тематики и терминологии. Дело в том, что творец азербайджанского фольклора — азербайджанский народ — в своей массе никогда не знал ни арабскую, ни персидскую поэзию, тем более их поэтику. Известно, что письменные тюркоязычные литературы, подвергшиеся влиянию арабо-персидской поэзии, заимствовали у нее наряду с элементами поэтики (метрика аруз, система рифм) и жанры, идейно-тематическую канву, стиль, образную систему, в широчайших масштабах арабскую и персидскую лексику. В азербайджанской народной поэзии этих элементов нет. Азербайджанский фольклор сохранил свою самобытность, исконно тюркский характер. По-видимому, это характерно и для народной поэзии всех других тюркских народов, подвергшихся в средние века арабским завоеваниям. Некоторая хронологическая близость периодов развития рифмы в азербайджанской народной поэзии и усиления арабо-персидского влияния на культуру феодального Азербайджана представляет собой, следует думать, не более, чем случайное совпадение.

Грамматическая рифма, произвольно возникающая в результате синтаксического параллелизма, могла охватывать несколько последних слогов в конце стиха. «Поскольку, с одной стороны, ударение (тонический принцип) не играет в тюркском стихе определенной роли, а с другой — рифма в народном стихе является результатом параллелизма, наблюдается общая тенденция к расширенной рифме, к тому, чтобы рифмовать не только последний („ударный“) слог, а два или три слога, т. е. не один аффикс, а целую одинаковую группу аффиксов»¹⁷. Например, в эпосе «Китаб-и дедем Коркут» имеются:

1. Слова-рифмы с одним созвучным слогом-аффиксом — *доған*: *дуран*; *сөкән* : *тутан*; *үрән* : *ичән* (Г. А., 35—36). Все эти глаголы (*доғ* — ‘восходить’, *дур* — ‘стоять’, *сөк* — ‘разрушать’, *тут* — ‘держат’, *үр* — ‘лаять’, *ич* — ‘пить’) объединены двумя вариантами (-*ан*, -*ән*) аффикса причастия.

2. Слова-рифмы с двумя созвучными слогами-аффиксами — *уғрамадым* : *гырдырмадым* (Г. А., 128). Приведенные слова (*уғра* — ‘натолкнуться’, *гырдыр* — ‘дать уничтожить’) оформлены аффиксами: а) глагольного отрицания (-*ма*) и б) 1-го лица единственного числа прошедшего категорического времени изъявительного наклонения (-*дым*).

3. Слова-рифмы с тремя слогами-аффиксами — *көрмәзмисән* : *билмәзмисән* (Г. А., 102). Эти слова (*көр* — ‘видеть’, *бил* — ‘знать’) снабжены аффиксами: а) отрицания 2-го лица настояще-будущего времени (-*мә*+*з*), б) вопросительной частицы (-*ми*) и в) 2-го лица единственного числа будущего времени (-*сән*).

Теоретически не исключена возможность совпадения еще большего количества аффиксов в конце стиха. Но, как было показано выше, в поэтических формах фольклора многосложные слова употребляются весьма редко.

¹⁷ В. М. Жирмунский. О тюркском народном стихе, стр. 656—657.

Следует подчеркнуть, что в народном стихе полноправной рифмой являются различные фонетические варианты одного и того же аффикса, благодаря их фонологической и функциональной тождественности¹⁸. Подобные примеры встречаются как в старых, так и в современных произведениях фольклора. Обратимся к стихотворным отрывкам из дастана «Кёроглу» («Короглу». Чапа хазырлајаны М. Н. Тәһмасиб. Баку, 1975): *сечилсин : төкулсүн* (стр. 19) — глаголы *сечил-* 'отличаться' и *төкул-* 'рассыпаться' с двумя вариантами аффиксов повелительного наклонения 2-го лица единственного числа; *боғазлы : көзлү* (стр. 58) — существительное *боғаз* 'шея' и *көз* 'глаз' с различными вариантами словообразовательного аффикса обладания; *тозуну : көзүнү* (стр. 228) — существительные *тоз* 'пыль' и *көз* 'глаз' с двумя вариантами аффикса принадлежности 3-го лица единственного числа и сингармоничными с ними аффиксами винительного падежа и др.

Частной формой конечной рифмовки в народном стихе являются повторы одних и тех же слов. Этот прием звуковой организации стиха, употреблявшийся в древности, встречается в фольклорных записях и нашего времени. Например, в современных записях баяты, которое, как известно, рифмуется по схеме *а,а,б,а*, в рифмующихся строках повторяются два заключительных слова:

Эзизим, кедәр галмаз,
Ахар су кедәр галмаз.
Вәфалы јар элин үзмәз,
Вәфасыз кедәр галмаз. (Б., 29, 249)

'Друг мой, все уйдет, не останется,
Текущая вода уйдет, не останется.
Преданный друг не покинет,
Неверный уйдет, не останется'.

Подобные повторы, выполняющие функцию рифмы в современном народном стихе, возможны в тех случаях, когда повторяющиеся слова состоят минимум из трех-четырех слогов (для семисложного баяты), то есть если они охватывают значительную часть слогов в строке. В тех же случаях, когда повторы состоят из одного-двух слогов, перед ними обязательно наличие рифмы, как, например, в песне «Эй, смотри, смотри сюда» («Ај бәри бах, бәри бах»):

Пәнчәрэдән даш кәлир,
Хумар көздән јаш кәлир,
Сәни мәнә версәләр,
Аллаһа да хош кәлир. (А. 1, 124)

'Из окна камни летят,
Из томных глаз слезы каплют,
Если тебя выдадут за меня,
И аллаху это понравится'.

Слова-рефрены, повторяющиеся после рифмы в конце каждой рифмующейся строки, в азербайджанской поэтике называются *редифом*. В песнях, строки которых содержат 10—15 слогов, редиф может состоять из группы слов.

Рифма в народной поэзии продолжает развиваться: расширяются способы ее образования из различных частей речи или грамматических форм. Появляются новые рифмы, представляющие собой сочетание соответствующих корневых созвучий с созвучиями их аффиксов, то есть рифмуются и основы, и их грамматические показатели. Эту стадию развития рифмы можно наблюдать в единичных случаях уже в памятнике

¹⁸ См.: В. М. Жирмунский. О тюркском народном стихе, стр. 656.

«Китаб-и дедем Коркут»: *јолдашым* 'мой товарищ' : *башым* 'моя голова' (Г. А., 98); *дағларымыз* 'наши горы' : *бағларымыз* 'наши сады' (Г. А., 89); *бахар* 'посмотрит' : *јахар* 'сожжет' (Г. А., 100). В этих рифмах, кроме созвучия аффиксов, созвучны и основы: *јолдаш* 'товарищ' : *баш* 'голова', *дағ* 'гора' : *бағ* 'сад', *бах-* 'смотреть' : *јах-* 'сжигать'. В дальнейшем возрастает удельный вес рифм, в которых рифмуются: а) слова в основном падеже со словами с грамматическими показателями различного порядка, б) чистые основы.

С течением времени повышаются требования эстетического характера, предъявляемые к стиху, к его композиционно-звуковой стороне. Совершается переход от повторения однотипных фраз к свободной стихотворной речи, что явилось следствием отказа от традиционного синтаксического параллелизма. Однако следует отметить, что эти серьезные качественные изменения народного стиха не затронули одну его особенность, порожденную синтаксическим параллелизмом и до сих пор остающуюся реликтовым явлением: строка почти всегда семантически и синтаксически завершена — мысль начинается и кончается в одной строке с соответствующим грамматическим оформлением. Эта особенность народного стиха является важным признаком, отличающим его от письменной поэзии, особенно позднего времени.

Рифмы азербайджанского народного стиха можно классифицировать по: а) структуре и б) звуковому составу. Классификация рифм по структуре ставит своей целью определить степень участия основы слова и его грамматических атрибутов в организации рифмы, а звуковая классификация — рассмотреть фонику рифмы, качественные признаки звуков и их сочетаний, участвующих в рифмообразовании.

В народной поэзии встречаются четыре структурных типа рифм.

1. К первому типу относятся грамматические рифмы, созвучия которых базируются только на тождестве однозначных аффиксов. Эта рифма примитивнее и архаичнее других и употреблялась главным образом в древней народной поэзии. Однако подобную рифму можно встретить и в современных произведениях. Например, в лирической песне: *нејләјир?* 'что делает?' : *ојнајыр* 'играет' (А. I, 130); *кәлмәди* 'не пришел' : *вермәди* 'не дал' (А. I, 145) и др.

2. Ко второму типу относятся рифмы, включающие созвучие и последних слогов основы, и однородных грамматических показателей. Подобный тип созвучия представляет собой новую, качественно более высокую стадию в истории развития рифмы. Эти рифмы охватывают обычно два, три слога. Например: *јан+ды* 'сгорел' : *дајан+ды* 'остановился' (Б., 150, 483), *дағ+дыр* 'это гора' : *бағ+дыр* 'это сад' (Б., 188, 481), *сачыл+сын* 'пусть рассеется' : *ачыл+сын* 'пусть раскроется' (А. I, 31) и т. д. Рифмы этого типа в песенном фольклоре численно преобладают. Они, так же как грамматические рифмы в русской народной песне, имеют главным образом звуковое значение и подчеркивают мелодическую симметрию песни¹⁹.

3. К третьему типу относятся рифмы, обладающие созвучием последних слогов чистой основы и различных грамматических показателей; например: *саз* 'музыкальный инструмент' : *јаз* (форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения от глагола *јазмаг* 'писать') (Б., 51, 610), *гаја* 'скала' : *аја* 'луна' (в дательном падеже) (А. I, 107), *узум* 'виноград' : *көзум* (существительное 'глаз' с аффиксом принадлежности 1-го лица единственного числа) (Б., 60, 776) и др.

¹⁹ См.: В. Е. Холшевников. Основы стиховедения. Русское стихосложение. Л., 1972, стр. 83.

4. К четвертому типу относятся рифмы, образованные с участием последних слогов чистых основ без грамматических атрибутов. Эти рифмы составляют незначительное количество по сравнению с предыдущими разновидностями. Некоторые из них (например, *бағ* 'сад' : *дағ* 'гора', *күл* 'цветок' : *булбул* 'соловей', *нар* 'гранат' : *вар* 'имеется' : *јар* 'возлюбленная') из-за частого употребления утратили свою оригинальность, эмоциональную силу и стали банальными.

Остановимся и на звуковом составе рифмы.

В ритмической структуре стиха рифма фиксирует границу строки, конец ритмического ряда. Абсолютным же концом строки является последний слог рифмующегося слова. Таким образом, на созвучии именно этого слога строится рифма.

Качество рифмы определяется степенью близости и совпадения звуков, создающих созвучия стиховых окончаний. В созвучии рифм решающая роль принадлежит гласным звукам, согласные же лишь усиливают и укрепляют это созвучие.

Азербайджанский язык имеет девять гласных фонем. Шесть из них (*а, ә, ы, и, у, ү*) составляют гласную основу всех аффиксов, а также конечных слогов основной массы слов. Именно эти гласные играют главную роль как в составе грамматических рифм, так и в составе рифм, образованных из основ. Остальные при фонемы (*е, о, ө*) встречаются большей частью в начальных слогах слов и поэтому в рифмах участвуют редко — только в тех случаях, когда рифмующаяся основа состоит из одного слога, включающего какой-либо из этих гласных.

Основная часть рифм в народном стихе образуется с участием аффиксов. Аффиксы при рифмующихся основах всегда однотипны, иначе говоря, в их составе гласные и согласные звуки либо полностью совпадают, либо же при некотором расхождении звуков они фонологически тождественны. Таким образом, аффиксы обогащают рифму, способствуя большему созвучию, делают рифму глубокой.

Классификация рифм по их эвфоническим качествам, то есть по степени их созвучия, представляет определенные трудности, связанные, во-первых, со сложностью учета огромного количества рифм, употребляемых в стихотворных формах фольклора, и, во-вторых, с отсутствием в азербайджанском литературоведении подобного опыта. Поэтому классификация, приведенная ниже, носит предварительный характер и нуждается в дальнейшем уточнении и детализации.

По качеству фонетического (акустического) созвучия рифмы можно классифицировать по следующим группам: точная, глубокая, бедная и неточная рифма.

1. Точной следует признать рифму, характеризующуюся полным совпадением звучания двух или трех последних звуков основы при участии одного или двух гласных; например: *мешә* 'лес' : *бәнөвшә* 'фиалка' (Б., 29, 244), *чәфа* 'страдание' : *вәфа* 'верность' : *сәфа* 'наслаждение' (Б., 10, 4), *чичәк* 'цветок' : *көјчәк* 'красивая' (А. I, 143).

2. К категории глубоких рифм можно отнести рифмы, обладающие полным совпадением звучания четырех-пяти конечных звуков основы; обычно это — два последних слога, причем последний слог совпадает полностью, а предпоследний — частично. Например: *хәбәр* 'весть' : *гәбәр* 'мозоль' (Б., 143, 376), *пешман* 'кающийся' : *душман* 'враг' (Б., 51, 611). Подобных совпадений в языке сравнительно мало, поэтому глубокие рифмы встречаются редко.

3. Бедные рифмы образуются при полном совпадении лишь одного, последнего звука основы. Чаще этими звуками оказываются гласные или звонкие согласные; например: *газ* 'гусь' : *тез* 'быстро' : *гыз* 'девушка'

(Б., 89, 16), *гала* 'крепость' : *ана* 'мать' (Б., 111, 47). Эти рифмы самые малочисленные.

4. К неточным рифмам относятся те, в которых созвучие конечного согласного (ассонанс) или гласного (диссонанс) основы приблизительно. Иногда предшествующие рифме звук или звуки могут полностью совпадать, и рифма приобретает большую звучность, однако независимо от этого дополнительного звучания созвучие в данном случае явно недостаточно. Примеры: *кэрим* 'милостивый' : *сэрин* 'прохладный' (А. I, 108), *һара?* 'куда?' : *дэрэ* 'ущелье' (Б., 143, 378).

В народном стихе типа баяты и гошма в качестве рифмы часто используются слова или сочетания слов, совпадающие по звучанию, однако имеющие различное значение, подобно русскому каламбуру. Созданные на основе омонимов и омофонов, они усиливают звучность рифмы. В отличие от русской поэзии, где каламбур используется главным образом в сатирических стихах, в азербайджанской народной поэзии подобная игра слов скорее подчеркивает минорные, грустные интонации поэтического произведения.

Однозвучные (омонимичные) слова-рифмы с двояким смыслом в азербайджанской поэзии называются *джинасом*, а стихотворение, целиком построенное на их употреблении, — *теджнисом*. Особенно часто теджнисы встречаются в ашыгской поэзии, и наличие джинасов в стихах считается свидетельством высокого мастерства поэта²⁰. По структурным признакам джинасы могут быть простыми и составными. Простые джинасы образуются из лексических омонимов, например:

Күл вурмушам бағына.
Экэр мени севирсэн,
Кэл гоншунун бағына. (Б., 88, 7)

'Цветком украсил шнурок,
Если меня любишь,
Приходи в соседский сад'.

В этом отрывке слово *бағ* (с аффиксами принадлежности 3-го лица единственного числа и дательного падежа) в первой строке имеет значение «шнурок», в третьей — «сад».

Составные джинасы образуются двумя путями:

а) присоединением к словам разнородных аффиксов, в результате чего возникают омофоны — слова с одинаковым звучанием, например:

Мән ашигәм јарамы?
Сызылдатма јарамы. (Б., 83, 1177)

'Влюблен ли я в подружку?
Не бреди мою рану'.

В этом двустишии (из баяты) джинас образован из двух слов: *јар* 'подруга, возлюбленная' с аффиксом дательного падежа *-а* и с вопросительной частицей *-мы* и *јара* 'рана' с аффиксом принадлежности 1-го лица единственного числа *-м* и аффиксом винительного падежа *-ы*;

б) другой тип составного джинаса подобен русской составной рифме. Он образуется из двух-трех слов, сочетание которых создает омофонное звучание двух рифм, например:

Ел ханы, оба ханы.
Кирпијин ох кимидир,
Кэл вурма о баханы. (Б., 84, 1184)

²⁰ Подробно о джинасах см.: Э. Чәфәрзаде. Тәҗнисиәр. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. Серия языка и литературы». Баку, 1964, № 2, стр. 49—65; Н. Нәсəнов. Омоним вэ чинас. — Там же, 1972, № 6, стр. 49—52.

‘Хан народа, хан местности.
Ресницы твои, как стрелы,
Не срази того, смотрящего’.

В последнем примере слово *оба* ‘местность, деревня’ и слово *хань*, состоящее из основы *хан* ‘правитель’ с аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа *-ы*, рифмуются с двумя следующими словами: *о* ‘тот’ (указательное местоимение) и *бахан* — причастие настоящего времени от глагола *бах-* ‘смотреть’ с аффиксом винительного падежа *-ы*. Рассмотренные типы джинасов, образованных из омонимов и омофонов, являются глубокими рифмами. Сложность создания новых удачных джинасов нередко приводит к некоторому их упрощению, к появлению джинасов, не обладающих полным созвучием; подобные рифмы следует отнести к неточным.

Роль рифмы в композиции строфы весьма значительна. Повторением определенной схемы рифмующихся строк образованы строфы многих лирических, обрядовых, героических народных песен различных типов.

В большинстве лирических песен строфа состоит из трех смежных монорифмических строк и рефрена. Рефрен всегда имеет самостоятельную рифму и может состоять из одной или более строк.

Строфические песни гошма и герайлы имеют более сложную рифмовку. Здесь рифма не только композиционно формирует строфу, но и связывает строфы между собой охватными рифмами. Схема рифмовки одиннадцатисложного гошма и восьмисложного герайлы совпадает. Первые их строфы могут иметь два варианта рифмовки: **а,б,а,б** или **а,б,в,б**. Вторые и последующие строфы соединены с первой строфой охватной рифмой (иногда рефреном) по схеме: **г,г,г,б**; **д,д,д,б** и т. д.

В азербайджанском фольклоре нет крупных поэтических произведений, подобных русским былинам или киргизскому эпосу «Манас». Стихотворные формы представлены в нем главным образом четверостишиями баяты и строфическими песнями различного типа. Количество строк в строфах, как правило, не превышает трех-четырех. Лирические песни имеют три-четыре строфы, а гошма и герайлы — не более четырех-пяти.

ОНОМАСТИКА

Л. В. ДАНИЛОВА

ЭТИМОЛОГИЯ НЕКОТОРЫХ ЧУВАШСКИХ КОНОНИМОВ БАШКИРСКОЙ АССР

(К ПРОБЛЕМЕ ЧУВАШСКО-БАШКИРСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ)

Вопрос о башкирских и татарских заимствованиях в чувашском языке возник как закономерный результат диалектологических исследований чувашских говоров Башкирской АССР, проведенных в шестидесятых годах. Выявленные И. А. Андреевым¹ и Н. П. Петровым² единичные лексические проникновения в эти говоры получили более системное изучение в статьях Л. П. Сергеева³. Однако отсутствие последовательного и всестороннего монографического исследования этих говоров явилось причиной того, что в указанные работы вкрались некоторые неточности. Например, без достаточных на то оснований авторы статей отнесли ряд диалектизмов к заимствованиям из татарского и башкирского языков. Так, лексема *merttes* 'спасибо'⁴ в говоре жителей сел Зириклы, Слакбаш и других отнесена к татаризмам, в то время как в татарском и башкирском языках в этом значении употребляется слово *ğahmät*. Отдельные слова, рассматривающиеся как результат словотворчества в самих чувашских говорах, правильнее было бы считать башкирскими заимствованиями. Так, Н. П. Петров названия сельских населенных пунктов (кононимы) *Шаланлă* (русс. Шланлы), *Шёвёрлĕ* (русс. Шивирли), *Сирёклĕ* (русс. Зириклы) пытается этимологизировать на основе нарицательных чувашских имен: *шалан* 'шиповник' (деревня *Шаланлă*, по его мнению, была основана у шиповниковой рощи), *шёвёр* 'острый', 'остроконечная вершина' (деревня *Шёвёрлĕ* — основана у подножья горы с остроконечной вершиной), *сирёк* 'ольха' (деревня *Сирёклĕ* располагалась вблизи ольховой рощи).

Чтобы показать неточность подобных этимологий, обратимся к цитате из статьи Н. П. Петрова: «Эти нарицательные имена, — пишет автор, — выполняя функцию определения, для связи с определяемым словом *йал* 'деревня' приняли аффикс *-лă* (*-лĕ*)» (стр. 143). По мнению автора, языковая практика показывает, что всякое нарицательное имя,

¹ И. А. Андреев. К характеристике лексики говора башкирских чувашей. — В сб.: «Материалы по чувашской диалектологии», вып. II, Чебоксары, 1963, стр. 49—100.

² Н. П. Петров. Морфологические особенности чувашских говоров Башкирской АССР. — В сб.: «Материалы по чувашской диалектологии», вып. III, Чебоксары, 1969, стр. 119—172.

³ Л. П. Сергеев. Татарско-башкирские изоглоссы в чувашском языке. — В сб.: «Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР», Уфа, 1970, стр. 249—257; *его же*. Лексико-семантические группы заимствований из татарского и башкирского языков в чувашские говоры БАССР. — В кн.: «Языковые контакты в Башкирии», Уфа, 1972, стр. 270—273.

⁴ И. А. Андреев. Указ. раб., стр. 51.

становясь собственным, приобретает новые свойства, переосмысливаясь как семантически, так и морфологически.

В подобных собственных именах аффикс *-лă/-лĕ* перестает осмысливаться как связывающий элемент. Связь с определяемым словом, полагает Н. П. Петров, они осуществляют при помощи других средств. К примеру, часто повторяющиеся в современном литературном языке топонимы на *-лă (-лĕ)* с определяемым словом *йал* 'деревня' сочетаются, как правило, приемом управления при помощи аффикса принадлежности *-ĕ (-и)* (изафет): *Шăланлă йалĕ* 'деревня Шланлы', *Шĕвĕрлĕ йалĕ* 'деревня Шивирли' и др. «Но в рассматриваемых говорах, — пишет автор статьи, — вместо изафетного сочетания нередко употребляют определенительное сочетание, в котором аффикс *-лă (-лĕ)* осмысливается как связывающий элемент: *Шăланлă йал, Шĕвĕрлĕ йал* и др.»⁵.

Однако предложенная Н. П. Петровым этимология вызывает некоторые сомнения по следующим причинам. Ономасты неоднократно отмечали, что топонимы, кажущиеся, на первый взгляд, простыми, в действительности нередко оказываются сложными по происхождению. Поэтому при определении происхождения любого топонима следует, во-первых, учитывать давность заселения края, во-вторых, языковые и этнические процессы, происходившие на данной территории, в-третьих, необходимо подвергнуть анализу все фонетические и диалектные варианты одного и того же наименования топонимического объекта, в-четвертых, нельзя забывать морфологические закономерности, способность данного языка к образованию «естественных» топонимов, а также ряд других факторов.

Из истории известно, что чуваши стали спорадически появляться на башкирских землях с конца XVI века. Наиболее компактными группами они селились здесь в XVII—XVIII веках, образуя чувашские поселения. Следовательно, чувашские населенные пункты на территории Башкирской АССР в основном возникли 250—300 лет назад, а некоторые — и 350 лет.

До революции исследователи края отмечали, что «инородческие названия (селений. — Л. Д.) обыкновенно давались по урочищу, на котором селилось население»⁶.

Таким образом, прежде всего следует исходить из того, какой гидроним лег в основу данного ойконима, к какому языку по своему происхождению принадлежит этот гидроним.

Хотя башкиры не были первыми исконными поселенцами края, однако до миграции на эти земли других племен и народностей в XVII—XVIII веках (мари, мордва, удмурты, чуваш и др.) они уже имели здесь довольно развитую топонимическую систему, особенно гидронимическую. Следует думать, что к этому времени более или менее значительные водные объекты этой территории имели башкирские или же адаптированные, согласно фонетическим законам башкирского языка, древнеугорские названия, так как многие из последних легко объясняются фактами башкирского языка, например: р. Бишкаин (башк. *bis* 'пять', *kajun* 'береза') и др.⁷

⁵ Н. П. Петров. Указ. раб., стр. 143—144.

⁶ «Списки населенных мест Российской империи», т. 45, Уфимская губерния (Список населенных мест по сведениям 1870 г.). СПб., 1877, стр. CXIV.

⁷ Этимология большинства башкирских топонимов убедительно раскрыта в трудах Р. З. Шакурова и А. Камалова, составивших словарь-справочник топонимов Башкирской АССР с этимологическими экскурсами (подготовлен к печати). Этот словарь представляет исключительный интерес и для чувашских языковедов, занимающихся чувашскими топонимами Башкирской АССР.

В названиях чувашских населенных пунктов (официальных и бытовых) Башкирской АССР действительно часто встречается аффикс *-lă (-lě)*: *Kajraklă, Kĕrmeslĕ, Kăntăsla, Kistenlĕ, Xămăslă* и др. Однако активность данного аффикса в образовании чувашского слоя топонимов Башкирской АССР только кажущаяся, так как на самом деле в приведенных нами и Н. П. Петровым примерах аффикс *-lă (-lě)* не является словообразующим элементом на почве чувашского языка, а заимствован представителями чувашских говоров БАССР в готовом виде вместе с основами из башкирского и татарского языков. Еще в башкирском языке завершился процесс словообразования большинства этих имен, и, как справедливо отметил Т. М. Гарипов, произошла субстантивация прилагательных, образованных при помощи аффикса *-ly*, и они утратили категориальные свойства в составе топонимов Башкирской АССР. Например, по материалам Т. М. Гарипова, это можно наблюдать в названиях сел: *Карагайлы* и *Камышлы*⁸.

Обратимся вновь к анализируемым Н. П. Петровым примерам. Комоним *Šalanlă*, по мнению автора, происходит от чувашского слова *šalan* 'шиповник'. Н. П. Петров учитывает только один фонетический вариант этого комонима. Однако в период сбора нами диалектологического материала в Аургазинском районе БАССР в 1977 году выяснилось, что жители села Бишкаин называют эту деревню *Šanallă*. Следуя Н. П. Петрову, можно было бы данный комоним объяснить как производный от слова *šapa* 'муха'. Однако все имеющиеся фонетические и лексические варианты комонима *Šalanlă/Šlanly/Šanallă/Šanallă/Snallă* возникли в результате фонетической и семантической адаптации башкирского гидронима *Šulanly*. Для сравнения возьмем название татарского села Шланлыкулева (Буздякского р-на), где чуваша никогда не проживали. Слово *šulan* в говоре демских башкир обозначает «хвощ»⁹. Еще в XIX веке великолепный знаток края Р. Г. Игнатьев отмечал, что у башкир *šulan* — род болотного растения¹⁰.

На основании приведенных фактов можно заключить, что оба комонима (русс. Шланлы и Шланлыкулево) произошли от башкирских гидронимов, где *šulanly* исторически являлось определением, относящимся к названию водного объекта, а не к топониму *jal*, как считает Н. П. Петров. В одних случаях определение в башкирском языке субстантивируется, в других, срастаясь с определяемым словом, переходит в разряд сложных слов (ср. *Шланлыкуль*), и чувашскими говорами они заимствуются в виде штампа, то есть как имя собственное, а не прилагательное.

Второе, проанализированное Н. П. Петровым, название *Ševĕrlĕ* (русс. Шеверли)¹¹ в других наименованиях населенных пунктов не встречается. По народной этимологии, этот комоним, распространенный в Аургазинском районе, происходит, как было сказано выше, от названия горы — *Ševĕrlĕ* 'остроконечная'. В исторических документах XIX века эта деревня названа Верхняя Турсагалина (Чебенлы) на реке Турсагале (1870)¹². Через двадцать пять лет это название приводится в

⁸ Т. М. Гарипов. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959, стр. 123.

⁹ «Башкорт һөйләштәренен һүзлеген», т. II. Өфө, 1970, стр. 305.

¹⁰ Р. Г. Игнатьев. Название вод, урочищ и пр., как памятники югров в Уфимской губернии. — В сб.: «Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества», вып. IV, 1881, стр. 152.

¹¹ В «Административно-территориальном делении Башкирской АССР» на 1 января 1961 года (Уфа, 1961) русское написание дается *Шеверли*, а не *Шивирли*, как указано в статье Н. П. Петрова (см. выше).

¹² «Списки населенных пунктов Российской империи», т. 45 (сокр. СНПРИ, 1870), СПб., 1877, стр. CVIII.

несколько измененном виде — Турсагали (Шивирли, Чишмы) (1896)¹³. То же самое отмечено в переписи населения 1920 года¹⁴. В последующие годы зафиксировано только одно название — Шeverли (АТДБ, 1972)¹⁵. В «Словаре» Н. И. Ашмарина говорится: «Шивёрлё — название дер. Турсагали Стерлитамакского у.»¹⁶.

В предложенной Н. П. Петровым этимологии Ševërlë вызывает сомнение тот факт, что в чувашском языке аффикс *-lă (-lě)* не присоединяется к качественным именам прилагательным типа *pusăk* 'большой', *xëglë* 'красный' (в данном слове *-lě* не аффикс, а часть основы), *kăvak* 'синий', *šëvëg* 'острый' и др. В «Русско-чувашском словаре» (1971), одним из редакторов и составителей которого является Н. П. Петров, атрибутивные словосочетания со словом «острый» переведены следующим образом: острая игла — *šëvër iÿn*, острый угол — *šëvër këtës* и т. д. Ср. также сложные прилагательные, имеющие компонент «остро»: остроухий — *šëvër xălxallă*, остроугольный — *šëvër këtëslë*, остроконечный и островерхий — *šëvër tărallă*, остроносый — *šëvër sămsallă* и т. д. Для этих примеров характерно то, что слово *šëvëg* не принимает аффикс *-lă (-lě)*, обычно присоединяемый ко второй части словосочетания, то есть к имени существительному: *xălxă + -lă*, *këtës + -lě* и т. д. Следует заметить, что «Русско-чувашский словарь» составлен на базе материалов современного чувашского литературного языка, однако в данном случае нет основания утверждать, что чувашские говоры Башкирской АССР являются исключением, так как литературный язык развивался вначале именно на основе этих говоров.

Вышесказанное, а также вариант *Шивёрлё*, приведенный Н. И. Ашмариним, наводят на мысль о том, что этимологию этого комонима следует искать на почве других языков (башкирского, татарского?). Этот вопрос остается пока открытым.

Третий комоним, подвергнутый этимологизации Н. П. Петровым, это — *Сирёклё* (русс. Зириклы). Напомним, что, по мнению Н. П. Петрова, данное название происходит от чувашского слова *širëk* 'ольха' (деревня *Сирёклё* расположена у ольховой рощи). На первый взгляд, эта этимология кажется убедительной. Однако исторические документы свидетельствуют о том, что название села происходит от гидронима *Зирекле*. Сошлемся на конкретные примеры. В документах конца XIX века отмечено: в «д. Седяк Новый (Васильевка), что на речке Зирикле» проживало чувашей 709 человек, количество дворов отмечено 102 (СНПРИ, 1870). В последующие годы встречается написание: «село Ново-Седяк-Васильевка (Зириклы) при ключе Безымянном» (ПСНМУГ, 1896). В списках переписи населения 1920 года бытовое название села помещено вначале, а затем в скобках дано его прежнее официальное наименование, то есть «с. Зириклы (Ново-Седяк-Васильевка)»¹⁷ (СНМБ,

¹³ «Полный список населенных мест Уфимской губернии», т. IV, Уфа, 1896 (сокр. ПСНМУГ, 1896).

¹⁴ «Список населенных пунктов Башреспублики», Уфа, 1926 (сокр. СНПБ, 1926).

¹⁵ «Башкирская АССР. (Административно-территориальное деление)», Уфа, 1961, 1972, (сокр. АТДБ).

¹⁶ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Казань — Чебоксары, 1928—1953, вып. XVII, 1950, стр. 196.

¹⁷ В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина часто встречается помета «Н. Седяк», но в списке условных сокращений, помещенном в конце XVII выпуска, расшифровка этой пометы по каким-то причинам отсутствует. Нами установлено, что помета «Н. Седяк» произошла от сокращения дореволюционного официального названия с. Ново-Седяк-Васильевка, ныне забытого. Это село известно как «с. Зириклы Бижбулякского р-на», и под пометой «Н. Седяк» нужно понимать чувашский говор с. Зириклы указанного района. (См.: Л. В. Данилова. Об одной помете Н. И. Ашмарина. — В сб.: «Диалекты и топонимы Поволжья», вып. 6, 1978, стр. 94—98).

1926). В настоящее время употребляется только одно название — с. Зириклы (АТДБ, 1961, 1972).

Как видно из приведенных материалов, вначале Zirikly называли речку, близ которой возникло поселение. В основу гидронима легло тюркское слово *zirek* 'ольха' (ср. башк. *zirekle/zireklek* 'ольховая; ольховник', тат. *jareklek*, чув. *s'irëklëx* 'ольховник'). Близость языков зачасую затемняет первоначальную основу, и порой трудно сказать, что было первичным — башкирское *zirekle* или чувашское *s'irëklë*. По всей вероятности, когда-то в этом регионе все топонимы были башкирского или татарского происхождения [ср. названия чувашских сел: *Pišpëlek* — Бижбуляк от башк. *biş* 'пять' и *büläk* 'часть' (надел земли); *Jälpälak* — Елбулак от тат.-башк. гидронима *Jylbulak*; топоним *Jelev* от башк. *jäjläü* 'летовка'; *Alakajpëlek* от башк. *alakaj* 'пестрый'; *Aläpëlek* от башк. *olo* 'большой, великий' и *bulak* 'надел земли с прилегающими к нему лесом, оврагом, рудниками; участок леса' и др.]¹⁸.

Комоним Zirikly встречается также в названиях сел: татарских (д. Зириклы Бакалинского, с. Зириклы Шаранского, п. Зириклыбаш Благоварского районов), башкирских (два поселка Зириклыкуль в Миякинском и Буздякском районах) и чувашских (село и пос. Зириклы и Зириклытамак в Бижбулякском и д. Зириклы в Миякинском районах).

Для подтверждения заимствования чувашскими говорами башкирских гидронимов, перешедших впоследствии в разряд чувашских комонимов, рассмотрим происхождение других бытовых названий, объединенных нами в группу по наличию в их составе аффикса *-lä/-lë*. Комоним *Kajraklä* (русс. Кайраклы) встречается в двух населенных пунктах: село и поселок разъезда Кайраклы (Альшеевского р-на), а также *Kajrakläpus'* (русс. с. Тятербашево Стерлибашевского р-на). Село *Кайраклы* основано чувашами после 1760 года, на что указывают «Материалы по истории Башкирской АССР»¹⁹. О данном наименовании Р. Г. Игнатьев в 1881 году писал: «Р. Кайраклы, есть с таким именем чувашская деревня; значение — имеющая точильные бруски (разумеется, берега)»²⁰. Р. З. Шакуров, исследовавший в 1970—1973 годах топонимы бассейна реки Демы, поддерживает это мнение и считает, что башкирский гидроним *Kajrakly* обозначает «место, где имеется точильный камень»²¹. По-видимому, оба автора правы. Если бы гидроним восходил к чувашскому материалу, он должен был бы называться *Xäjrallä*.

Таким образом, факты говорят о том, что чувашские комонимы *Kajraklä* и *Kajrakläpus'* появились в результате перехода башкирского гидронима в чувашский комоним.

Аналогичную эволюцию претерпели также названия населенных пунктов — *Kistenlë* и *Kistenlëpus'* (русс. Кистенли-Богдановка и Кистенли-Ивановка). Оба чувашских села расположены на речке Кистенли, о чем свидетельствуют исторические документы (СНПРИ, 1877). О значении гидронима *Кистенли* Р. Г. Игнатьев писал, что «*кистень* обозначает кистен, *кистенле* — имеющий кистень». По мнению же Р. З. Шакурова, речку называли *Кистенле* благодаря ее очертаниям, напоминающим кистень (ср. тюрк. *kisten* 'дубина, палка'; башк. *kis'tän*, тат. *kisten* 'булава', чув. *kisten* 'кнут'; 'нагайка с железным концом'). Несмотря на то, что анализированный материал почти не позволяет выявить перво-

¹⁸ Р. З. Шакуров. Топонимия бассейна р. Демы. Автореф. канд. дисс., М., 1973.

¹⁹ «Материалы по истории Башкирской АССР», в 5-ти томах, т. I, М.—Л., 1936; т. III, 1949; т. IV (1—2 ч.), М., 1956; т. V, 1960.

²⁰ Р. Г. Игнатьев. Указ. раб., стр. 161.

²¹ Р. З. Шакуров. Указ. раб., стр. 120—127.

источник, все же следует отдать предпочтение башкирской форме гидронима, поскольку чуваша селились на башкирских землях, когда башкиры уже имели развитую топонимическую систему края.

Чувашское бытовое название *Kërmeslě* содержалось в наименованиях двух населенных пунктов — *Anatri Kërmeslě* и *S'ũlti Kërmeslě* (русс. Верхне-Курмаза и Нижне-Курмаза). В этих селениях в XIX веке проживало смешанное мордовско-чувашское население (СНПРИ, 1877), впоследствии ассимилировавшееся. В настоящее время чуваша здесь не проживают. В официальных документах этот комоним оформлен по-разному: *Курмази*, *Курмаза*, *Курмезы*; известно написание, датированное 1920 годом: д. *Нижние Курмезы-Петровка* и д. *Курмезы-Петровка* (СНПБ, 1926). Как видим, в русском написании отсутствует аффикс *-lă/-lě*. Этимологию *Kërmeslě* и *Kurmeza* трудно объяснить, исходя из материалов тюркских языков.

К чувашским бытовым наименованиям, содержащим в своем составе аффикс *-lă/-lě*, относится и комоним *Xămăslă* (русс. Камышлы Уфимского р-на). С точки зрения чувашского языка, его происхождение кажется вполне ясным: в нем выделяется основа *xămăś* 'камыш'. Тем не менее достоверно известно, что наименование *Xămăslă* вначале определяло водный источник — озеро, затем гидроним перешел в разряд комонимов. Так, в записи об уплате долга чувашами, составленной в 1765 году, упоминается деревня *Алмантаевка*, а не *Камышлы*. Только в записи за 1779 год приводятся два наименования: «... землю от граней деревень чувашских новой Алмантаевой, Камышлы-куль тоже...»²². В переписи 1870 года отмечено: д. Камышлы (Алмантаева) на речке Уршак (СНПРИ, 1877). С 1902 года деревня называется только Камышлы²³, и теперь никто не помнит, что эта деревня наряду с с. Булгаковым, находящимся от нее в 1—2 км, также называлась Алмантаева, правда, как было сказано выше, деревня Камышлы именовалась Новой Алмантаевой. Информатор П. П. Васильев, житель этого села, сообщил, что недалеко от места, где жили первые поселенцы-чуваша, простиралось большое озеро, берега которого утопали в зарослях камыша. Живописность этих мест, обилие рыбы, дичи сто лет назад описал С. Т. Аксаков²⁴.

Таким образом, в названии гидронима *Камышлыкуль* нашла отражение особенность местности, однако после изменения ее рельефа отпала необходимость в употреблении второго компонента *-куль* 'озеро' как для обозначения местности, где когда-то было озеро, так и населенного пункта.

К бытовым чувашским названиям, имеющим в своем составе аффикс *-lă/-lě*, относится и *Tjurtilě* (русс. Дюртюли) — наименование старинного села в Шаранском районе. В отличие от рассмотренных нами выше комонимов, *Tjurtilě* не происходит от гидронима. Сошлемся на официальные документы. Так, в списке 1870 года указано, что «д. Дюртюлева находится на рчк. Укаязе, проживает в нем 280 чуваш» (СНПРИ, 1877). В записях 1896 и 1926 годов встречается написание *Дюртюлли* (ПСНМУГ, 1896; СНПБ, 1926). Однако это название в настоящее время употребляется с одним *-л* — *Дюртюли*. Чувашский вариант данного комонима происходит от башкирского словосочетания (ср. башк. *dürt* 'четыре', *öjlö* 'с домами', то есть 'имеющий четыре дома'; возможна и вторая трактовка *dürt* 'четыре', *jullı* 'с дорогой', то есть 'имеющий четыре дороги').

²² «Материалы по истории Башкирской АССР», т. V, М., 1960, стр. 191.

²³ «Алфавит волостей и селений Уфимской губернии», Уфа, 1902.

²⁴ С. Т. Аксаков. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. Уфа, 1955.

Среди комонимов на *-lǎ/-lě* есть названия и исконно чувашского происхождения. К ним относится, например, бытовое наименование *Kuḡaklǎ* (русск. п. Грачевка Кармаскалинского р-на), в основе которого лежит чувашское слово *kuḡak* 'грач', а не башкирское *kaḡa kaḡa* в том же значении. Поселок возник в двадцатых годах нашего столетия. По-видимому, первые жители поселились у водного источника, где гнездились грачи (как известно, эти птицы вьют свои гнезда на ветвях высоких деревьев, растущих у водоемов). Русское наименование *Грачевка* представляет собой кальку с чувашского *Kuḡaklǎ* 'место, где много грачей'.

Рассмотрим несколько комонимов, с точки зрения чувашского языка не имеющих аффикса *-lǎ/-lě*, но относящихся в языке-источнике к данной категории слов. Деревню Моховое Болото (Белебеевского р-на) чувашки называют *Kǎntǎslǎ*. Поселение возникло в начале XX века, и в 1920 году в Моховом-Болоте (Машино) проживали чувашки и русские в количестве 132 человек (СНПБ, 1926).

По-видимому, чувашское название произошло от названия болота, именуемого башкирами *konḡobly* 'бобровый, изобилующий бобрами', в татарском языке — *konḡyz*, чувашском *xǎntǎḡ* 'бобр'.

Н. И. Ашмарин название озера *Kǎntǎslǎ kǎlě* (в бывшем Спасском уезде) также был склонен рассматривать как производное от татарского слова *kōḡdōz*²⁵. Таким образом, данное башкирскими чувашами название поселка *Kǎntǎslǎ* является прямым заимствованием из башкирского языка.

Аналогичными по происхождению являются названия чувашских сел *Xuḡamal* (русск. Средние Карамалы Ермекеевского р-на, Чувашские Карамалы Аургазинского р-на) и *S'ēṇě Xuḡamal* (русск. Новые Карамалы Кумертауского р-на). В бытовом употреблении комонимов наблюдается вариантность: *Xuḡamal/Xuḡamal jalě/Cǎvaš Xuḡamalě* и др. Эти названия в чувашском языке (в отличие от рассмотренных выше) имеют окончание *-l*, а не аффикс *-lǎ/-lě*. По народной этимологии, *Xuḡamal* происходит от тюркского *kaḡa* 'черный' и *maḡ* 'скот', то есть 'скот черной масти'. Несостоятельность такой версии доказывается историческими документами. Так, во время переписи населения 1870 года была зарегистрирована чувашская деревня *Азналы* (Карамала) на р. Карамала (СНПРИ, 1877). Обычно в современном русском написании комоним *Карамалы* имеет окончание *-лы* и согласуется с определением во множественном числе (ср. названия татарских сел *Карамалы* Иглинского и Чишминского районов, *Карамалыбузат* Стерлибашевского, *Карамалы-Губеево* Туймазинского районов); *Новые Карамалы*, *Средние Карамалы* и др.

Топоним *Карамалы* в вышеперечисленных простых и сложных образованиях происходит от башкирско-татарского гидронима *Карамалы* (ср. башк. *kaḡataly* 'вязовая; заросшая вязами', тат. *kaḡata* 'вяз', чув. *xuḡata* 'вяз'), где окончание *-ly* представляет собой башкирский словообразовательный формант. В результате заимствования чувашскими говорами башкирского гидронима *Kaḡataly* появился вариант *Xuḡamal*, где окончание *-l* является следом тюркского аффикса *-ly*. Образованное по законам словообразования чувашского языка название должно было бы выглядеть как *Xuḡamalǎ* 'вязовая', однако эта форма не встречается.

Приведенными материалами не исчерпывается состав комонимов, имеющих аффикс *-lǎ/-lě*.

²⁵ Н. И. Ашмарин. Указ. раб., вып. VII, стр. 156.

Определенную роль в процессе усвоения топонимической системы башкирского и татарского происхождения сыграла и контаминация. Рассмотрим чувашское название Pălanlă (русс. Александровка Бижбулякского р-на). Поселок возник в конце XIX века и в полном списке сел 1896 года назван «пос. Булановка на рчк. Сухой Утей, с количеством дворов 16» (ПСНМУГ, 1896). Во время переписи 1920 года записаны два названия: Александровка (Булановка) (СНГБ, 1926).

В последующие годы зарегистрировано только русское официальное наименование «Александровка». Чувашское произношение бытового комонима — Pălanlă, в русском написании «Булановка». Этимологию чувашского варианта можно рассматривать от слова pălan 'олень' (ср. башк., тат. bolan 'олень'), следовательно, pălanlă ~ bolanly 'место, где обитают олени'. Русский вариант *Булановка*, по-видимому, произошел благодаря сходству слова bolanly с русским «буланный», то есть светло-желтый с черным хвостом и гривой (о масти лошади).

Наблюдения над происхождением чувашских названий населенных пунктов Башкирской АССР показывают, что большинство дореволюционных комонимов возникло в результате усвоения башкирских названий (гидронимов, топонимов, этнонимов и др.), и только в начале XX века и в советское время сложились собственно чувашские комонимы. При заимствовании башкирских наименований наряду с фонетическим их усвоением (ср. с. *Бишкайән* от *Бишкәин*, р. *Ашкатар* от *Ашкадар*, р. *Ершек* от *Уршак* и др.) имело место и семантическое, что, во-первых, проявлялось в подборе чувашского эквивалента наименования (ср. с. *Сирёклё* от *Зириклы* и др.) и топонимических терминов (ср. рус' от башк. *baš* 'исток, устье'), во-вторых, в народной этимологизации, в-третьих, в контаминации и т. д.

Проблема башкирско-чувашских языковых связей не может быть решена на основании анализа лишь апеллятивной лексики без учета ономастического материала, и поэтому предстоящими исследованиями должны быть охвачены все наименования (тюркские антропонимы, в том числе прозвища, патронимы, топонимы, комонимы, собственно топонимы, гидронимы, этнонимы и др.), употребляющиеся в чувашских говорах Башкирии.

Анализ этих материалов даст возможность выявить закономерные лингвистические процессы, происходившие и происходящие при заимствовании лексики одним близкородственным языком из другого.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Л. В. РЕШЕТОВА

О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ РУССКО-УЗБЕКСКОГО СЛОВАРЯ

Возрастающий интерес к изучению русского языка в Узбекистане потребовал создания наряду с учебниками и пособиями различных двуязычных словарей и, в первую очередь, такого русско-узбекского словаря, который наиболее полно отразил бы лексические богатства русского языка и специфику его грамматического строя.

В Узбекистане создано несколько типов русско-узбекских словарей, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки. Все русско-узбекские словари, в разное время изданные в Узбекистане, условно можно разбить на две группы. К первой группе относятся: «Полный русско-узбекский словарь» («Русча-ўзбекча мукаммал луғат»), переведенный с татарского языка Ашур Али Захири и изданный в 1927 году в двух томах на арабском алфавите; «Русча-ўзбекча тўла сўзлик», изданный в 1934 году на латинизированном алфавите (вышел в свет только второй том), охвативший буквы от *п* до *я*. Оба эти словаря составлялись по образцу толковых словарей русского языка, прежде всего словаря В. Даля, так как в то время других массовых толковых словарей еще не было.

Следующий этап лексикографической работы начинается примерно с 1940 года и характеризуется разработкой и утверждением теоретических основ узбекской лексикографии.

Вторую группу словарей открывает «Русча-ўзбекча луғат», изданный в 1942 году. В нем более четко обнаруживаются принципы построения словаря и словарных статей. Достижением русско-узбекской лексикографии является пятитомный словарь, изданный в 1950—1955 годах. Несомненное его достоинство состоит в том, что обе его части — русская и узбекская — готовились на месте и составители их были в постоянном контакте. Наконец, в 1954 году по стандартному словнику, составленному в Москве для русско-национальных однотомных словарей, был издан «Русско-узбекский словарь» (М., 1954), отличающийся по принципам лексикографической работы от ранее изданных.

Таким образом, можно сказать, что накоплен определенный опыт составления больших русско-узбекских словарей, который позволяет оптимально решить вопросы о научно-теоретических основах этой области лексикографии.

Новый русско-узбекский словарь, составленный с учетом достижений современной лексикографии, позволит удовлетворить многообразные потребности языковой практики узбекского народа, возникающие в процессе социалистического строительства.

Круг вопросов, с которым неизбежно столкнется коллектив составителей, приступая к созданию словаря, отвечающего, с одной стороны,

современным лингвистическим требованиям, а с другой — практическим потребностям, довольно широк. Эти вопросы и составляют проблематику словаря.

При организации лексикографической работы прежде всего необходимо решить вопрос об общем характере словаря, его назначении, а в связи с этим и о его архитектонике и содержании. Дальнейший этап характеризуется определением принципов обработки словарных статей и подачи грамматических комментариев к ним, последовательным выделением значений, приведением документаций, цитат и экзemplификаций (примеров словоупотребления). Синонимы, омонимы, антонимы и разнообразная фразеология даются в объеме, предусмотренном инструкцией.

Словарь, взаиморасположение и связь составных частей которого определяются самим содержанием, создается на основе двух источников: 1) использования фрагментов современной русской художественной, публицистической, общественной, политической, научной и научно-технической литературы (при этом предполагается всестороннее привлечение существующих толковых словарей русского литературного языка и, в первую очередь, четырехтомного и семнадцатитомного академического словарей); 2) изучения опыта создания двуязычных словарей в национальных республиках и ранее изданных русско-узбекских словарей.

Источники первой группы позволяют наиболее полно отразить в словаре лексику современного русского литературного языка: не только художественной, общественно-политической и научной литературы (кроме узкоспециальной), но и разговорной речи, отвечающей определившимся лексико-стилистическим нормам.

Источники второй группы в значительной своей части являются справочными, вспомогательными. Наличие картотеки в Секторе словарей Института языка и литературы Академии наук Узбекской ССР в известной степени облегчает работу составителей.

Качество любого русско-национального словаря зависит от его структуры, содержания, системы подачи значений и точности переводных эквивалентов. Русская часть словаря, являющаяся определяющей, должна охватывать наиболее употребительную лексику и фразеологию современного русского литературного языка. Прежде всего необходима регистрация новых слов, особенно в связи с существенными сдвигами в словарном составе языка, интенсивным притоком новых слов со значительными изменениями в их семантике. В результате, например, успешного проведения космических исследований наш язык пополнился большим количеством новых слов, созданных по образцу уже существовавших: *лунит*, *космодром*, *луноход* и т. д. Архаизмы и фразеологические обороты должны быть включены в словарь в ограниченном количестве, то есть в объеме, необходимом для понимания русской классической литературы и отдельных произведений современной литературы, отражающей языковой стиль той или иной эпохи. Еще в меньшей степени должны быть отражены областные слова и обороты речи.

Принципиальным вопросом при разработке русской части словаря является вопрос о включении в словник «местных» слов, вошедших в практику языкового общения в разное время. Здесь имеются в виду слова, заимствованные из узбекского языка в русский и закрепившиеся в нем в силу отсутствия в русском языке самих реалий. Сравним, например, такие лексические заимствования, как *айван* (веранда), *арча* (древовидный можжевельник), *гуза-пая* (стебли хлопчатника), *дувал* (ограда), *канар* (мешок), *каса* (широкая чашка для супа) и т. д. Одна-

ко в русской части словаря неправомерным будет такое слово, как *ахборот*, которое сейчас широко используется узбекским телевидением в русских передачах, например: «Говорит и показывает ахборот». Арабское слово «ахборот», приемлемое для узбекского языка, а следовательно, и словника, в русском словаре излишне, так как наличие слова «известия» исключает какое бы то ни было его дублирование иностранным синонимом. В данном случае уместно вспомнить замечание В. И. Ленина о засорении русского языка.

Словник русско-узбекского словаря охватит около 70—90 тысяч слов. Он должен быть нормативным, раскрывать подлинное значение слова и оттенки его значений, указывать круг употребления этого слова, его грамматическое словоизменение, правописание и ударение.

Подробная информация о слове необходима в двуязычном словаре прежде всего потому, что эквиваленты, экзemplификации и даже цитаты не могут исчерпать всех случаев использования того или иного слова в контексте. В то же время всесторонняя характеристика каждой лексической единицы позволит уточнить предложенные словарем эквиваленты или подыскать новые, более соответствующие контексту. Сведения о слове, являясь своеобразными координатами, способствуют определению его места в общей лексико-грамматической системе языка.

Указанная информация о слове, выраженная установленными обозначениями, предъявляет определенные требования к составителям русского словника. Речь идет об особом учете как общелингвистической, так и узкоспециальной специфики слова, относящейся к области русского языкознания и лексикографии, а также к области узбекского языка, поскольку лексико-грамматические особенности русского слова, отсутствующие в узбекском языке, необходимо представить в таких деталях, которые не всегда нужны русскому читателю.

С другой стороны, предстоит многое сделать и в узбекской части словника, особенно с точки зрения последовательной подачи узбекских переводных лексических эквивалентов, а также подбора соответствующих выражений для иллюстрации устойчивых словосочетаний и идиоматических выражений, буквальный перевод которых не всегда семантически ясен.

Следовательно, словарь в известной степени должен носить нормативный характер и в узбекской своей части. Необходимо с большей чуткостью и умением отбирать слова, понятные повсеместно и соответствующие материалу словника. Не следует давать в качестве переводных эквивалентов архаизмы и диалектизмы. При подборе эквивалентов необходимо решительно отказаться от какой-либо тенденциозности, исходя из материала живого узбекского языка, обладающего достаточным лексическим богатством.

Не менее сложно в узбекской части словаря решается вопрос о границах использования заимствованных слов и терминов. Необходимо строго отличать лексические заимствования последних десятилетий, вошедшие в практику языкового общения, от случайной наносной лексики. Нет необходимости, например, как нам кажется, исключать из узбекского языка интернациональное слово *автор*, заменяя его арабским словом *муаллиф*. Слово *контроль* обычно переводилось словом *назорат*. Широкому узбекскому читателю *контроль* сейчас, думается, понятнее, нежели *назорат* (например, «народный контроль» — *халқ контроли*, а не *халқ назорати*). К тому же слово *назорат* семантически не адекватно слову *контроль*, и в новом русско-узбекском словаре против слова *контроль* в качестве первых переводных эквивалентов едва ли следует приводить *назорат*.

Вместе с тем, принимая, например, слово *метод*, нельзя отказаться и от *ушул*, ибо каждое из этих слов семантически дифференцировано и имеет свою сферу употребления.

Основным критерием включения советско-интернациональных слов в словарь без соответствующих переводов и пояснений является их продуктивность в узбекской прессе и особенно в живом разговорном узбекском языке. При этом не может быть без оговорок принят и принцип пояснения значения интернационального слова и научно-технических терминов, подаваемых в изданных словарях курсивом в скобках после заглавного слова.

Дело в том, что, поясняя значение подобного слова или термина, составитель часто прибегает к помощи слов, которые могут оказаться читателю неизвестными. Так, например, в «Русско-узбекском словаре» (М., 1954, стр. 17) читаем: «АВТОМАТ, м., 1. автомат (*ички механизм ёрдами билан ўз-ўзидан ишлайдиган аппарат*); **телефон-автомат** автомат-телефон; 2. воен. автомат (*қўл пулемёти*)». Таким образом, неизвестный термин фактически остался не объясненным.

Объяснение первого значения слова «автомат» не охватывает полностью его семантики (ср. автоматы и полуавтоматы на производстве). К тому же, чтобы понять толкование, приведенное курсивом в скобках, читатель должен знать такие слова, как «механизм» и «аппарат», а в таком случае ему должно быть известно и значение слова «автомат».

В цитируемом «Русско-узбекском словаре» аналогичных примеров достаточно.

Обычно читателя не столько интересует пространное объяснение значения того или иного слова или термина, сколько его употребление в литературной русской речи — его лексические связи, то есть возможные сочетания с другими словами. Именно они помогают понять значение и особенности употребления слова, раскрыть его многозначность и весь объем значений.

Подача иллюстративного материала к заглавному слову в данном плане необходима потому, что объемы значений слов, их семантическая нагрузка в русском и узбекском языках не всегда совпадают. В одном случае объем значений русского слова оказывается большим, чем объем значений соответствующего переводного эквивалента в узбекском языке, в другом — объем значений русского слова может распределяться между двумя или несколькими значениями слов узбекского языка.

Приведем пример выявления фактического объема значений слова.

Прилагательное «космический» по сумме своих значений может быть представлено следующим образом:

КОСМИЧЕСКИЙ, -ая, -ое. Относящийся к космосу. Космическое пространство... Космический полет... Космическая ракета, станция, космический корабль... Космическая скорость... Космическая техника, наука, космические исследования... Космические лучи, тела, частицы, космическая пыль... Космическая медицина, биология... ◇ Космическая эпоха, эра, космический век... ◇ Космический успех (большой успех).

При обработке глаголов наибольшие трудности возникают в связи с видовыми парами русских глаголов как особой лексико-грамматической категории. Наличие грамматической категории вида в тюркских языках признается далеко не всеми специалистами. Можно говорить лишь о грамматических средствах узбекского языка, в той или иной степени передающих значение русских глаголов совершенного вида.

Обычно принято считать, что русские глаголы совершенного вида передаются в узбекском языке при помощи вспомогательных глаголов, например: *писать* (несов.) *ёзмок*, *написать* (сов.) *ёзиб қўймоқ* и т. п.

При этом в русско-узбекских словарях переводы даются при глаголах совершенного вида, а глаголы несовершенного вида оставляются без перевода (с пометой — «несов. см. ...») со ссылкой на соответствующий глагол совершенного вида.

Если для толковых словарей русского языка подобный прием подачи глаголов совершенного и несовершенного видов считается приемлемым, то для русско-национальных словарей, в частности и для русско-узбекского, он недостаточен. Понятие вида не заложено в основе тюркского глагола, в связи с чем один и тот же глагол может выступать в качестве переводного эквивалента для русских глаголов совершенного и несовершенного видов. Ср., например (здесь и дальше примеры взяты из «Русско-узбекского словаря», М., 1954), **перевыбрать** (сов.) и **перевыбирать** (несов.) переводятся независимо от вида одинаково: *‘қайтадан сайламоқ, янгидан сайламоқ’*; точно так же: **перевернуться** (сов.) и **переворачиваться** (несов.) переводятся без семантической дифференциации: *‘ағдарилмоқ, тўнтарилмоқ, ўгирилмоқ, айланмоқ’*; **перевернуться на другой бок** *‘иккинчи ёнга ағдарилмоқ’*.

Вопрос передачи русских глаголов совершенного и несовершенного видов в русско-узбекских словарях решается не так просто, как это может показаться на первый взгляд. Каждый отдельный случай перевода русских глаголов совершенного и несовершенного видов на узбекский язык следует рассматривать особо. В узбекском языке существует развернутая система форм прошедшего времени и вспомогательных глаголов, которые по объему своих семантических значений гораздо шире, чем видовые оттенки русских глаголов, что позволяет добиться большой точности их перевода. В одном случае средством передачи глагольного вида выступает та или иная форма прошедшего времени, в другом — выступают вспомогательные глаголы, которые могут передавать и несовершенный вид. Например, **получить** (сов.) *‘олмоқ, қўлга олмоқ’*; **я получил письмо** *‘мен хат олдим’*; **получать** (несов.) (по словарю, стр. 602) см. **получить**, но **я получаю письма** *‘мен хат олиб тураман’* (без вспомогательного глагола *турмоқ* в данном случае оттенок несовершенного вида передать нельзя, так как выражение *мен хат оламан* означает «я получаю письмо»).

Сравним еще: **выждать** (сов.) кого-что, чего *‘кутиб олмоқ’*; **выжидать** (несов.) *‘кутиб турмоқ’*. Оттенок незавершенности действия глагола **выжидать** передается при помощи вспомогательного глагола *турмоқ*, оттенок завершенности действия глагола **выждать** — вспомогательным глаголом *олмоқ*.

Таким образом, в узбекском языке не все вспомогательные глаголы могут служить средством передачи совершенного вида. Так, например, вспомогательный глагол *турмоқ* обычно вносит в значение основного глагола оттенок длительности, продолжительности (а не законченности действия).

С этой точки зрения заслуживают внимания и другие пары русских глаголов, которые означают движение в каком-либо направлении или движение вообще.

В качестве примера приведем такую пару глаголов:

ЛЕТАТЬ *несов.*, см. *лететь*.

ЛЕТЕТЬ *несов.* 1. *учмоқ*, *парвоз қилмоқ*; самолет летит — самолет учмоқда; 2. *перен. (мчаться)* *чопмоқ*, *югурмоқ*, *илдам қадам босмоқ*, *ғизиллаб бормоқ*, *учиб бормоқ*; **лететь на всех парах жон борича югурмоқ**; **лететь сломя голову жадал чопмоқ**; **лететь стрелой ўқдай учмоқ**; 3. *(о времени)* *тез учмоқ*; часы летят соат тез ўтмоқда; **время летит**

вақт тез ўтмоқда; 4. разг. (*падать*) йиқилиб тушмоқ, ағанаб тушмоқ, тушиб кетмоқ. («Русско-узбекский словарь», стр. 334—335).

Как видим, в словаре поставлен знак равенства между глаголами *летать* и *лететь*, хотя семантическая нагрузка их различна: *летать* — способность совершать движение в воздухе вообще, а *лететь* — то же движение, но в определенном направлении. В таких случаях перевод следует давать при первом глаголе с указанием оттенков движения:

ЛЕТАТЬ несов. 1. учмоқ, учиб турмоқ и т. п.

ЛЕТЕТЬ несов. 1. учиб бормоқ, учиб келмоқ и т. д. Самолет летит самолёт учиб келаётир, а не «самолёт учмоқда», как дано в словаре, что означает «самолет летает».

Сравним еще одну пару этого типа:

БЕГАТЬ несов. 1. см. бежать 1, 2 (*избегать*) қочмоқ; ўйнамоқ;

◇ глаза его так и бегают унинг кўзлари уйнаб туради.

БЕЖАТЬ несов. 1. югурмоқ, чопмоқ, тез юрмоқ; бежать со всех ног оёқни қўлтиқлаб чопмоқ; бежать рысью йўргаламоқ; 2) перен. (о времени) тез ўтмоқ, ўтиб кетмоқ: дни бегут кунлар ўтиб келаётир; 3. перен. (течь) оқмоқ, тошмоқ; кровь бежит из раны ярадан қон оқаётир; 4. перен. (при кипячении) қайнаб тошмоқ; молоко бежит сут қайнаб тошаяпти; 5. сов. и несов. (спастись бегством) қочмоқ, қочиб қутулмоқ; бежать из плена асирликдан қочмоқ. («Русско-узбекский словарь», стр. 38).

И здесь аналогичное смешение семантической дифференциации русских глаголов *бегать* и *бежать*: оттенок совершения действия в определенном направлении лучше передать в узбекском языке вспомогательным глаголом *бормоқ* (если действие направлено от нас куда-либо) или *келмоқ* (если действие совершается по направлению к нам), а именно: *бежать* несов. (туда) *югуриб бормоқ*; (сюда) *югуриб келмоқ*. Оттенок совершения действия вообще, способность совершать действие на узбекский язык следует передавать основным глаголом или сочетанием его с вспомогательным глаголом *юрмоқ* — *бегать* (несов.) '*югурмоқ; югуриб юрмоқ*'.

Такие пары русских глаголов необходимо переводить каждый в отдельности.

Нельзя оставить без внимания в словаре и такие русские глаголы, которые в силу лексико-грамматических особенностей узбекского языка имеют один переводной эквивалент. Обратимся к примерам:

ПОЛОЖИТЬ (сов.) 1. кого-что: қўймоқ, солмоқ; положить книгу на стол китобни стол устига қўймоқ; положить белье в чемодан кийимларни чемоданга солмоқ; 2. ётқизмоқ; положить больного в госпиталь касални госпитальга ётқизмоқ; 3. что (прибавить куда-либо) солмоқ; положить в кашу масла кашага ёғ солмоқ; 4. на что, разг. сарф қилмоқ, бағишламоқ, бермоқ; положить все силы на служение родине бутун кучни ватан хизматига сарф қилмоқ; 5. (предположить) фараз қилмоқ... демок; положим, что ты прав фараз қилайлик, сен ҳақлисан; ◇ положить начало чему-либо бошлаб бермоқ; асос солмоқ, асос курмоқ; положить все за правило ўзига қоида қилиб олмоқ; кузига аҳд қилиб қўймоқ; катъий қарорга келиб қўймоқ; положить на место тап тортқизмай ўлдирмоқ; положить на обе лопатки спорт. йикитмоқ, ерга босмоқ; положить руку на сердце жон-дили билан, чин қалбдан, самимиёт билан; положить конец чек қўймоқ, хотима бермоқ. («Русско-узбекский словарь», стр. 600).

ПОСТАВИТЬ сов. кого-что, в разн. знач. қўймоқ, турғизиб қўймоқ, солмоқ, курмоқ; поставить столбы устунлар қўймоқ; поставить машину в гараж машинани гаражга қўймоқ; поставить цветы в вазу гулларни

вазага қўймоқ; **поставить компресс** компресс қўймоқ; **поставить памятник** ҳайкал қўймоқ; **поставить телефон** телефон қўймоқ (қўйдирмоқ); **поставить забор** девор қурмоқ; **поставить точку** нукта қўймоқ; **поставить новую пьесу** янги пьеса қўймоқ; **поставить на новую работу** янги ишга қўймоқ; **поставить вопрос** на голосование масалани овозга қўймоқ; **поставить рекорд** рекорд қўймоқ; **поставить диагноз** диагноз қўймоқ; **поставить себе за правило** ўзига одат қилиб қўймоқ (олмоқ). («Русско-узбекский словарь», стр. 616).

Анализируя узбекские переводные эквиваленты основных значений русских глаголов **положить** и **поставить**, мы убеждаемся, что в том и другом случае выступает в первую очередь глагол *қўймоқ* (исключается отдельная фразеология с указанными глаголами в переносном значении). Однако семантическая нагрузка русских глаголов **положить** и **поставить** не раскрыта в силу того, что не даны наиболее употребительные модели, отражающие сочетаемость этих глаголов с другими словами.

Таких примеров можно привести много. Все они свидетельствуют о том, что в русско-национальных словарях русская часть должна быть построена не так, как это принято по традиции. Составитель русского словника должен знать не только русский язык, но и лексико-грамматические особенности языка той национальности, для которой составляется словарь. В противном случае останутся (как это было до сих пор) не раскрытыми те детали, которые необходимы для более тонкого изучения русского языка.

Несколько слов об иллюстративном материале, который обычно подается за ромбиком. Мы имеем в виду идиоматические выражения, пословицы и т. п. Существуют различные точки зрения относительно подачи в словаре фразеологии, и каждая из них не лишена резона. Нам представляется, что, приводя идиоматические выражения, целесообразнее сначала дать их правильный перевод, а затем уже давать параллели из родного языка, если такие эквиваленты или приближенные выражения существуют.

Таковы предложения, которые, по нашему мнению, необходимо принять во внимание как при составлении словника, так и при его переводе. Эта сложная, но всегда интересная работа должна проводиться с учетом специфики обоих языков (как русского, так и узбекского) и предельной лаконичности перевода*.

* Редакция считает, что высказанные в статье Л. В. Решетовой соображения и пожелания относительно построения русско-узбекского словаря могут оказаться небезынтересными и для лексикографов других тюркоязычных республик и областей, работающих над составлением русско-национальных словарей (*Прим. ред.*).

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Г. САРСИКЕЕВА

ФУНКЦИИ ПАУЗ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В научных грамматиках тюркских языков обычно проблеме паузы уделяется весьма незначительное место и то лишь большей частью в связи с определением термина «синтагма». В. Н. Зиновьев в статье «О ритмико-мелодической структуре казахского языка» останавливается на значении пауз, определяя их как «выдыхательные»¹. Роль и значение пауз отмечаются фонетистами и при исследовании просодических характеристик интонационно-коммуникативных структур². По мнению З. Х. Таги-заде, в тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, пауза может быть одним из критериев структурного анализа при разграничении предложения и словосочетания³.

Некоторые лингвисты-казахovedы отмечают, что из всех интонационных явлений пауза наиболее тесно связана с пунктуацией⁴. Однако не следует забывать о том, что паузальные и пунктуационные знаки отнюдь не всегда совпадают. Пауза может быть вызвана различными требованиями синтаксического, семантического или стилистического порядка, но не обозначена пунктуационно. Каждый знак препинания — сигнал к паузе определенной длительности. Если знак препинания отмечается в устной речи определенной паузальной длительностью, то следует дифференцировать длительности пауз восклицательного знака, завершающего как побудительное, так и восклицательное предложения. То же можно сказать и о других пунктуационных знаках. Как относительная автономность паузальных знаков, так и частое несоответст-

¹ В. Н. Зиновьев. О ритмико-мелодической структуре казахского языка. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения». Алма-Ата, 1948, № 5 (77), стр. 55.

² См.: А. Н. Нурмаханова. Типы простого предложения в тюркских языках. Ташкент, 1965; П. Бекимбетов. Интонация собственно-вопросительного предложения в современном каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1965; Г. Н. Абулкасимова. Интонационно-семантический анализ восклицательных речевых единиц в английском и узбекском языках. Автореф. канд. дисс. М., 1969; Н. У. Туркбенбаев. Интонация простых вопросительных предложений. Алма-Ата, 1971; А. К. Орусбаев. Экспериментальное исследование киргизского ударения. — «Советская тюркология», 1972, № 4.

³ З. Х. Таги-заде. Об интонационных характеристиках словосочетания и предложения (на материале азербайджанского языка). — «Ученые записки ИМГПИИЯ», т. 60. М., 1971, стр. 395.

⁴ Ә. Ысқақов, Ә. Хасенов. Тыныс белгілері. Алматы, 1951; Ф. Мұсабекова. Қазіргі қазақ тілінің пунктуациясы. Алматы, 1973; Х. Арғынов. Қазақ тілі методикасы (Синтаксис, пунктуация). Алматы, 1974.

вие пауз и знаков препинания объясняется недостаточной гибкостью системы пунктуации. Экспериментальному исследованию вопросов взаимодействия паузации и пунктуации посвящены работы Т. М. Николаевой, Л. Г. Ведениной и др. На материале тюркских языков подобные исследования лишь начинают проводиться.

Пауза — существенный фактор синтаксической фонетики. Она служит идеальным средством разграничения синтагм, предложений, фраз, сверхфразовых единств. Свойство паузы делимитировать речевые единицы в линейной последовательности является ее общей служебной функцией, так как уже само наличие паузы свидетельствует о разрыве.

По месту образования паузы делятся на внутренние (на границах синтагм) и внешние (на границах предложений), хотя последние, в свою очередь, считаются внутренними по отношению к паузам между абзацами. Межсинтагменная пауза потому выполняет функцию делимитации, что она одновременно реализует функцию соединения синтагм как составляющих более крупной речевой единицы. Принято считать, что за большим речевым отрезком следует большая пауза и разрыв получает более четкое выражение и наоборот. Большая пауза — признак слабой, а краткая — тесной связи между разделяемыми смысловыми единицами. Например, по Л. Блумфильду, пауза — формальное средство разграничения слов внутри словосочетания. Не придавая особого значения паузам, автор пишет, что «паузы, в большинстве случаев, неинтересны, они имеют место главным образом тогда, когда составляющие представляют собой длинные словосочетания...»⁵. В. И. Бухарин, используя длительность пауз для обозначения границ структурных типов синтагм, отмечает, что «актуальные паузы (т. е. паузы, сигнализирующие границу актуального членения) могут быть относительно растянуты в произношении, не нарушая при этом динамическую структуру КВ»⁶.

Под паузой нами понимается разрыв во временной последовательности, служащий для выявления границ относительно самостоятельных по смыслу речевых единиц их структурного состава и типов связи между ними.

Функционирование пауз связано с природой каждого языка. Пауза считается одним из полифункциональных языковых явлений и признаком синтагматического членения. Иначе говоря, пауза, синтезируя слова и словосочетания в синтагмы, а последние — в предложения, отражает не только степень их отрыва или связи, но и выявляет многообразие синтаксических, семантических, стилистических значений связанных компонентов. В зависимости от происхождения различают грамматические, логические и психологические паузы. Паузы, обозначающиеся знаками препинания, являются грамматическими, а паузы, связанные с функцией мышления, — логическими. Особенно разнообразны функции психологических пауз. Они вносят различные дополнительные оттенки в содержание предложения. Психологические паузы детально исследуются при изучении сценической речи. Согласно Р. А. Будагову, «с помощью паузы и молчания актер может передать на фоне предшествующего действия примерно то же, для чего некогда требовались специальные монологи в сторону»⁷. В зависимости от выполняемых функций

⁵ Л. Блумфильд. Язык. М., 1968, стр. 197.

⁶ В. И. Бухарин. Структурные типы синтагм в констатирующем высказывании. Автореф. канд. дисс. М., 1975, стр. 8.

⁷ Р. А. Будагов. О сценической речи. — «Филологические науки». М., 1975, № 6, стр. 12.

паузы подразделяются на обязательные и факультативные. Логические паузы, на наш взгляд, являются структурным компонентом предложения и передаются вместе с предложением. Они всегда присутствуют, но не всегда обозначаются. Что же касается грамматической паузы, то ее следует рассматривать в двух аспектах: 1) как паузу, синтаксически оформляющую член предложения и обозначаемую определенным знаком препинания; 2) как паузу, грамматическое значение которой выявляется при помощи логической паузы.

Психологическая пауза часто используется в стилистических целях. В зависимости от коммуникативной нагрузки продолжительность психологической паузы варьируется. Из всех знаков препинания многоточие в наибольшей степени выражает реальную психологическую паузу.

Итак, логическую паузу следует считать основной, а грамматическую и психологическую — производными от нее. Как уже отмечалось, логическая пауза обязательно присутствует в структуре предложения. Наличие грамматических пауз обуславливается синтаксическими факторами. Психологическая пауза носит факультативный характер, хотя иногда, при известных условиях, действуя параллельно с логической, она становится доминирующей.

Функции перечисленных типов пауз имеют большое значение для тюркских языков, в которых порядок слов относительно прямой. Наблюдения над простыми предложениями показывают, что определение функций пауз сопряжено с некоторыми трудностями, так как известные теоретические положения о синтагматическом членении не всегда применимы к тюркским языкам. Трудность вопроса заключается в противопоставленности друг другу процессов, составляющих в единстве основу правильного синтагматического членения: 1) граница синтагмы весьма подвижна в тюркских языках: объем синтагмы может варьироваться в пределах от одного до четырех и более компонентов; 2) членение на синтагмы в тюркских языках явление очень частое, вследствие чего нередко происходит разрыв предполагаемых компонентов синтагмы.

Наличие в предложении устойчивых в структурном отношении типов синтагм, таких, как определяемое слово с определением, фразеосоючетаний и т. д. оттеняет семантико-синтаксическую структуру предложения, облегчает процесс выявления моделей синтагм, характерных для простого предложения в тюркских языках. Исследования показывают, что во многих простых предложениях семантические паузы являются, в определенной степени, одним из немаловажных средств устранения многообразия семантико-синтаксических связей на границах синтагм, соответственно целям коммуникативного задания предложения.

Рассмотрим простые предложения, представленные с учетом следующих структурных признаков: 1) признак наличия устойчивых типов синтагмы; 2) признак отсутствия устойчивых типов синтагмы; 3) признак количественного состава синтагмы.

1. В предложении: каз. *Raj tipti til kata almaj ernin tistelej berdi* (А. Н. «Қап мен тер») 'Рай кусал себе губы, не произнося ни слова'. На первый взгляд, две основные синтагмы — это *Raj* и *tistelej berdi*. Однако вклинившиеся между ними другие члены предложения нарушили предполагаемое синтагматическое членение. Синтагма *Raj* (C_1) сохранила свою инициальную позицию и синтаксическое значение. Граница C_1 должна быть ясно обозначена логико-грамматической паузой. Следующая синтагма состоит из одного модального слова *tipti* (C_2), значе-

ние которой усиливается следующей за ней психологической паузой. Синтагма *til kata' almai* — устойчивая модель — устойчивое фразеосочетание (C_4) выражает психологическое состояние действующего лица. Последняя синтагма *ernin tistelej berdi* — составное сказуемое, значение которого также усилено перестановкой его в конец предложения. (C_2) C_4 и C_2 обозначают параллельность действия и между ними имеется грамматическая пауза, то есть пауза перечисления. Обычно пауза перечисления отличается минимальной длительностью. В данном случае на значение перечисления накладывается значение обычной паузы предикативности, как того требует C_2 . Но C_2 переставлена в конец предложения, значит предпауза подчеркивает позицию C_2 , приобретая психологическое значение. Таким образом, перед C_2 возникает пауза с удвоенным грамматическим и психологическим значениями, что отражается на ее длительности.

2. Синтагматическая структура предложения: узб. *Xaj, ovsin o'g'zingizga karab gapiring* (Mirmuxsin «Jamila») 'Ой, сношенька, выберите выражения' — располагает всеми особенностями, облегчающими процесс восприятия основного смысла предложения: знаками препинания, указывающими на относительную завершенность синтагм; междометием с обращением (грамматически несвязанный член предложения, который вносит дополнительный оттенок в основное содержание предложения); и, наконец, устойчивым фразеосочетанием *o'g'zingizga karab gapiring* (образец спаянности составляющих компонентов). Тем не менее соответствующее произношение может утратить эмоциональное содержание предложения. Беспauзальное произношение предложения тесно связывает два компонента в одной синтагме — междометие и обращение, что придает предложению оттенок гнева. Произношение же с паузой, с удлинением конечных звуков междометия *xaj* выражает упрек, предупреждение, но отнюдь не категорический приказ. Согласно условиям контекста, предложение членится на две синтагмы: *xaj ovsin* и *o'g'zingizga karab gapiring*. Длительная пауза после обращения с доминирующим психологическим значением противопоставлена в коммуникативном отношении смыслу всего предложения.

С каждым новым актуальным членением меняется смысл предложения в ожидаемом направлении, что влечет за собой изменение коммуникативной нагрузки членов предложения. Изменяются и функции внутренних пауз. Например, предложение: каз. *En mol kudyk osy iŝ awyldyn ortasynda bolatyn* (М. А. «Abaj žoly») 'Самый огромный колодец располагался как раз между тремя аулами' может быть представлено восемнадцатью вариантами актуального членения. Наличие двух устойчивых моделей синтагм — определений с определяемым словом: *en mol kudyk* и *iŝ awyldyn* облегчает членение на синтагмы. Основные типы синтагм *en mol kudyk* — C_1 и *ortasynda bolatyn* — C_2 . Слову *kudyk* — предшествует группа определений *en, mol*. Можно делать или не делать после *en* паузы, что в сущности не меняет основного смысла предложения. Таким образом, C_1 представляет собой устойчивый тип синтагмы, произносимый слитно, после чего фиксируется грамматическая пауза, указывающая на его синтаксическую функцию. Затем следует синтагма *osy iŝ awyldyn* — C_3 , обособляемая с обеих сторон логическими паузами, на которые возлагаются дополнительные значения. Пауза после C_1 должна быть особенно выразительной, так как за ней следует новая группа синтагмы — определение с определяемым словом — C_3 , синтаксическая функция которой отлична от функции предшествующей группы синтагмы. Следовательно, пауза на стыке слов *kudyk* и *osy* обозначает

это различие и является логико-грамматической. Пауза перед словом *ortasynda* выполняет функцию отграничения предшествующего слова *awyldyn*, которое может стать его определением, легко к нему примкнув, в случае отсутствия паузы между ними. C_2 требует предшествования паузы предикативности. Итак, пауза, разграничивающая C_3 и C_2 , выполняет удвоенную грамматическую функцию, что выражается определенной ее длительностью.

3. Предложение: кирг. *Apy Aşyr bašta eñ bajkabağan* (К. Жапаров «Atalar») 'Это Ашыр совсем не заметил вначале' — членится на синтагмы: C_1 — *Aşyr*, C_2 — *eñ bajkabağan* и C_3 — *apy*, C_4 — *bašta*.

В предложении происходит весьма частое членение на синтагмы в зависимости от порядка расположения членов предложения. C_1 и C_2 — основные синтагмы. Согласно условиям контекста, позиция C_3 — *apy* определяет коммуникативную направленность предложения, будучи ремой предшествующего предложения, но темой данного. Следовательно, C_3 отделяется значительной логической паузой. Пауза C_1 — *Aşyr* выполняет грамматическую функцию; эта функция паузы C_1 обнаруживается при помощи логической паузы. C_4 — *bašta* обособляется с обеих сторон паузами, выполняющими делимитативную функцию. C_4 разграничивает C_1 и C_2 и является смысловым центром данного предложения. Пауза C_4 имеет логическое значение. C_2 — *eñ bajkabağan* требует усиления значения предшествующей паузы, то есть пауза на стыке C_4 и C_2 выполняет логико-грамматическую функцию. Следует отметить, что частота членения на синтагмы в данном простом предложении приводит к появлению выразительных психологических пауз, налагающихся на первоначальное значение. Чем короче синтагма в структурном отношении, тем выразительнее пауза после нее.

Таким образом, в казахском, узбекском, киргизском языках основным фактором, определяющим функции пауз при синтагматическом членении, является грамматическое средство — порядок расположения членов предложения. Логические паузы обнаруживают логический аспект предложения и способствуют реализации остальных функций пауз. Грамматические паузы локализуются в структуре предложения для усиления синтаксического значения отделяемых смысловых единиц. Появление психологических пауз тесно связано с инверсией, модальным значением слова, краткостью синтагмы в структурном отношении.

А. МЕМЕТОВ

АНТОНИМЫ В КРЫМСКО-ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Хотя изучению антонимов в различных языках¹ посвящена достаточно богатая литература, у исследователей до сих пор еще нет единого мнения о содержании понятия «антоним». Более того, существующие по этому вопросу суждения весьма противоречивы и даже взаимоисключающи.

В настоящей статье рассматриваются различные определения сущности понятия «антоним», прослеживается процесс возникновения антонимов в крымско-татарском языке, описывается их структура.

Среди высказываний лингвистов об антонимах можно выделить две основные, наиболее распространенные в языкознании, точки зрения.

Одни исследователи считают антонимами лишь слова с различными корнями, выражающие противоположные значения. Так, например, Л. А. Булаховский пишет: «Под антонимией понимают не простое противоположение, которое может быть выражено прибавлением отрицания (белый: небелый; говорить: не говорить; спокойный: беспокойный и т. п.), а противопоставление допускающих это значений, выраженных различными корнями (бедный, нищий: богатый; сухой: мокрый; черствый: свежий; трудолюбивый, прилежный: ленивый...)»².

Аналогичную мысль об антонимах применительно к тюркским языкам высказывают Е. Бердимуратов и Б. О. Исабеков³. Так, Е. Бердимуратов пишет: «В определении антонимов автор выдвигает основным критерием противоположные значения разнокорневых слов»⁴.

¹ См.: А. А. Киреев. Об антонимах. — «Русский язык в школе», 1954, № 3; Л. А. Булаховский. Введение в языкознание. Ч. II. М., 1954, стр. 44; В. Н. Клюева. Проблема антонимов. — «Ученые записки 1-го Московского госпединститута иностранных языков», т. IX. М., 1956; В. Н. Комиссаров. Проблема определения антонима. — «Вопросы языкознания», 1957, № 2; Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, стр. 165—168; С. Усманов. Антонимлар. — Журн. «Узбек тили ва адабиёти масалалари». Ташкент, 1958, № 2, стр. 33—40; А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 71—74; Е. Бердимуратов. Очерк лексикологии современного каракалпакского литературного языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1964; Ж. Мусин. Антонимы в казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1970; К. А. Галыбов. Антонимы в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1971; Р. Шукуров. Лексико-семантическая природа антонимов узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1973; Б. О. Исабеков. Лексическая антонимия в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1973 и др.

² Л. А. Булаховский. Указ. раб., стр. 44.

³ См.: Е. Бердимуратов. Очерк лексикологии современного каракалпакского литературного языка, стр. 15; Б. О. Исабеков. Лексическая антонимия в современном узбекском языке, стр. 8—9.

⁴ Е. Бердимуратов. Указ. раб., стр. 15.

При определении антонимии критерий противоположных значений разнокорневых слов нельзя считать достаточным, ибо он не охватывает все разновидности этого явления.

Более распространенной является вторая точка зрения, согласно которой наряду с разнокорневыми антонимами допускается существование в языке и однокорневых антонимов. Так, А. А. Реформатский пишет: «Поэтому самыми „примитивными“ антонимами являются слова с „отрицательной частицей“ типа: хороший—нехороший, трудно—нетрудно; близки к этим случаи антонимирования приставок или суффиксов, например в русском: спокойный—беспокойный, подземный—надземный, или в английском: dutiful ‘попослушный’ — dutiless ‘непопослушный’, useful ‘полезный’ — useless ‘бесполезный’»⁵. По существу такую же, но более развернутую трактовку антонимов мы находим у Н. М. Шанского: «Антонимы могут быть как разнокорневыми, так и однокорневыми. В однокорневых антонимах их противоположные значения объясняются, естественно, не противопоставлением корней, которые у них одинаковы, а противопоставлением присоединяющихся к ним префиксов или префиксального и беспрефиксального образований (ср.: подземный—надземный, вливать—выливать...)»⁶. Аналогично характеризует антонимы и Л. И. Баранникова: «Антонимы бывают разнокоренные (юг—север, любовь—ненависть) и однокоренные (приход—уход...)»⁷.

В узбекском языкознании мнения исследователей об антонимах также расходятся, иногда — диаметрально. Так, Б. Исабеков, например, отрицает антонимичность однокорневых слов типа *кучли—кучсиз* ('сильный—слабый'), *бахтли—бахтсиз* ('счастливый—несчастливый')⁸, а ряд других исследователей отмечает, что в узбекском языке имеется немало однокорневых антонимов, таких, как *юракли—юраксиз* ('смелый—боязливый'), *ақли—ақлсиз* ('умный—глупый'), *бахтли—бахтсиз* ('счастливый—несчастливый')⁹.

Если основываться на критерии противоположности значений антонимов, то, с нашей точки зрения, вне зависимости от того, выражена ли эта полярность значений однокорневыми или разнокорневыми словами, их следует считать антонимами.

Однокорневые и разнокорневые антонимы представляют в лексикологии особый интерес, связанный, в первую очередь, не с их оформлением, а с семантикой. Дело в том, что полярность значений в разнокорневых антонимах выражена сильнее, нежели в однокорневых (ср.: *акъыллы* 'умный'—*дели* 'дурак' и *акъыллы* 'умный'—*акъылсыз* 'глупый').

Разнокорневые антонимы сохраняют свою антонимичность и в случае присоединения к ним одних и тех же словообразующих аффиксов: *зенгин+лик* 'богатство'—*фукъаре+лик* 'бедность', *яш+лыкъ* 'молодость'—*къарт+лыкъ* 'старость', *паалы+лашмакъ* 'стать дорогим', 'подорожать'—*уджуз+лашмакъ* 'стать дешевым', 'подешеветь', *яшы+лашмакъ* 'улучшаться'—*ярамай+лашмакъ* 'ухудшаться' и др.

⁵ А. А. Реформатский. Введение в языкознание, стр. 71.

⁶ Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, стр. 165—166.

⁷ Л. И. Баранникова. Введение в языкознание. Саратов, 1973, стр. 130.

⁸ Б. О. Исабеков. Указ. раб., стр. 5—7.

⁹ См.: С. Усманов. Указ. раб., стр. 34, Р. Шукуров. Указ. раб., стр. 5—7. (Р. Шукуров приводит убедительные критерии, позволяющие установить антонимичность однокорневых слов).

В семантическом аспекте антонимы подразделяются на полные (абсолютные) и неполные (полуантонимы)¹⁰.

Полные антонимы противопоставляются друг другу всеми лексическими значениями, у них антонимичен весь объем семантики.

В крымско-татарском языке полные антонимы, как правило, встречаются среди моносемантических (однозначных) слов: *эрте* 'рано'—*кеч* 'поздно', *ишкир* 'трудолюбивый'—*тенбель* 'лодырь', *акъыллы* 'умный'—*дели* 'дурак', *паалы* 'дорогой'—*уджуз* 'дешевый' и т. д.

Иногда отмечаются случаи антонимичности всех значений и полисемантических (многозначных) слов:

файда — *зарар*

1) 'польза'— 1) 'вред',

2) 'выгода'— 2) 'убыток, ущерб';

дост — *душмак*

1) 'друг, приятель' — 1) 'враг',

2) *перен.* 'сторонник'— 2) *перен.* 'противник'.

В крымско-татарском языке встречаются случаи, когда слова, антонимичные в основных значениях, сохраняют антонимичность и в переносных значениях. Ср. основные значения слов: *буюк* 'большой'—*уфакъ* 'маленький' и переносные значения: *буюк* 'значительный, выдающийся'—*уфакъ* 'незначительный, ничтожный' (*буюк адам* 'выдающийся человек' и *уфакъ адам* 'незначительный человек').

Неполные антонимы характеризуются антонимическими отношениями только в отдельных значениях. Так, например, слова *батыр* и *къоркъакъ* антонимичны в значениях «смельчак», «храбрый» и «трус». Однако слово *батыр* означает еще и «богатырь». В последнем значении *батыр* теряет антонимичность со словом *къоркъакъ*. Точно так же слово *татлы* составляет неполную антонимичную пару со словом *аджджы* в значениях: 1) «сладкий»—«горький» (*татлы алма* 'сладкое яблоко' и *аджджы бибер* 'горький перец'); 2) *перен.* «сладкий, приятный»—«язвительный, колкий, ехидный» (*татлы сёзлер* 'приятные слова' и *аджджы сёзлер* 'язвительные слова'). Кроме указанных значений, слово *татлы* означает еще и «варенье». В этом значении оно не антонимично слову *аджджы*. В свою очередь, слово *аджджы* одновременно составляет антонимичную пару и со словом *ширин* 'сладкий'.

Таким образом, одно и то же слово может входить в состав двух и более антонимичных пар, тем самым способствуя выявлению переносных значений слов.

В противопоставлении двух соотносительных друг с другом противоположных понятий всегда лежит нечто объединяющее. Это нечто объединяющее С. Усманов именует «промежуточным понятием»¹¹, а Р. Шукуров — «логическим центром»¹². Промежуточное понятие или логический центр наиболее отчетливо выступают в полных (абсолютных) антонимичных парах. Так, например, антонимичную пару *юксек* 'высокий'—*алчакъ* 'низкий' объединяет логический центр *орта* 'средний', а промежуточным понятием для антонимичных пар *сагъгъа* 'направо'—*солгъа* 'налево' является *догъру* 'прямо'.

Отдельные слова, рассматриваемые изолированно, могут быть не антонимичными, но, будучи употреблены в переносных значениях в том

¹⁰ См.: М. Р. Львов. К вопросу о типах лексических антонимов. — «Русский язык в школе», 1970, № 3, стр. 73—74; С. Усманов. Указ. раб., стр. 33.

¹¹ С. Усманов. Указ. раб., стр. 34.

¹² Р. Шукуров. Указ. раб., стр. 10.

или ином контексте, становятся антонимами. Такие антонимы обычно называют контекстуальными. Примерами контекстуальных антонимов могут служить слова *бол* 'обильный', 'щедрый' и *сыкъ* 'тесный', 'густой'. Вне контекста эти слова антонимичной пары не образуют, однако в сочетаниях *бол аякъъап* 'свободная обувь'—*сыкъ аякъъап* 'тесная обувь' они антонимичны.

В образовании антонимичных пар в крымско-татарском языке может быть использована как исконная, так и заимствованная лексика из других родственных и неродственных языков. Исходя из этого, антонимия крымско-татарского языка может быть классифицирована следующим образом:

1) антонимия исконных слов: *балабан* 'большой'—*уфакъ* 'маленький', *яхшы* 'хороший'—*яман* 'плохой', *якъын* 'близкий'—*узакъ* 'далекий', *узун* 'длинный'—*къыскъа* 'короткий', *сыджакъ* 'жаркий'—*сувукъ* 'холодный', *семиз* 'жирный'—*арыкъ* 'худой', *енъгиль* 'легкий'—*агъыр* 'тяжелый', *къуру* 'сухой'—*сылакъ* 'мокрый' и т. д.;

2) антонимия исконных слов и арабских заимствований: *севги* 'любовь'—араб. *нефрет* 'ненависть', *зенгин* 'богатый, богатч'—араб. *фукъаре* 'бедный, бедняк', *келир* 'доход'—араб. *масраф* 'расход', *енъгиль* 'легкий, нетрудный'—араб. *мушкюль* 'трудный', *къуванч* 'радость'—араб. *гъам* 'печаль' и т. д.;

3) антонимия исконных слов и персидских заимствований: *эвли* 'женатый'—перс. *бекяр* 'холостой', *сагълам* 'здоровый'—перс. *хаста* 'больной', *енъгиль* 'легкий, нетрудный'—перс. *зор* 'тяжелый, трудный', *баят* 'черствый'—перс. *тазе* 'свежий', *аджджы* 'горький'—перс. *ширин* 'сладкий', *къоркъакъ* 'трусливый'—перс. *мерт* 'смелый', 'мужественный', *чиркин* 'некрасивый'—перс. *дюльбер* 'красивый', *тонкъа* 'тупой, несмышленный'—перс. *зийрек* 'смышленный', *ишкир* 'работающий'—перс. *тенбель* 'ленивый' и т. д.;

4) антонимия слов, заимствованных из арабского языка: араб. *алим* 'ученый'—араб. *джаиль* 'невежда', 'неуч', *адий* 'простой'—*муреккен* 'сложный', *уджюм* 'нападение'—*мудафаа* 'оборона', *файда* 'польза'—*зарар* 'ущерб', 'убыток', *табийй* 'естественный'—*сунний* 'искусственный', *суаль* 'вопрос'—*джеван* 'ответ', *мусбет* 'положительный'—*менфий* 'отрицательный' и др.;

5) антонимия слов, заимствованных из персидского языка: перс. *дост* 'друг, приятель'—перс. *душман* 'враг', *абадан* 'благоустроенный'—*виран* 'разрушенный', *кяр* 'польза'—*зиян* 'вред' и т. п.;

6) антонимия слов, заимствованных из арабского и персидского языков: араб. *севап* 'благодетель, доброе дело'—перс. *гуна* 'грех, вина', араб. *файда* 'польза, выгода'—перс. *зиян* 'вред, ущерб', араб. *харап* 'разрушенный'—перс. *абадан* 'благоустроенный' и др.

Морфологическая структура антонимичных слов с точки зрения современного крымско-татарского языка может быть представлена следующим образом:

1) корневое слово — корневое слово: *кенъ* 'широкий'—*тар* 'узкий', *къуру* 'сухой'—*сылакъ* 'мокрый', *эрте* 'рано'—*кеч* 'поздно', *дюльбер* 'красивый'—*чиркин* 'уродливый', 'некрасивый', *юксек* 'высокий'—*алчакъ* 'низкий', *паалы* 'дорогой'—*уджуз* 'дешевый';

2) корневое слово — производное слово: *темиз* 'чистый'—*кир+ли* 'грязный', *дели* 'дурак'—*акъыл+лы* 'умный', *зайыф* 'слабый'—*къувет+ли* 'сильный', *бекяр* 'холостой'—*эв+ли* 'женатый';

3) производное слово — производное слово: а) оба компонента образованы путем присоединения одного и того же словообразующего аф-

фикса к антонимичным основам: *файда+лы* 'полезный'—*зарар+лы* 'вредный', *кэуванч+лы* 'радостный'—*гэам+лы* 'печальный', *ач+ыкэ* 'открытый'—*яп+ыкэ* 'закрытый', *дюльбер+лик* 'красота'—*чиркин+лик* 'уродство', *ач+лыкэ* 'голод'—*токэ+лыкэ* 'изобилие' и т. п.; б) оба компонента образованы путем присоединения разных словообразующих аффиксов к одной и той же основе: *акэыл+лы* 'умный'—*акэыл+сыз* 'глупый', *кэувет+ли* 'сильный'—*кэувет+сиз* 'слабый', *юрек+ли* 'смелый'—*юрек+сиз* 'трусливый' и т. п.; в) оба компонента образованы путем присоединения разных словообразующих аффиксов к антонимичным основам: *якэы+лашмакэ* 'обновляться'—*эски+рмек* 'устареть', *кэыскэа+рмакэ* 'укорачиваться'—*узун+лашмакэ* 'удлиняться', *сыкэ+тырмакэ* 'затягивать'—*бош+атмакэ* 'отпускать, развязывать' и т. п.

Антонимичные пары могут относиться к различным частям речи, однако антонимы чаще встречаются среди слов, выражающих признаки, качество и свойство предметов (прилагательных и наречий).

Семантическая классификация антонимов по отдельным частям речи хорошо разработана в русском языке Л. А. Варакиным¹³, в казахском — Ж. Мусиным¹⁴, в узбекском — Р. Шукуровым¹⁵.

Антонимичные пары имен прилагательных в зависимости от их семантики в современном крымско-татарском языке можно выделить в следующие группы:

1) антонимичные прилагательные, выражающие психологическое и физиологическое состояние, свойство характера, возрастные признаки, общественное и материальное положение людей: *акэыллы* 'умный'—*дели* 'глупый', *сагэлам* 'здоровый'—*хаста* 'больной', *кэуветли* 'сильный'—*зайыф* 'слабый', *дюльбер* 'красивый'—*чиркин* 'уродливый', *зийрек* 'понятливый, смывленный'—*тонкэа* 'тупой, несмысленный', *мераметли* 'милостивый', 'великодушный'—*залым* 'жестокий', *юваш* 'спокойный'—*серт* 'резкий, вспыльчивый', *яш* 'молодой'—*кэарт* 'старый', *юксек* 'высокий'—*алчакэ* 'низкий', *зенгин* 'богатый'—*фукэаре* 'бедный' и т. п.;

2) антонимичные прилагательные, выражающие различные свойства животных, внешние признаки, вес, размер, полноту и другие качества предметов: *семиз* 'жирный'—*арыкэ* 'худой', *кэалын* 'толстый'—*индже* 'тонкий', *кенэ* 'широкий'—*тар* 'узкий', *узун* 'длинный'—*кэыскэа* 'короткий', *догэру* 'прямой'—*кэыйыш* 'кривой', *агэыр* 'тяжелый'—*енэгиль* 'легкий', *буюк* 'большой'—*кучюк* 'маленький', *толу* 'полный'—*бош* 'пустой', *табий* 'естественный'—*сунний* 'искусственный', *татлы* 'сладкий'—*адждэжы* 'горький', *якшы* 'хороший'—*яман* 'плохой', *паалы* 'дорогой'—*уджуз* 'дешевый', *якэы* 'новый'—*эски* 'старый', *пишкен* 'сваренный'—*чий* 'сырой', *кэуру* 'сухой'—*сылакэ* 'мокрый', *кэатты* 'твердый'—*йымшакэ* 'мягкий', *терен* 'глубокий'—*сай* 'мелкий' и т. п.

Антонимичные пары наречий в зависимости от их лексических значений можно выделить в следующие семантические группы:

1) по месту и направлению действия: *огге* 'вперед'—*арткэа* 'назад', *тэнеге* 'вверх'—*ашагэа* 'вниз', *сагэгэа* 'направо'—*солгэа* 'налево';

2) по времени или порядку совершения действия: *башта* 'сначала'—*сонэ* 'потом', *эрте* 'рано'—*кеч* 'поздно';

3) по количеству признака или способу совершения действия: *чокэ* 'много'—*аз* 'мало', *тез* 'быстро'—*яваш* 'тихо, медленно', *берабер* 'вместе'—*айры* 'отдельно'.

¹³ Л. А. Варакин. Однокорневые префиксальные глаголы-антонимы в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. Куйбышев, 1968.

¹⁴ Ж. Мусин. Указ. раб., стр. 19—22.

¹⁵ Р. Шукуров. Указ. раб., стр. 8—12.

Антонимичные пары глаголов в крымско-татарском языке могут быть классифицированы следующим образом:

1) антонимичные глаголы, выражающие действия в различных направлениях: *кельмек* 'приходить'—*кетмек* 'уходить', *алмакъ* 'взять'—*бермек* 'отдать', *ачмакъ* 'открыть'—*япмакъ* 'заккрыть', *кирмек* 'входить'—*чыкъмакъ* 'выходить', *юклемек* 'грузить'—*бошатмакъ* 'разгружать', *толдурмакъ* 'наполнять'—*бошатмакъ* 'освобождать', 'опорожнять', *киймек* 'одевать'—*чыкъармакъ* 'снимать', *байламакъ* 'завязывать'—*чезмек* 'развязывать', *узмек* 'обрывать'—*кѣурамакъ* 'подсоединять' и т. п;

2) антонимичные глаголы, выражающие различные состояния предметов: *кенѣлешмек* 'расшириться'—*тарлашмакъ* 'сужиться', *япмакъ* 'гореть'—*сѣнмек* 'потухнуть', *сыланмакъ* 'намокнуть'—*кѣурумакъ* 'высохнуть', *кѣатмакъ* 'затвердеть'—*йымшамакъ* 'смягчиться', *енѣгиллешмек* 'облегчаться, становиться легче'—*агѣырлашмакъ* 'становиться тяжелым', *ешермек* 'зазеленеть'—*кѣурумакъ* 'высохнуть' и т. п.;

3) антонимичные глаголы, выражающие психологическое, физиологическое состояние и материальное положение человека: *севинмек* 'радоваться'—*ачуванмакъ* 'гневаться', *кульмек* 'смеяться'—*агѣламакъ* 'плакать', *яшармакъ* 'молодеть'—*кѣартаймакъ* 'стареть', *чалышмакъ* 'работать'—*раатланмакъ* 'отдыхать', *семирмек* 'поправиться'—*азмакъ* 'похудеть', *зенгинлешмек* 'разбогатеть'—*фукѣарелешмек* 'обеднеть' и т. п.

Антонимичные пары имен существительных по семантике классифицируются следующим образом:

1) антонимичные пары имен существительных, выражающие общественно-экономические понятия и отношения между людьми: *зенгин* 'богач'—*фукѣаре* 'бедняк', *дост* 'друг'—*душман* 'враг', *зенгинлик* 'богатство'—*фукѣарелик* 'бедность', *токѣлыкѣ* 'изобилие'—*ачлыкѣ* 'голод';

2) антонимичные пары имен существительных, выражающие психологическое и физиологическое состояние, настроение людей и их проявления: *кѣуванч* 'радость'—*гѣам* 'горе', *кулькю* 'смех'—*агѣлав* 'плач', *севги* 'любовь'—*нефрет* 'ненависть', *яшылыкѣ* 'молодость'—*кѣартлыкѣ* 'старость', *тенбель* 'лодырь'—*ишкир* 'трудолюбивый, труженик', *алим* 'ученый'—*джаиль* 'неуч';

3) антонимичные пары имен существительных с временным значением: *кѣйиш* 'зима'—*яз* 'лето', *баарѣ* 'весна'—*кузѣ* 'осень', *саба* 'утро'—*акѣшам* 'вечер', *кунѣ* 'день'—*гѣдже* 'ночь';

4) антонимичные пары имен существительных с пространственным значением: *Шималь* 'Север'—*Дженюп* 'Юг', *Шаркѣ* 'Восток'—*Гѣарп* 'Запад', *ог* 'перед'—*арт* 'зад', *тѣне* 'верх'—*аша* 'низ'.

В силу своей яркой выразительности антонимы широко употребляются в художественной литературе, в пословицах и поговорках для противопоставления и сопоставления явлений как одно из средств антитезы. Примеры употребления антонимичных пар в крымско-татарских пословицах и поговорках:

1) *Алмакъ кѣолай, бермек зордыр* (стр. 117)¹⁶ 'Брать легко, отдавать трудно'.

2) *Бинѣ дост — аз, бир душман — чокѣ* (стр. 66) 'Тысяча друзей — мало, один враг — много'.

3) *Батыр бир олер, кѣоркѣакѣ — юз* (стр. 116) 'Смелый умирает один раз, трус — сто раз'.

Таким образом, образование антонимов в современном крымско-та-

¹⁶ Пословицы и поговорки взяты из сборника «Кѣайда бирлик, анда тирилик». Тошкент, 1971. Здесь и далее в скобках указаны страницы этого сборника.

тарском языке является объективным процессом. Антонимы возникают в результате противопоставления в языке понятий, за счет проникновения иноязычных слов, вследствие развития многозначности слов. Кроме того, одним из наиболее продуктивных способов образования антонимов в современном крымско-татарском языке является способ аффиксального словообразования, требующий специального исследования.

Явление антонимии тесно связано с полисемией, синонимией и омонимией, благодаря чему одно слово может входить в антонимичные отношения с несколькими другими словами. Антонимы, в свою очередь, могут иметь свои синонимы и омонимы.

По морфологической структуре антонимичные слова современного крымско-татарского языка, в зависимости от того, какие (корневые или производные) лексемы принимают участие в их образовании, делятся на три большие группы.

В крымско-татарском языке антонимичными чаще всего являются прилагательные и наречия, реже — существительные и глаголы.

К. Т. РАМАЗАНОВ

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПАРНЫЕ СЛОВА В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В юго-западной группе тюркских языков компоненты парных слов, обозначающих отрезки времени, располагаются по принципу временной последовательности. Эти парные слова по временному значению делятся на три подгруппы:

1. Парные слова, компоненты которых обозначают дни

Порядок компонентов слов данной подгруппы определяется семантическим принципом последовательности течения времени относительно центра (в данном случае обозначения вчерашнего дня) в двух направлениях — в прошлое и будущее. Например: *дүйн-өңгүн* // *дүйн-өңңин* // *дүнән* // *срағакун* 'вчера-позавчера', *шу гүн-эртир* // *шу гүн-эрте* // *бу гүн-эрте* // *бу гүн-эртир* // *бу күн-сабаһ* // *букүн-јарын* // *бүгүн уарин* 'сегодня-завтра', *уарин өбүргүн* // *сабаһ-бирикүн* // *эрте-биригүн* 'завтра-послезавтра' и т. п.

Сказанное схематизируется следующим образом:

предпрошедшее		прошедшее		настоящее		будущее		постбудущее
(позавчера)	←	(вчера)	→	(сегодня)	→	(завтра)	→	(послезавтра)
<i>срағакун</i>		<i>дүнән</i>		<i>бу күн</i>		<i>сабаһ</i>		<i>бирикүн</i>

Примеры:

Дүйн-өңгүнки күмүш нурын дөкйән гүн (37, стр. 44) 'Солнце, испускавшее вчера - позавчера серебряные лучи'; *...дүйн-өңңин дәлмиди?* (35, стр. 461) '...не вчера - позавчера ли было?'; *Диплому да елә дүнән-срағакун алыбдыр* (28, стр. 17) 'Да и диплом получил вчера - позавчера'; *Йөне, шу гүн-эртир чыкса герек* (58, стр. 85) 'Да, если выйдет сегодня - завтра'; *Берди шу гүн-эрте гелмелиди* (24, стр. 38) 'Берди не сегодня - завтра должен прибыть'; *Мениң энтек бу гүн-эрте оба барарлыгым ёк* (35, стр. 300) 'Я пока сегодня - завтра не собираюсь в село'; *Йөне сен бу гүн-эртир дийип...* (25, стр. 152) 'Ты, попусту говоря, сегодня - завтра...'; *Бу күн-сабаһ баһар кәләр* (47, стр. 177) 'Сегодня - завтра придет весна'; *Бу күн-јарын ганда олса кәлир* (39, стр. 26) 'Сегодня - завтра непременно вернется'; *Агроном Селим бүгүн уарин дүгүн уарысақ* (48, стр. 169) 'Агроном Селим сегодня - завтра сыграет свадьбу'; *Уарин өбүргүн бүйдү тй, kimseye kavuk sallamaz* (12, стр. 112) 'Завтра - послезавтра вырастет, никого не будет признавать'; *Нә галыб, сабаһ-бирикүн новруз бајрамыдыр* (40, стр. 248) 'Что там осталось —

завтра-послезавтра праздник весны'; *Эрте-биригүн той болжак* (42, стр. 15) 'Завтра-послезавтра будет празднество'.

2. Парные слова, компоненты которых обозначают время суток

К этой подгруппе относятся следующие парные слова: *кечә-күн-дүз* // *гижә-гүндиз* // *geçe gündüz* // *гижә-гүндүз* 'ночь-день', *авшам-сабаа* // *ахшам-сабаһ* // *ахшам-сәһәр* 'вечер-утро', *күндүз-күнорта* 'день-полдень', *гүнортан-өйлән* 'полдень-послеполуденное время', *тез-кеч* // *er geç* // *ир-гич* 'рано-поздно', *хәли-шинди* 'недавно-сейчас', *ара-сыра* // *ara sıra* 'промежуток времени-момент', *овал-ахыр* // *эввәл-ахыр* // *эзәл-ахыр* 'прежде-конец (в конце концов)' и т. д.

Первым компонентом этих парных слов в основном выступают слова: *кечә* // *гижә* // *geçe* // *гижә* 'ночь', *авшам* // *ахшам* 'вечер', вторым компонентом — *күндүз* // *гүндиз* // *gündüz* // *гүндүз* 'день', *сабаа* // *сабаһ* // *сәһәр* 'утро'.

Порядок компонентов парных слов данного типа объясняется ниже-следующим.

В народных легендах и преданиях луна — символ мужчины, а солнце — символ женщины: солнце «представляет собою женщину ослепительной красоты, а луна — красивого мужчину» (63, стр. 10; см. также 63, стр. 23; 22, стр. 72; 59, стр. 82).

Уподобление луны мужчине, солнца женщине встречается и в произведениях художественной литературы (см., например: 45, стр. 231; 67, стр. 148; 7, стр. 227; 17, стр. 411; 56, стр. 259; 53, стр. 315).

Звезда также является символом женщины. Новорожденных девочек часто нарекают именами: *Улдуз* и *Нәшмә* 'Звезда', *Сәјјарә* 'Блуждающая звезда, Планета', *Сүрәјја* 'Плеяды', *Үлкәр* 'Плеяды', *Зәһрә* // *Зухра* 'Венера' (62, стр. 340).

Таким образом, луна (восходящая ночью) является символом мужского пола, а солнце (восходящее утром) — женского, и по модели парного слова *эр-арвад* // *эр-хелей* 'муж-жена', где мужчина стоит, по традиции, на первом месте, а женщина — на втором, образовалось сочетание *ај-күн* // *ай-гүн* 'луна-солнце', а также парное сочетание *кечә-күндүз* // *гижә-гүндиз* // *geçe gündüz* // *гижә-гүндүз* 'ночь-день'.

Парные слова *ај-улдуз* // *ай-йылдыз* 'луна-звезда' относятся к этой же подгруппе; например: *Сәндән нә эчәб белә, ај-күн кими Вјана шәһәринә кәлмисән* (30, стр. 188) 'Как это случилось (какими судьбами), ты подобно луне-солнцу появился в городе Вене'; *Ашыкларың наласындан Ай-Гүн тутулды* (41, стр. 342) 'От стога ашугов Луна-Солнце затмилась'; *О дејирди ки, тәјјарәләрин ганадларында ај-улдуз нишаны варды* (27, стр. 131) 'Он говорил, что на крыльях самолетов были знаки луна-звезда'; *Онларың эгнине ай-йылдыз нышанлы яшыл погон дакды* (35, стр. 457) 'Кто-то надел на плечи зеленые погоны со знаком луна-звезда'; *Мессана гәзли, ай-куяш йүзли...* (5, стр. 25) 'Взор с поволокой, лицо подобно луне-солнцу (красивое)'.

Компоненты парных слов *тез-кеч* // *er geç* // *ир-гич* 'рано-поздно', *хәли-шинди* 'недавно-сейчас' не указывают конкретного времени. В этих парных словах компоненты располагаются по принципу временной последовательности, первый компонент обозначает абстрактное прошедшее время, а второй — будущее время.

Компонент *ара* // *ara* в парном слове *ара-сыра* // *ara sıra* означает временной промежуток, отрезок времени между двумя событиями (1, стр. 113), а слово *sıra* выражает значение «момент, мгновение» (60, стр. 541).

Первый компонент парного слова *овал-ахыр* // *эввал-ахыр* // *эзэл-ахыр* выражает абстрактное время, означающее начало, а второй компонент обозначает время окончания данного процесса.

Примеры:

Фарги јохдур, кечә-күндүз, ахшам-сәһәр көрүнүр (54, стр. 55) 'Безразлично — виднеется ночью-днем (день и ночь), вечером-утром (весь день)'; *Гижә-гүндиз чалышып, ахыр максада еттин* (34, стр. 55) 'Ночь-день (то есть день и ночь) ты старался — и, наконец, достиг цели'; *Uç sene gese gündüz yaşı yazdım* (3, стр. 117) 'Три года ночь-день (день и ночь) я писал'; *Гәҗә-гүндүз өрүйер* (9, стр. 114) 'Ночь-день (день и ночь) он шагает (в пути)'; *О гүндән сора ушаклар башладылар ташымаа авшам-сабаа йүредижийә не була билир-сәләр* (33, стр. 7) 'С того дня дети стали вечером-утром (все время) приносить учителю все, что могли найти'; *Ахшам-сабаһ, чешмә, сәнин башына билирсәнми, нечә чанлар доланыр!?* (8, стр. 91) 'Ты знаешь ли, родник, вечером-утром (целый день) вокруг тебя какие красавицы кружат!'; *Ахы, јухум јохду, аға, күндүз-күнорта чағы нијә јатым?* (23, стр. 56) 'Ведь у меня сна нет, господин, зачем мне спать в период дня-полдня (среди дня)?'; *...үчүңиз гүнортан-өйлән чемесинде шу төвереклерде болуң...* (21, стр. 89) '...вы все трое приблизительно в полдень-послеполуденное время будьте поблизости'; *Дарыхма, тез-кеч, гәлбимә дамыб ки, о да кәләчәк* (18, стр. 325) 'Не тоскуй, сердце чует, рано-поздно (рано или поздно) и он вернется'; *Er geç, nasıl olsa evleneceksin* (49, стр. 96) 'Рано-поздно (рано или поздно), так или иначе ты женишься'; *Шу сөзүми унутмаң сиз ир-гичде* (56, стр. 79) 'Мое это слово вы не забываете рано-поздно (никогда)'; *Сен хәли-шинди шәхере гидип гелйән* (6, стр. 302) 'Ты недавно-сейчас (частенько) навещайся в город'; *Ара-сыра Бәһрәм әми илә көрүшүрәм* (14, стр. 348) 'Время-момент (время от времени) вижусь с дядей Бахрамом'; *Ara sıra Melvânanın Mesnevisini, Nedim'in Divanını okuyorum* (3, стр. 67) 'Время-момент (иногда) читаю месневи Мельваны, диван Недима'; *Овал-ахыр йүзим дүшмез сен тек жанана, сөвдигим* (41, стр. 93) 'Прежде-конец (никогда) я не встречусь с подобной тебе возлюбленной, моя милая'; *Эввал-ахыр бир гыз бир оғланындыр* (32, стр. 83) 'Прежде-конец (рано или поздно) каждая девушка будет принадлежать парню'; *Эзэл-ахыр белә ола биләр* (10, стр. 155) 'Прежде-конец (в конце концов) так может быть'.

3. Парные слова, компоненты которых обозначают названия месяцев и времен года

Компоненты парных слов, образованных из названий месяцев и времен года, располагаются по принципу непрерывной последовательности (*апрел-мај, август-сентјабр, јаз-томус, пајыз-гыш...*), а иногда — частичной последовательности (*уаз-кыш*). Компоненты парных слов, образовавшихся по принципу частичной последовательности из названий времен года, располагаются по принципу: от жары к холоду (ср. *исти-сојуг* 'жара-холод').

Компоненты парных слов, подобных *ай-йыл* 'месяц-год', располагаются по принципу: от меньшего к большему (ср. *аз-чох* 'мало-много').

Парные слова, образованные от названий месяцев и времен года, в юго-западной группе тюркских языков следующие: *апрел-мај, май-ијун, ијул-август, август-сентјабр, нојабр-декабр, јаз-томус* // *јаз-јаз* 'весна-лето', *уаз-кыш* // *јаз-гыш* 'весна-зима', *јаз-гыш* 'лето-зима', *пајыз-гыш* 'осень-зима', *ай-йыл* 'месяц-год' и т. д.

Примеры:

Апрел-мај ајлары иди (16, стр. 131) 'Были месяцы апрель-май (это было в апреле-мае)'; *Мај-июн ајлары беләдир* (40, стр. 151) 'Месяцы май-июнь таковы'; *Бәлкә дә ијул-август ајларында бүркү күчләнчәк* (15, стр. 303) 'Возможно даже, что в месяцы июль-август (в период июля-августа) зной усилится'; *Август-сентјабр он једдинчи ил* (17, стр. 431) 'Август-сентябрь семнадцатого года'; *Серкеј, әзи-зим, нојабр-декабр чарпышмаларында сән Севастополу гәһрәманлыглы мүдафиә етмисән!* (26, стр. 313) 'Сергей, дорогой, в боях в ноябредекабре (в ноябрьских-декабрьских боях) ты героически защищал Севастополь!'; *Јаз-томус айлары...* (20, стр. 276) 'Месяцы весны-лета...'; *Һалбуки јаз-јај вахтларында... үч-дөрд саата, кедә биләрдиләр* (29, стр. 54) 'Тогда как в период весны-лета... могли доехать за три-четыре часа...'; *Bütün gün боуипса, уяз-кыш демеден... merdivenleri cıktak* (4, стр. 33) 'Целыми днями, невзирая на весну-зиму, бегать по лестницам'; *Бу түфәнк јаз-гыш, һәмишә онун чијниндә оларды* (52, стр. 351) 'Это ружье весну-зиму — постоянно бывало у него на плече'; *Ибраһим јаз-гыш папаксыз кәзәрди* (43, стр. 31) 'Ибрагим лето-зиму (зимой и летом) ходил без папахи (с открытой головой)'; *Машыналарын пајыз-гыш тә'миринин вахты кәлиб чатмышды* (11, стр. 141) 'Наступило время ремонта машин осенью-зимой (осенне-зимнего ремонта)'; *Сүргүндә гечирди энчәме ай-йыл* (66, стр. 124) 'В ссылке провел столько месяцев-лет (год) (столько времени)'.

Порядок компонентов парных слов не нарушается и при их синтаксически дистантном употреблении (см. 46, стр. 103). Например: *сраға-күн-даһа сраға-күн* 'позавчера-позапозавчера' — *Бу күнкү сојугганлы һејбәт, сраға-күнкү, даһа сраға-күнкү јүнкүлмәчәз һејбәти әлә салыб күләчәк* (65, стр. 124) 'Сегодняшний хладнокровный Гейбат будет, издаваясь, смеяться над позавчерашним-позапозавчерашним легкомысленным Гейбатом'; *бу гүн-эрте* 'сегодня-завтра' — *Бу гүн болмаса, эрте болжак* (6, стр. 80) 'Если не сегодня, то завтра будет'; *бу күн-сабаһ* 'сегодня-завтра' — *Бу күн гој фикирләшәк, сабаһ кедәрик* (28, стр. 149) 'Давай сегодня подумаем — завтра поедем'; *bügün yarın* 'сегодня-завтра' — *Bügün var, yarın yok* (68, стр. 100) 'Сегодня есть, завтра нет'; *yarın öbür gün* 'завтра-послезавтра' — *Yarın, öbür gün işe başlayacaktı* (13, стр. 143); 'Завтра, послезавтра приступит к работе'; *сабаһ-бири күн* 'завтра-послезавтра' — *Һесабла кәрәк ја сабаһ, ја бири күн гајытсын* (19, стр. 28) 'По расчетам, он должен вернуться или завтра, или послезавтра'; *кечә-күндүз* 'ночь-день' — *Кечә билмир, күндүз билмир* (44, стр. 155) 'Не знает ни ночи, ни дня'; *гиҗе-гүндиз* 'ночь-день' — *Икиси чолашып, чырмашып, гиҗе, гүндиз ятды* (61, стр. 218) 'Двое, сплетаясь в объятиях, спали ночь, день (день и ночь)'; *akşam sabah* 'вечер-утро' — *Bundan önce neredе akşam, orda sabah* (3, стр. 36) 'До этого — где вечером, там и утром'; *ахшам-сәһәр* 'вечер-утро' — *...ахшам, сәһәр гыртһагырт!* (51, стр. 40) '...вечером, утром (целыми днями) — пустая болтовня...'; *әввәл-ахыр* 'прежде-конец' — *Әввәли вар, ахыры вар һәр шејин* (38, стр. 7) 'Все имеет начало, все имеет конец'; *әзәл-ахыр* 'прежде-конец' — *Дүнјанын әзәли вар, ахыры вар* (63, стр. 94) 'Мироздание имеет начало, имеет конец'; *ај-улдуз* 'луна-звезда' — *Көјдә нә ај, нә улдуз көрүнүрдү* (30, стр. 116) 'На небе не видно было ни луны, ни звезд'; *ај-күн* 'луна-солнце' — *Јер белә фырланыр, ај, күн белә фырланыр* (7, стр. 243) 'Земля так вращается, луна, солнце — так вращаются'; *Ај-Гүн* 'Луна-Солнце' — *Йүзүм Ая дүшди, гөзлерим Гүне* (41, стр. 254) 'Лицо мое обратилось к Луне, глаза —

к Солнцу (оба понравились)'; *август-сентјабр* — *Август, сентјабр ајларында исә башынызы галдырыб чардаға бахсаныз, сәманы көрә билмәзсиниз* (40, стр. 151) 'А в (месяцах) августе, сентябре, если поднимете голову и глянете на чердак (наверх), не увидите неба'; *ай-йыл* 'месяц-год' — *Ай, йыл гечди* (57, стр. 177) 'Месяц, год прошли (прошло время)'; *јаз-јай* 'весна-лето' — *Чығыртманы јазда да, јайда да јемәк олар* (31, стр. 151) 'Чихиртму (блюдо из курицы, запавленной яйцами) можно есть и весной, и летом'; *уаз-кış* 'весна-зима' — *Ali Rıza Bey, јаз, kış, işi olsun olmasın her gün saat dokuzda vazife başında bulunuyordu* (50, стр. 19) 'Али Риза Бек весна, зима (всегда), есть дело или нет, ежедневно в девять часов являлся на службу'.

Таблица

Темпоральные парные слова в юго-западной группе тюркских языков

Парные слова, компоненты которых обозначают дни	Парные слова, компоненты которых обозначают время суток	Парные слова, компоненты которых обозначают названия месяцев и времен года
дүин-өңгүн (Тм)	кечә-күндүз (А)	апрел-мај (А)
дүин-өңнин (Тм)	гиге-гүндиз (Тм)	мај-ијун (А)
дүнән-срағакүн (А)	gece-gündüz (Т)	ијул-август (А)
шу гүн-эртир (Тм)	гигә-гүндүз (Г)	август-сентјабр (А)
шу гүн-эрте (Тм)	авшам-сабаа (Г)	нојабр-декабр (А)
бу гүн-эрте (Тм)	ахшам-сабаһ (А)	јаз-томус (Тм)
бу гүн-эртир (Тм)	ахшам-сәһәр (А)	јаз-јай (А)
бу күн-сабаһ (А)	күндүз-күнорта (А)	уаз-кış (Т)
бу күн-јарын (А)	гүнортан-өйлән (Тм)	јаз-гыш (А)
vü gün уагін (Т)	тез-кеч (А)	јай-гыш (А)
уагін öbürgün (Т)	ер-geç (Т)	пајыз-гыш (А)
сабаһ-бирикүн (А)	ир-гич (Тм)	ай-йыл (Тм)
эрте-биригүн (Тм)	хәли-шинди (Тм)	
	ара-сыра (А)	
	ага-sığa (Т)	
	овал-ахыр (Тм)	
	эввәл-ахыр (А)	
	әзәл-ахыр (А)	

А — азербайджанский язык, Г — гагаузский язык, Т — турецкий язык, Тм — туркменский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Азербайжан дилинин изаһлы лүғәти», I. Бақы, 1966.
2. Aziz Nesin. Aferin. Istanbul.
3. Aziz Nesin. Kazan töreni. Istanbul, 1960.
4. Aziz Nesin. Hadî öldürsene canikom. Istanbul, 1970.
5. Андалып. Сайланан эсерлер. Ашгабат, 1963.
6. А. Атажанов. Чакмак. Ашгабат, 1971.

7. С. С. Ахундов. Сечилмиш эсэрлери, I. Баку, 1968.
8. «Ашыг Әләскәр», I. Баку, 1972.
9. Н. И. Бабоглу. Гагауз фольклору. Кишинев, 1969.
10. Б. Байрамов. Арақәсмәләр, III, IV. Баку, 1971.
11. Б. Байрамов. Сечилмиш эсэрлери, I. Баку, 1968.
12. «1966'nın bıraktığı hikâyeler». Sofya, 1967.
13. «1967'nin bıraktığı şiirler». Sofya, 1968.
14. Ә. Вәлијев. Гәһрәмән. Баку, 1954.
15. Ә. Вәлијев. Бир чүт тәрлан. Баку, 1968.
16. Ә. Вәлијев. Самавар түстүләнир. Баку, 1971.
17. С. Вургун. Эсэрлери, III. Баку, 1961.
18. С. Вургун. Эсэрлери, IV. Баку, 1963.
19. С. Гәдирзадә. 46 бәнәвшә. Баку, 1970.
20. А. Говшудов. Сайланан эсерлер, I. Ашгабат, 1955.
21. А. Говшудов. Сайланан эсерлер, II. Ашгабат, 1956.
22. В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, IV. М., 1968.
23. С. Дағлы. Кәчил гапысы. Баку, 1968.
24. Х. Деряев. Ыкбал, I, II. Ашгабат, 1962.
25. Дурдыев. Сайланан эсерлер. Ашгабат, 1951.
26. Ә. Әбүлһәсән. Достлуг галасы, I Баку, 1960.
27. Ә. Әбүлһәсән. Јохушлар. Баку, 1962.
28. Ә. Әбүлһәсән. Тәрс адамлар. Баку, 1967.
29. И. Әфәндијев. Дағлар арасында үч дост. Баку, 1964.
30. Н. Әфәндијев. Вјана кечәлери. Баку, 1965.
31. М. Ибраһимов. Бөјүк дајаг. Баку, 1966.
32. М. Ибраһимов. Пәрванә, I. Баку, 1971.
33. Д. Қарачобан. Алчак сачак алтында. Кишинев, 1966.
34. А. Қекилов. Сайланан эсерлер. Ашгабат, 1951.
35. Б. Кәрбабаев. Эсерлер топлумы, II. Ашгабат, 1958.
36. Б. Кәрбабаев. Небитдаг. Ашгабат, 1957.
37. Б. Кәрбабаев. Айлар. Ашгабат, 1946.
38. Журнал «Кирпи», 1974, № 18.
39. «Kitabi Dədə Qorqud». Баку, 1939.
40. Мир Чәләл. Шафәгдән галханлар. Баку, 1972.
41. Молланепес. Эсерлериниң бир томлугы. Ашгабат, 1963.
42. Г. Мухтаров. Пьесалар. Ашгабат, 1961.
43. М. Мүштаг. Мәни бағылла. Баку, 1958.
44. М. Мүштаг. Ајдын јолларда. Баку, 1967.
45. М. С. Ордубади. Эсэрлери, VIII. Баку, 1967.
46. К. Т. Рамазанов. Парные слова в тюркских языках юго-западной группы. — «Советская тюркология», 1971, № 6.
47. М. Раһим. Сечилмиш эсэрлери, I. Баку, 1955.
48. I. Raşidoğlu. Ayılırken. Sofya, 1968.
49. Reşat Nuri Güntekin. Eski hastalık. Istanbul, 1963.
50. Reşat Nuri Güntekin. Yaprak dökümü. Istanbul, 1974.
51. С. Рәһимов. Шамо, I. Баку, 1955.
52. М. Рзагулузадә. Сечилмиш эсэрлери. Баку, 1965.
53. С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955.
54. С. Рүстәм. Сечилмиш эсэрлери, I. Баку, 1954.
55. Р. Сейидов. Эсерлер. Ашгабат, 1956.
56. Г. Сейитлиев. Сайланан гошгулар ве поэмалар. Ашгабат, 1970.
57. Б. Сейтәков. Москваның јалкымы. Ашгабат, 1956.
58. Б. Сейтәков. Чөлүң йүреги. Ашгабат, 1962.
59. М. Н. Тәһмасиб. Азәрбајҹан халг әдәбијјатында див сурәти. Журнал «Вәтән уғрунда». Баку, 1946, № 1.
60. «Турецко-русский словарь». М., 1945.
61. «Түркмен халк әртекилери». Ашгабат, 1959.
62. «Түркменче-русча сөзлүк». М., 1968.
63. «Фольклор Азәрбајҹана и прилегающих стран», III. Баку, 1930.
64. И. Нусејнов. Јанар үрәк. Баку, 1960.
65. И. Нусејнов. Коллу коха. Баку, 1969.
66. Х. Чарыев. Сайланан эсерлер. Ашгабат, 1961.
67. Ј. В. Чәмәнзәмминли. Ган ичиндә. Баку, 1968.
68. «Yeni türk hekâyecileri antolojisi». Istanbul, 1956.

Н. П. ГОЛУБЕВА

ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПРЯМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ И ФОРМЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В лингвистике в последние годы признается весьма перспективным выявление соотносительности формальных синтаксических признаков с семантическими. Понятие прямого дополнения — одно из существенных синтаксических понятий, и уточнение семантического объема этого понятия и форм его выражения в разных языках важно для их сравнения. Ныне очевидна необходимость такого уточнения, например, для языков номинативного строя, в которых традиционно принято соотносить прямое дополнение с винительным падежом.

Прямое дополнение в языках номинативного строя входит в комплекс взаимосвязанных, взаимоопределяемых понятий: переходность глагола — винительный падеж — прямое дополнение. Взаимосвязь этих понятий отмечалась еще греческими грамматистами, однако на разных этапах развития в пределах языков номинативного строя их соотношение различно. Так, например, в древнегреческом языке винительный падеж, кроме значения прямого объекта, мог выражать цель, способ, средство, причину, место, меру, вес, время, при этом «объектные значения обнаруживают следы своего развития из значений обстоятельно-определятельных»¹. Значения винительного падежа в других индоевропейских языках, как указывает А. В. Десницкая², также не исчерпывались объектным значением, включая и значения обстоятельственные, а категория переходности была нечеткой и расплывчатой. Аналогичная ситуация возникла и в древнетюркском языке, где также отмечается меньшая, по сравнению с современными тюркскими языками, дифференцированность категории «переходность/непереходность»³.

В современном русском языке из понятия прямого дополнения исключают винительный беспредложный падеж со значением меры и времени⁴. С другой стороны, с прямым дополнением связывают, помимо винительного падежа, и другие формы: родительный падеж при переход-

¹ А. В. Десницкая. О происхождении винительного падежа в индоевропейских языках. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1947, т. VI, стр. 498.

² См.: А. В. Десницкая. Развитие категории прямого дополнения в индоевропейских языках. Докт. дисс. Л., 1946.

³ См.: Э. В. Севортян. Об историческом положении категорий переходности и непереходности в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1958, № 2.

⁴ См.: «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 517—518. Обоснование трактовки винительного падежа с количественно-временным значением в русском языке как неobjектного см.: Д. Н. Шмелев. Синтаксическая сочетаемость слов в русском языке. — «Русский язык в национальной школе», 1961, № 4.

ных глаголах с отрицанием, родительный частичного объекта⁵ и даже аналитическую форму — сочетание предлога «по» с именем в дательном падеже⁶.

Нельзя пройти и мимо фактов вариативного управления, когда при одном и том же глаголе определенного значения могут употребляться наряду с формой винительного падежа другие падежные и предложно- (или послеложно-) падежные формы, выражающие те же значения, что и винительный падеж: «ждать что/чего-л.», «дергать что/за что-л.» и др.⁷, а также фактов различного выражения одного и того же объектного значения при разных глаголах одной лексико-семантической группы: «обдумывать проблему» и «думать над проблемой», «транжирить деньги» и «сорить деньгами» и т. д. Все эти широко известные факты свидетельствуют о том, что неоднозначность соответствия винительного падежа и прямого дополнения осознавалась давно и что необходимо определить семантическое понятие «прямого объекта», на которое можно было бы опираться при выделении прямого дополнения. Но пока четкого определения «прямого объекта» лингвистами не предложено, и это трудно сделать, поскольку «прямой объект» (будем называть его для краткости просто объектом) семантически неоднороден. Можно сказать только, что объект непосредственно связан с семантикой глагола и что это более обобщенное понятие, чем понятия «содержания», «инструмента», «средства» и другие семантические типы (валентности), включающиеся в объектные отношения.

Мы исходили из широко распространенной в современной лингвистике морфолого-семантической классификации членов предложения, опирающейся на морфологические и семантические признаки. В этой классификации морфологические признаки (падежное оформление) считаются основными, а к семантическим прибегают как к дополнительным. Для универсальной синтаксической теории такая классификация, конечно, менее пригодна, чем классификация В. С. Храковского⁸, отвлекающаяся от морфологических признаков. Но морфолого-семантическая классификация может обслуживать языки определенного типа (например, номинативные), и, на наш взгляд, нет оснований от нее отказываться, хотя она и нуждается в совершенствовании.

В тюркских языках прямое дополнение принято соотносить только с винительным и так называемым «основным» («неопределенным», «абсолютным») падежами, если не признается неоформленный винительный падеж. Поэтому проблема прямого дополнения в тюркологии сводилась до сих пор к установлению причин (формально-грамматических, логических, субъективных), в зависимости от которых имя в позиции прямого дополнения выступает в винительном или основном падеже⁹.

Эти причины в разных работах все более конкретизировались¹⁰, формулировались основные значения, с которыми связано опущение

⁵ Ср.: А. Н. Гвоздев. Современный русский язык, ч. II. Синтаксис. М., 1961, стр. 106.

⁶ Ср.: В. Н. Сидоров, И. С. Ильинская. К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1949, т. VIII, вып. 4.

⁷ Ср.: «Грамматика современного русского литературного языка», стр. 496 и сл.

⁸ В. С. Храковский. Семантизация синтаксиса и теория членов предложения. — «Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции». М., 1976.

⁹ См.: Э. В. Севортян. Прямое дополнение в турецком языке. — «Вестник Московского университета», 1948, № 12.

¹⁰ См., например: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 400—405.

аффикса винительного падежа (значения неопределенности, неактуализованности и отвлеченности)¹¹, рассматривались возможности замены винительного падежа основным и наоборот, и случаи употребления/неупотребления аффикса винительного падежа подвергались статистическому обследованию¹².

По нашему мнению, важно различать следующие основные случаи употребления/неупотребления аффикса винительного падежа¹³:

1) обязательное употребление аффикса винительного падежа (если объект — определенное лицо, выраженное либо именем собственным, либо именем с аффиксом принадлежности, либо именем, имеющим при себе определение, либо местоимением — личным, указательным, возвратным; при инверсии прямого дополнения; при глаголах, одновременно управляющих основным и винительным падежами — типа *sanpak* 'считать кого-либо кем-либо');

• 2) обычное употребление аффикса винительного падежа (при логическом выделении объекта, когда объект упоминается повторно и воспринимается как определенный, а также для защиты смысла, если без падежного аффикса фраза может быть понята неверно);

3) обычное неупотребление аффикса винительного падежа (при неопределенности, неактуализованности или отвлеченности объекта);

4) факультативное употребление аффикса винительного падежа (в глагольно-именных сочетаниях, в которых имя занимает контактную с глаголом позицию и несет основную смысловую нагрузку, глагол же семантически ослаблен или десемантизирован: *yardim göstermek*, *yardim uurtak*, *yardim etmek* 'оказывать помощь, помогать');

5) невозможность употребления аффикса винительного падежа [в некоторых случаях идиоматизации словосочетания и в сочетаниях с так называемым «внутренним объектом», когда имя (особенно имя отглагольное на *-ish*) и глагол восходят к одному корню — типа *yuqi yuurtak* 'спать крепким сном', а также в приглагольной связочной позиции при глаголах, одновременно управляющих основным и винительным падежами].

Первые два случая характеризуют позицию прямого дополнения как формально противопоставленную прежде всего позиции подлежащего, в которой имя не может иметь при себе падежного аффикса и выступает в основном падеже.

Третий случай — опущение, эллипсис аффикса винительного падежа в определенных контекстных условиях, на наш взгляд, не следует связывать с понятием основного падежа, а рассматривать как вариант винительного. Тогда понятие основного падежа станет более определенным и будет противопоставлено безаффиксному винительному падежу по признаку возможности/невозможности оформления падежным аффиксом. Традиционная тюркология, связывая с понятием основного падежа все случаи неупотребления падежного аффикса, не отмечает такой противопоставленности, нам же она кажется принципиально важной. Далее мы будем говорить о винительном падеже, предполагая, что он может выступать и без падежного аффикса.

¹¹ См.: С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики, ч. I. Л., 1975, стр. 25—26.

¹² См.: Т. Д. Иноятов. Основной и винительный падежи в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1973.

¹³ Мы не иллюстрируем эти случаи, поскольку они достаточно хорошо известны тюркологам.

Четвертый случай свидетельствует о том, что в тюркских языках распределение признака конкретного процесса между именем и глаголом влияет на оценку синтаксической позиции имени: чем сильнее этот признак выражен в глаголе (например, *yardım göstermek* 'оказывать помощь' по сравнению с *yardım etmek* 'помогать'), тем очевидней принадлежность имени к прямому дополнению, что отмечается возможностью употребления аффикса винительного падежа. При полной же десемантизации глагола имя «притягивается» к глаголу, и говорить о прямом дополнении в этом случае, на наш взгляд, нет оснований. Ср.: *Kayıklı ses çıkarmadan Ömerin ceketini iade etti* (S. Ali «İçimizdeki şeytan») 'Лодочник безмолвно вернул (букв. 'сделал возврат') пиджак Омера'.

Десемантизированный глагол *etmek* 'делать' утрачивает способность к управлению, и отсутствие падежного аффикса у имени, как нам кажется, свидетельствует о том, что оно становится несклоняемым, сливаясь с глаголом. Таким образом, если связывать падеж с управлением, то есть считать падеж морфо-синтаксической категорией, то следует признать, что в данном случае выступает не основной падеж, как принято думать, а имеет место отсутствие падежа.

Аналогично, видимо, следует оценивать и пятый случай. Семантика имени — «внутреннего объекта» усиливает семантику глагола. В некоторых случаях, когда это не слишком очевидно, можно отнести имя к прямому дополнению и отсутствие падежного аффикса расценивать как эллипсис. Ср.: *Niçin böyle aptalca sözler söylüyorum?* (S. Ali «İçimizdeki şeytan») 'Почему я говорю такие глупые слова?' То же в случаях *uzaı yazmak* 'статья) писать', *içki içmek* 'питье пить', *oynatmak* 'в игру играть' и т. д.

Но на примере *uyumak* 'спать крепким сном, крепко спать' уже можно продемонстрировать признак усиления действия, выражаемый «внутренним объектом». Еще явственней этот признак проявляется в том случае, когда «внутренний объект» выражен отглагольным именем на *-ış/-iş*, что отмечают турецкие грамматисты (правда, не в связи с проблемой прямого дополнения). Ср. примеры, приводимые А. Эмре: *Koluma bir çarpiş çarptı...* 'Он так ударил меня по руке...'; *Gözleriyle beni bir süzüş süzdü...* 'Он смерил меня таким взглядом...' (точнее: так смерил)¹⁴.

Значение имени здесь скорее обстоятельственное, чем объектное, и, думается, нет оснований относить его к прямому дополнению.

Эти два последних случая показывают, что в турецком языке границы прямого дополнения не всегда четки, что иногда имя обладает одновременно признаками разных членов предложения. Проблема дифференциации не оформленного падежным показателем именного члена предложения в приглагольной позиции требует специального рассмотрения.

Что касается винительного падежа, то некоторые исследователи отмечают неоднозначность соответствия в тюркских языках винительного падежа и прямого дополнения¹⁵. Из понятия прямого дополнения исключаются, например, формы винительного падежа в значении пространства и маршрута (в этом значении винительный падеж соотносен с пространственными падежами) при глаголах движения, например: *sofaıı*

¹⁴ А. С. Emre. Türk dilbilgisi. İstanbul, 1945, стр. 325.

¹⁵ Ср. утверждение Г. И. Рамштедта, что винительный падеж в тюркских языках способен выражать не только объектные отношения, но и «отчуждение во времени и пространстве» (Г. И. Рамштедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 39).

yürümek 'пройти коридор (по коридору)', merdiveni inmek 'спуститься по лестнице', а также в значении времени при глаголах типа: yaşamak 'жить, проживать', geçirmek 'проводить' (дни, жизнь и т. д.)¹⁶, ср.: uzağı köyde geçirmek 'провести лето в деревне'.

Эти формы, безусловно, являются распространителями глагола и не могут быть безоговорочно отнесены к обстоятельственным, хотя и выражают обстоятельственные значения. А. Н. Кононов называет их обстоятельными дополнениями¹⁷. С. Д. Кацнельсон предлагает считать подобные формы «мнимыми обстоятельствами»¹⁸. Но как бы ни определять эти формы — обстоятельными, мнимообстоятельными, обстоятельно-объектными или объектными, их вряд ли можно связывать с прямым дополнением, а глаголы, их предполагающие, — с переходностью (глагол geçirmek в большинстве своих значений переходен, но в сочетании с именами, обозначающими время, он, частично десемантизируясь, воспринимается как непереходный).

Остальные значения винительного падежа в турецком языке принято связывать с прямым дополнением.

По нашему мнению, в тюркских языках следует различать два вида прямых дополнений: грамматическое и лексико-грамматическое. Грамматическое прямое дополнение употребляется при производных глаголах на -la/-le и глаголах понудительного залога, то есть имеет соответствие в форме глагола, поддерживается формой глагола; ср.: Tatlı söz uylanı iniden çıkarır (посл.) 'Приветливое слово змею выманит (заставит выйти) из норы' (çıkarmak — глагол понудительного залога); Kardeş kardeşi bıçaklamış, dönmüş yine kuşaklamış (посл.) 'Брат брата ранил ножом, а потом снова обнял' (bıçaklamak — производный глагол от bıçak 'нож').

В данном случае важно подчеркнуть, что здесь имеет место крайняя форма грамматической абстрагированности прямого дополнения, объясняющаяся словообразовательным или залоговым значением глагола.

Второй вид прямого дополнения связан с лексическим значением переходного глагола.

Переходность глагола в узком смысле слова (прямая переходность) формально определяется по сочетаемости с прямым дополнением и по способности глагола функционировать в личных формах пассива.

Последнее свойство для турецкого переходного глагола не является определяющим, так как в турецком языке в принципе любой глагол способен выступать в форме пассива. Непереходные глаголы, принимая аффикс страдательного залога, приобретают неопределенно-личное значение¹⁹.

Способность дополнения участвовать в пассивной трансформации, перемещаясь в позицию подлежащего, принято считать формальным признаком прямого дополнения. Но для турецкого языка этот признак тоже не показателен, поскольку перемещаться в позицию подлежащего может и имя, не относимое к прямому дополнению (например, имя в значении времени при глаголах типа yaşamak 'жить', geçirmek 'проводить (время)'. Таким образом, в турецком языке трудно найти чисто формальные признаки выделения прямого дополнения.

¹⁶ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 83, 88.

¹⁷ Там же.

¹⁸ С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 208—209.

¹⁹ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 198.

В связи с этим возникает вопрос: необходимо ли вообще противопоставление «прямоты» и «косвенности» на уровне членов предложения или можно для некоторых языков, в частности для турецкого, это противопоставление снять? Нам кажется, что этого не следовало бы делать, так как подобное решение привело бы и к отказу от выделения переходных глаголов. Оба понятия — переходности и прямого дополнения — в турецком языке, безусловно, взаимосвязаны, и эта связь базируется прежде всего на семантической основе. При этом следует учитывать многомерность семантического признака переходности (воздействие субъекта на объект), его способность проявляться в разной степени: от активного воздействия до простой направленности, ориентированности на объект.

Интерпретация объекта, подвергающегося активному воздействию, как прямого дополнения не вызывает сомнений. Но при некоторых поливалентных глаголах активного воздействия могут употребляться формы винительного падежа, обозначающие семантически разные объекты. Рассмотрим глагол *vurmak*. В сочетании с объектом непосредственно воздействия он обозначает: 1) убить: *kuşu vurmak* 'убить птицу', 2) ранить: *birini başından vurmak* 'ранить кого-либо в голову', 3) ударить (если действие непреднамеренное, то есть неактивное), удариться: *başını bir şeye vurmak* 'ударить голову обо что-либо, удариться головой обо что-либо' (в этом случае отнесение объекта к прямому дополнению менее очевидно), 4) бить, ударять, стучать, хлопать; объектное значение лица при глаголе *vurmak* 'бить, ударить, стукнуть хлопнуть кого-либо' в турецком языке выражается не приглагольной падежной формой, а приименным родительным падежом принадлежности и аффиксом принадлежности при имени, обозначающем место приложения действия: *birinin göğsüne vurmak* 'ударить кого-либо в (его) грудь', *arkadaşın omuzuna vurmak* 'хлопнуть товарища по (его) плечу'.

Если объект активного воздействия — неодушевленный предмет, то объектное значение формы винительного падежа может осложняться значением места, что затрудняет ее семантическую интерпретацию: *kapıyı vurmak* 'стучать в дверь', *duvarı vurmak* 'стучать в стену'. Форма винительного падежа при глаголе *vurmak* 'бить, ударять, стучать, хлопать' может интерпретироваться и как средство действия: *yumruğunu masaya vurmak* 'бить (стучать) кулаком по столу', *biçağı tabağa vurmak* 'стучать ножом по тарелке'; *Ömer birdenbire... elindeki mestuayı masaya vurdu* (S. Ali «İçimizdeki şeytan») 'Омер внезапно стукнул по столу журналом, который он держал в руке'.

В тех же значениях — средства и места действия — употребляется форма винительного падежа и при других глаголах, близких по семантике глаголу *vurmak*. Ср.: *kapıyı çalmak* 'стучать в дверь', *kapıyı çarpmak* 'хлопнуть дверью'.

Обозначая часть тела при глаголах колебательного движения (типа *sallamak* 'махать, размахивать, качать, кивать'), форма винительного падежа тоже может расцениваться как средство действия: *omuzlarını silkme* 'пожать плечами', *kuyuğunu sallamak* 'махать (вилять) хвостом', *kollarını sallamak* 'размахивать руками', *ayaklarını sallamak* 'качать (дрыгать) ногами', *başını sallamak* 'мотать (кивать, качать) головой', ...*evet makamında başını salladı* (S. Ali «İçimizdeki şeytan») 'он утвердительно кивнул головой'.

Следует заметить, что интерпретация формы винительного падежа при глаголе *vurmak* как выражение средства действия или места дейст-

вия не бесспорна²⁰. Можно спорить и относительно семантической интерпретации формы винительного падежа при глаголе *sallamak*, ибо при глаголах, обнаруживающих с глаголом *sallamak* общую семантическую часть, форма винительного падежа выступает как объект, а не как средство. Ср.: *Çocuklar hocalarını başlarını eğerek selâmladılar* (S. Ali «İçimizdeki şeytan») 'Дети приветствовали учителя, склонив головы' (русские глаголы «кивать» и «поникнуть», управляя творительным падежом, допускают его трактовку как средства действия).

Нормы сочетаемости, сложившиеся в языке, иногда с трудом поддаются мотивировке, и тот факт, что в русском языке при глаголах «кивать», «махать», «поникнуть» и подобных им употребляется творительный падеж, а при турецком глаголе *sallamak* — винительный, свидетельствует об известной степени идиоматичности такой сочетаемости.

При некоторых поливалентных глагольных лексемах, близких по значению, в качестве объекта может выступать то один, то другой обозначаемый предмет (ср. русск. «сообщить кому-либо что-либо» и «известить кого-либо о чем-либо»). Другие падежные значения тоже не исключают такой возможности. Примером тому в турецком языке могут служить значения места и средства действия при глаголе *vurmak* 'бить, ударять, стучать'.

Форма винительного падежа в значении средства действия при глаголе *vurmak* может употребляться параллельно с послелогом *ile* 'с': *yumruğunu/yumrukla vurmak* 'стучать (бить, ударять) кулаком', а в значении места она конкурирует с формой дательного падежа: *kapıyı/kapıya vurmak* 'стучать (бить, ударять) в дверь'.

Поэтому, когда необходимо выразить при глаголе *vurmak* (или синонимичных ему глаголах) одновременно значение средства и места действия, язык может избежать омонимии двумя способами: *yumruğunu kapıya vurmak* или *yumrukla kapıyı vurmak* (букв.: 'бить кулак о дверь' или 'бить дверь кулаком') 'стучать (бить, ударять) кулаком в дверь'. Ср.: *elini arkadaşının dizine vurarak* (S. Ali «İçimizdeki şeytan») 'хлопнув товарища рукой по колену'; *Ömer kıvrıp iki kat ettiği havlu ile sağ dizini dövüyordu* (S. Ali «İçimizdeki şeytan») 'Омер похлопывал себя по правому колену скрученным вдвое полотенцем'.

Нужно ли относить оба рассмотренных значения винительного падежа к прямому дополнению? Если отвечать на этот вопрос положительно, как принято в традиционной тюркологии, то из этого следуют два вывода: во-первых, при одном глаголе определенного значения возможны два прямых дополнения разной семантики и, во-вторых, с прямым дополнением при глаголе *vurmak* 'бить, ударять, стучать, хлопнуть' семантически соотносятся форма дательного падежа и послеложная форма *с ile*.

В глаголах нефизического действия семантический признак переходности проявляется в меньшей степени, что часто затрудняет синтаксическую интерпретацию их объектных отношений. В самом деле, если, например, русский глагол «любить» управляет винительным падежом, а близкий ему по смыслу глагол «симпатизировать» — дательным, то достаточное ли это основание, чтобы по существу два семантически одинаковых объекта различать на синтаксическом уровне, относя один

²⁰ Ср., например, возражения Ю. Д. Апресяна Ч. Филлмору по поводу попытки интерпретировать слово «нос» в словосочетании «задеть чей-либо нос» как место, а не как объект (Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974, стр. 26).

к прямому дополнению, а другой — к косвенному? (В турецком языке оба глагола—*sevmek* 'любить' и *beğenmek* 'симпатизировать'—управляют винительным падежом). Может быть, на синтаксическом уровне это тоже одинаковые объекты, и вопрос сводится к тому, какие это дополнения—прямые или косвенные? Мнение Л. В. Щербы, усматривавшего прямое дополнение в сочетаниях «овладеть положением», «заниматься с детьми», «приехать домой»²¹ (по современной терминологии это обязательно-валентные члены), нам кажется крайним, да и сам Л. В. Щерба не настаивал на категоричности своего вывода.

Специфичность выражения прямого дополнения в разных языках, по-видимому, не должна расцениваться в том смысле, что «форма прямого дополнения не зависит от семантики глагола» — вывод, к которому пришел И. И. Мещанинов в результате анализа разных языков²². При решении вопроса о прямом дополнении следует, очевидно, учитывать и форму управляемого имени (для падежных языков), и его смысл, а также значение управляющего глагола. Поэтому нам кажется перспективным введение понятий «позиционных форм» и «позиционных функций»²³, в сфере которых проявляется принцип асимметрии формы и содержания, выражающийся в том, что области употребления позиционных и непозиционных форм не всегда строго разграничены. К позиционным функциям относятся только функции подлежащего и прямого дополнения, которые в отличие от непозиционных функций — косвенных дополнений и обстоятельств — менее семантичны. Позиционными формами считаются такие формы, которые обычно закреплены в данном языке за определенной функцией при семантически близких глаголах. Другие возможные формы в той же функции относятся к непозиционным. В падежных языках столкновение позиционных и непозиционных форм — явление обычное, и турецкий язык в этом смысле — не исключение. Однако на практике не всегда легко решить, какие из конкурирующих в данном языке форм более типичны в определенной функции при семантически близких глаголах (ср. рассмотренные примеры с глаголом *vurmak*).

Принцип асимметрии формы и смысла в применении к проблеме прямого дополнения усматривается не только в столкновении позиционных и непозиционных форм. Его можно усмотреть и в явлении, получившем название «расщепление валентностей» («представление одной валентности слова А с помощью двух соподчиненных А словоформ»²⁴). Типичный пример — расщепление валентности содержания на тему и предмет²⁵ при глаголах речи-мысли (при некоторых глаголах этой группы валентность содержания может быть представлена только темой или только предметом). Ср.:

şunu (предмет) söylemek 'сказать об этом',
hakikatı (тема) söylemek 'сказать правду',
seni (предмет) düşünmek 'думать о тебе',
sorunu (тема) düşünmek 'обдумывать вопрос';

Sanki buraya gelirken bunu bilmiyormuydum? (S. Ali «İçimizdeki şeytan») 'Разве я не знала об этом, когда шла сюда?', Ben onu görmeden evvel hayatın mânasını bilmiyordum (S. Ali «İçimizdeki şeytan») 'До того, как я увидела его, я не знала смысла жизни'.

²¹ Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958, стр. 99.

²² И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 161.

²³ С. Д. Кацнельсон. Указ. раб., стр. 200—203.

²⁴ Ю. Д. Апресян. Указ. раб., стр. 154.

²⁵ Ю. Д. Апресян пользуется в этом случае терминами «тема» и «рема», мы же употребляем вместо последнего термин «предмет» во избежание нежелательных аналогий с ремой актуального членения.

В значении содержания-предмета, кроме формы винительного падежа, может употребляться форма исходного падежа при глаголе konuşmak 'говорить, разговаривать'. Ср.: işleri konuşmak 'говорить о делах', но şundan bundan konuşmak 'говорить о том, о сем'.

При глаголе bahsetmek, синонимичном глаголу konuşmak, возможна только одна падежная форма в указанном значении — форма исходного падежа: müzikten bahsetmek 'разговаривать о музыке'; Çocuklarımdan, karımdan, yirmi senelik temiz memuriyet hayatımdan bahsettim (S. Ali «İçimizdeki şeytan») 'Я рассказал о своих детях, жене, о своей двадцатилетней безупречной службе'.

Но наиболее типичной формой выражения валентности содержания-предмета в турецком языке являются послеложные формы hakkında, üzerinde, üzerine и другие—'о, об, относительно, по поводу'. Эти формы сочетаются с разными глаголами речи-мысли. Ср.: Salondakiler, derhal modern resim üzerinde konuşmaya başladılar (S. Ali «Kürk mantolu Madonna») 'Находящиеся в зале сразу заговорили о современной живописи'; Hiç kimse onun hakkında münasebetsiz şeyler düşünmemelidir (S. Ali «İçimizdeki şeytan») 'Никто не должен подумывать о ней плохое (букв.: неприличное)'.

Большая употребительность послеложных форм при глаголах указанной семантической группы, как нам кажется, дает основание для вывода, что те глаголы, которые предполагают только валентность содержания-предмета, а не содержания-темы (например, konuşmak 'говорить, разговаривать'), можно оценивать с точки зрения семантической как непереходные, даже если формально они и способны управлять винительным падежом.

Что касается валентности содержания-темы, то она имеет только две формы выражения: винительный или основной (при неопределенном местоимении) падежи. Ср.: bahaneyi uydurmak 'придумать отговорку', (hiç) bir şey dememek 'ничего не сказать'; Macide hiç bir şey söylemeden döndü (S. Ali «İçimizdeki şeytan») 'Маджиде повернулась, ничего не сказав'.

При некоторых глаголах [например, 1) sanmak, saymak, görmek, bilmek, zannetmek и других в значении 'думать, полагать, считать кого-либо кем-либо' и 2) etmek, уартак 'делать кого-либо кем-либо'] формы винительного и основного падежей, выражая одну расщепленную валентность, выступают всегда в соподчинении (для глаголов речи-мысли соподчиненность данных падежных форм необязательна, как видно из приведенных выше примеров). При этих же глаголах формы винительного и основного падежей неотделимы, реализация одной невозможна без реализации другой. Ср.: Bunu bir hastalık kaprisi saydım (S. Ali «Kürk mantolu Madonna») 'Я считал это болезненным капризом'; Beni sen adam edeceksin! — diye mırıldanıyordu (S. Ali «İçimizdeki şeytan») 'Ты сделаешь меня человеком! — пробормотал он'.

Особенность глаголов первой группы в том, что в них усматривается скрытая двойная предикация, которая может и реализоваться на поверхностном уровне. Ср.: Herkesi abdal mı sanıyor nedir? (S. Ali «İçimizdeki şeytan») 'Что он считает — все идиоты?'.

Эта скрытая двойная предикация порождает двойственность (синкретизм) формы винительного падежа: с одной стороны, это прямое дополнение при глаголе-сказуемом, с другой — потенциальное подлежащее при имплицитном втором предикате. Такая двойственность может

сохраняться и при эксплицитности второго предиката, что вызывает сомнения в квалификации всего предложения как простого или сложного²⁶. Ср. пример, приводимый А. Н. Кононовым: *Bunu, yalnız şehirlerde olur bilirdim* (*Yakup Kadri Karaosmanoğlu*) 'Я полагал, это бывает только в городах'²⁷ (*bunu* 'это' — форма винительного падежа и потому — формально прямое дополнение при главном глаголе-сказуемом *bilmek* 'полагать', но семантически это одновременно субъект подчиненного предиката *olmak* 'быть').

В тюркологической литературе принято, с нашей точки зрения, без достаточных оснований квалифицировать формы винительного и основного падежей при глаголах рассматриваемой группы как два прямых дополнения²⁸. Нам кажется, что здесь скорее выступает один член предложения, выраженный расчлененно двумя соподчиненными словоформами. Семантической соотнесенности с другими падежными или послеложно-падежными формами они не обнаруживают. Для таких случаев можно предложить термин «составное прямое дополнение». Одна часть этого составного члена предложения, выраженная формой винительного падежа, противостоит подлежащему, поскольку может быть преобразована в подлежащее при пассивной трансформации. Другая, выраженная формой основного падежа, тяготеет к сказуемому, которое имплицитно двойную предикацию. При ее экспликации форма основного падежа переходит в позицию сказуемого. Это, думается, свидетельствует о двойственности и формы основного падежа в рассматриваемой конструкции — принадлежности ее одновременно двум членам предложения: прямому дополнению и сказуемому, поскольку она неотделима как от глагола, так и от имени в винительном падеже, в сочетании с которым она выражает одну семантическую валентность.

В противоположность расщеплению валентности, когда одна валентность выражается двумя соподчиненными словоформами, выделяют случаи синкретизма валентностей — одновременное выражение разных значений одной морфологической формой²⁹. В турецком языке, как нам кажется, синкретизм характеризует, например, форму исходного падежа: при таких глаголах, как *örtek* 'целовать' и *tutmak* 'хватать' эта форма выражает одновременно значение объекта и места. В других случаях она способна осложнять значение объекта дополнительным значением частичности. Нам уже приходилось разбирать эти случаи в другой статье³⁰, поэтому, не останавливаясь на них подробно, отметим лишь возможность отнесения к прямому дополнению и формы исходного падежа, способной включать в свою семантику значение объекта (аналогично русскому родительному падежу).

Таким образом, при решении проблем, связанных с понятием прямого дополнения, необходимо учитывать одновременно формальный и семантический планы. Винительный падеж — преимущественная форма выражения прямого дополнения, то есть позиционная форма. Употребление других форм в этой позиции — основного падежа (в нашем понимании) и исходного падежа — в турецком языке сравнительно ред-

²⁶ Ср.: С. А. Соколов. Исследование по синтаксису сложного предложения в современном турецком литературном языке. Автореф. докт. дисс. М., 1974, стр. 13—14.

²⁷ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 518.

²⁸ Ср., например: В. И. Асланов. Некоторые вопросы глагольного управления в памятниках азербайджанского языка в сравнительном освещении. Автореф. канд. дисс. Баку, 1960, стр. 17.

²⁹ См.: Ю. Д. Апресян. Указ. раб., стр. 140—142.

³⁰ См.: Н. П. Голубева. О синонимии и вариантности приглагольных управляемых форм в турецком языке. — «Советская тюркология», 1977, № 1.

кое явление и связано с определенными семантическими условиями. С другой стороны, употребление винительного падежа не только в функции прямого дополнения, то есть в объектных значениях, но и в обстоятельственных значениях, характерное для многих языков (кроме турецкого, греческого и русского, можно назвать еще, например, монгольский³¹ и японский³² языки), свидетельствует о том, что полифункциональность винительного падежа — типичное явление, и в этом смысле винительный падеж не отличается от других падежей.

³¹ См.: Б. Х. Тодаева. Винительный падеж в современном монгольском языке. — «Ученые записки Института востоковедения», т. IV. М., 1952.

³² См.: Е. М. Колпакчи. Винительный падеж в современном японском языке. — Там же.

А. МАТГАЗИЕВ

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ МУНИСА В «ФИРДАУС-АЛ-ИҚБЎЛ»

«Фирдаус-ал-иқбъл» («Райский сад счастья») является одним из крупнейших исторических сочинений хорезмского поэта и историка Шермухаммеда Муниса (1778—1829). Преждевременная смерть помешала автору завершить свой труд. Поэтому последняя глава сочинения была дописана его племянником Мухаммедом Ризо Агехи (1809—1874).

В настоящее время несколько списков «Фирдаус-ал-иқбъл» хранятся в рукописных фондах Ленинграда и Ташкента. По мнению специалистов-источниковедов, список, хранящийся в фонде Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР под шифром С-571, является автографом. Действительно, многочисленные правки на страницах рукописи подтверждают правильность этого мнения. Так, например, на странице 11а Мунис пишет: «Я приступил к написанию этого краткого вступления и озаглавил сочинение „Иқбъл-наме“ („Книга о счастье“)». На полях той же страницы это название заменено другим — «Фирдаус-ал-иқбъл» («Райский сад счастья»). В приводимом ниже предложении персидское слово *bisjār* заменено тюркским *asru*: *Ul asru šizā vā mutahavvir erdi* 'Он был очень смелым и храбрым' (41б). Таких поправок и вставок на страницах рукописи немало.

«Фирдаус-ал-иқбъл» давно привлекал внимание многих ученых как ценный источник по истории Средней Азии¹. Однако его художественно-языковые особенности до сих пор остаются вне поля зрения исследователей-филологов. А между тем в «Истории Узбекской ССР» отмечается: «Исторические хроники Муниса и Агехи являются, кроме всего прочего, художественными произведениями»². Об этом говорит, во-первых, наличие в сочинении стихов как самого автора, так и других поэтов (в «Фирдаус-ал-иқбъл» они составляют около 15—20 процентов общего объема произведения); во-вторых, насыщенность самого прозаического текста такими художественными средствами выражения, как эпитет, сравнение, метафора, метонимия, гипербола, пейзажные зарисовки и т. д. Кро-

¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. — «Сочинения», т. II, часть I. М., 1963, стр. 112—113; *его же*. События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка. — Там же, стр. 401—402; *его же*. Новый источник по истории Хорезма. — «Сочинения», т. VIII, стр. 573—578; П. П. Иванов. Хивинские хроники XIX века Муниса—Агехи как источник по истории туркмен и Туркмении. М.—Л., 1938; К. Муниров. Мунис, Огахий ва Баёнийнинг тарихий асарлари. Тошкент, 1960.

² «История Узбекской ССР». В четырех томах. Т. I. Ташкент, 1967, стр. 677.

ме того, Мунис в своем сочинении часто употребляет традиционный прием *саджъ*. Например: *Сun āftāb Bahrāmi subh iṣratxānasin ačty vā pešā anivārydyn žavāhir ehsānin žahān mažlisuṣa sačty (2726)* 'Когда солнце-Бахрам открыл свой утренний дом увеселения и направил свои жемчужные лучи на мир...'

Еще одной характерной особенностью «Фирдаус-ал-иқбāl» является то, что в нем часто встречаются примечания автора об этимологии и диалектной принадлежности отдельных слов, представляющие, на наш взгляд, несомненный интерес.

Шермухаммед Мунис принадлежит к плеяде крупных восточных историков прошлого. Его глубокие знания, обширный научный диапазон позволили ему создать такое капитальное произведение, как «Фирдаус-ал-иқбāl». Академик В. В. Бартольд дал высокую оценку историческому сочинению Муниса и Агехи: «Каковы бы ни были недостатки работы Муниса и Агехи как литературного и исторического труда, этот труд по подробности изложения и количеству фактического материала далеко оставляет за собой все дошедшие до нас труды по истории ханств Бухарского и Кокандского»³.

Мунис хорошо знал арабский, персидский и другие восточные языки. При изложении исторических событий он останавливается и на этимологии отдельных слов арабского, персидского, монгольского, и тюркского происхождения. В тех главах, где описываются события монгольского периода, встречаются отдельные монгольские слова и термины. Одним из них является слово *поjan*, обозначающее титул «князь». Об этом термине Мунис пишет: *Čingizxan any atasynyn ornuṣa nasab qyldy... vā pojan laqab berdi. «Nojan» moṣul luṣatyda amir-ul-umarā (امير الامرا) demāk bolur (91a)* 'Чингисхан его поставил на место отца и дал ему титул «нойон». Слово «нойон» в монгольском языке означает «эмир эмиров». После окончательного утверждения ислама в Золотой Орде словом «бий» было вытеснено монгольское «нойон»⁴. В современном монгольском языке слова *нойон* 'князь' и *нойод* 'князя' активно используются⁵.

В «Фирдаус-ал-иқбāl» наряду с узбекским словом *küjäv* и персидским *dāmād* 'зять' употребляется и монгольское *körägān*. Например: *Körägānlyq jāni küjävlik bilä nisbat tarpaqlıq bilä muftaxir bolıajman (536)* 'Я горжусь быть зятем потомка (Чингисхана)'. Мунис хорошо знал монгольскую этимологию этого слова и в своем сочинении упоминает об этом: *Čingizxan any bayājat sevār erdi. Tumajun atlyq qyzyn āngā berdi. Bužihatdin any körägān dedilär. Moṣul tilidä küjävni körägān derlär* 'Чингисхан его очень любил. Свою дочь по имени Тумаюн он выдал замуж за него. Поэтому его называют Кораганом. В монгольском языке «зять» называется «кораган».

Иногда значение заимствованного слова передается автором с помощью разъяснительного слова *jāni*. Например: *Moṣul any Elžikxan derlär, jāni raijatparvar demāk bolur (406)* 'Монголы его называют Элжик-ханом, то есть «заботящимся о народе». Такие примечания напоминают своего рода двуязычный словарь. Встречаются и многоязычные варианты подобных комментариев; например: *Bir uluṣ sirtlankim, any bu čaylarda döltä böri derlär. Arab any zabuṣ vā urfa der, vā fārsi kaftār der (98a)* 'Одна могучая гиена, которую в настоящее время (уз-

³ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 285—286.

⁴ В. В. Бартольд. Новый источник по истории Хорезма, стр. 577.

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 50.

беки) называют *döltä böri*, арабы — *zabuṣ* и *urfa*, а персы — *kaftār*. Академик В. В. Радлов в своем словаре приводит слово *долту* с пометкой «чагатайское» и переводит как «гиена»⁶. В словарях современного узбекского языка и его диалектов указанное слово не отмечено. Однако в Ферганской, Самаркандской и Сурхандарьинской областях встречаются топонимы *Долта*, *Долтали* и *Долталиқ*⁷, связанные с вышеприведенным словом.

Мунис хорошо знал историю и диалекты узбекского языка, а также туркменский язык. Об этом свидетельствуют его примечания: *Ul bayājat teznazar vā durbin jigīt erdikim, özbāk andaḡ kiṣini quraḡa derlār* (139a) 'Он был очень чутким и дальновидным парнем, а узбеки такого человека называют «*quraḡa*»'. Очевидно, это слово образовано от глагола *qara-/qura-* 'смотреть'. *Axal türkmän läfizidā zijkāṣ vā suvlyḡ jerlārni derlār. Aksar mavzei ṣaṣmasārlyḡ vā šālikārlyḡ bolur, ḡalibān bu žihātdin Axal derlār* (186a) 'Слово «ахал» в туркменском языке обозначает «болотистое место». Большая часть той местности богата родниками и рисовыми полями. Возможно, по этой причине его и называют «Ахал»'. *Öküž vā syḡyrlarḡy özbāk istilāhida qara mal derlār* (3386) 'Волы и коровы в узбекской терминологии называются *qara mal*'. *Uluḡ vā kičik žazājuri köb bolurkim, özbāk alarḡy tübāk vā aral vā atav derlār* (358a) '(В Аральском море) есть много островов, которые узбеки называют *tübāk*, *aral* и *atav*'.

В историческом развитии лексики особое место принадлежит фонетико-структурным изменениям слов. Они обнаруживаются при диахронном исследовании материалов, относящихся к различным периодам истории языка. Шермухаммед Мунис прекрасно знал фонетическую эволюцию отдельных слов. В «Фирдаус-ал-иқбāl» можно встретить ряд тонких замечаний автора о причинах фонетического изменения некоторых слов. Так, например, комментируя текст (376), он замечает: «В настоящее время вторую *каф* (ق) пишут как *кяф-и аджами* (ك) и произносят это слово как *qoḡugāt*». Здесь автор имеет в виду фонетический процесс *pq > ḡ*. В следующем примечании Мунис напоминает о явлении метатезы в слове *Qalxan > Qaxlan*: «Калхан построил одну крепость и назвал ее своим именем. В настоящее время ее называют *Qalxan* (قالخان), а некоторые *Qaxlan* (قخالان)» (55a).

Значительный научный интерес представляют историко-этимологические замечания Муниса об отдельных географических названиях. В этом отношении «Фирдаус-ал-иқбāl» имеет общие особенности с «Бабуриной». Известно, что Захериддин Мухаммед Бабури в своих мемуарах попутно останавливается и на этимологии многих топонимов, гидронимов, этнонимов и других названий⁸.

Мунис о теснине Киснак пишет следующее: *Qysnaq (قيسناق)* bir joldurkim, arqasy sartāsar berk taḡ vā qiblasi pajvasta Amu darjāsīdur. Bāzi jerlāridin xavātir bilā ötürlār. Göjā bu žihatdin any Qysnaq debdürlār (273a) 'Киснак — это теснина, задняя (восточная) сторона которой закрыта горами, а на западной стороне протекает река Аму. В некоторых местах трудно пройти. Наверно поэтому ее называли «Киснак». Это слово образовано от глагола *qys-* 'стеснять', 'сжимать' и т. д. Оно и в настоящее время активно употребляется в Хорезме⁹.

⁶ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III, часть 2, стр. 1722.

⁷ С. Қораев. Географик номлар маъносини биласизми? Тошкент, 1970, стр. 45.

⁸ Х. Хасанов. Захириддин Бобир — сайёҳ ва олим. Тошкент, 1960, стр. 14—16.

⁹ Я. Ф. Фузмов. Хоразмнинг суғорилиш тарихи. Тошкент, 1959, стр. 21.

Видный специалист по ономастике А. В. Суперанская писала, что «географические названия, особенно древние, являются своего рода историческими памятниками»¹⁰. Действительно, многие топонимы свидетельствуют о реальных исторических событиях. Так, например, Мунис рассказывает, что в 1796 году ханское войско во главе с Аваз-бей Инаком напало на аральских бунтовщиков и обезглавило всех стрелков, находившихся в авангарде. И поэтому, пишет автор, «эта местность в настоящее время называется *Mergän qurylgän* ('стрелок убитый')» (153а).

К истории названия крепости *Шахабад* Мунис дает подробный и убедительный комментарий: «В 1681 году Ануша ибн Абул-Газы хан на южной стороне Янги-Ургенча и Янги-Ката проводил канал... На восточном берегу канала построил одну превосходную крепость и назвал ее *Шахабадом*» (66б). Далее автор объясняет причину возникновения такого наименования вместо обычного «Ханабад» (в Хорезме царь имел титул «хан», а не «шах»): «Ануша-хан дважды совершил набег на Мешхед, на третий раз захватил и сел на его престол. Поэтому он был удостоен титула „шах”» (67а). В настоящее время этот сложный топоним подвергся фонетическому изменению и стал употребляться как *Шават*. В Хорезмской области имеется Шаватский район, центром которого является кишлак Шават.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Историко-художественное сочинение Шермухаммеда Муниса «Фирдаус-ал-иқбал» является ценным источником для изучения истории узбекского языка.

2. Наряду с богатым и разнообразным языковым материалом этого сочинения большой интерес для исследователей-тюркологов представляют и содержащиеся в нем историко-этимологические примечания автора.

¹⁰ А. В. Суперанская. Общая теория имени собственного. М., 1973, стр. 17.

РЕЦЕНЗИИ

Л. А. ПОКРОВСКАЯ. СИНТАКСИС ГАГАУЗСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

ИЗД-ВО «НАУКА», ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
М., 1978, 204 стр.

Рецензируемая работа завершает систематическое описание автором гагаузского языка, дополняя изданную в 1964 году ее «Граматику гагаузского языка», посвященную фонетике и морфологии¹. До настоящего времени гагаузское языкознание располагало лишь разработками отдельных вопросов гагаузского синтаксиса (работы Н. К. Дмитриева, Б. Г. Гафарова, Т. Г. Калякиной-Калединой, Д. Н. Танасоглу, Г. А. Гайдаржи). Л. А. Покровская поставила целью не только дать полное описание структуры простого и сложного предложения в гагаузском языке, но исследовать также основные особенности и выявить пути развития гагаузского синтаксиса. Задача эта в монографии в основном решена.

В своем исследовании Л. А. Покровская использовала материалы из различных источников (художественная проза, произведения фольклора, периодическая печать, школьные учебники гагаузского языка, а также сделанные автором записи диалектной разговорной речи и фольклора). В новой работе Л. А. Покровская исходит из последних достижений современной тюркологии, опирается на важнейшие положения общего языкознания о языковых контактах. Монография не только вводит в научный обиход богатейший фактический материал, в ней предложена аргументированная методика сопоставительного анализа разнотипных языков.

В соответствии с общим замыслом работа делится на две самостоятельные, но взаимообусловленные и взаимодополняю-

щие части — «Синтаксис гагаузского языка» и «Особенности синтаксиса гагаузского языка», которым предпослано важное в теоретическом отношении введение. В первой части работы дано единообразное и лаконичное описание всей синтаксической системы гагаузского языка, послужившее надежной базой для исследования особенностей гагаузского синтаксиса, результаты которого изложены во второй части работы. Специфические особенности гагаузского синтаксиса, рассмотренные на широком фоне общей синтаксической системы языка, представлены автором как наиболее концентрированные проявления общей тенденции закономерного развития целостной системы, обусловленного достоверно выявленными причинами.

Автор, судя по всему, придерживается той точки зрения, что всякое соединение слов может быть с достаточной полнотой исследовано и описано в составе предложения как его элемент; во всяком случае, первая часть монографии включает только описание структуры гагаузского предложения — минимальной коммуникативной единицы языка и речи. Описание выполнено по традиционной схеме, принятой в большинстве грамматик тюркских языков: классификация и описание предложений основаны на их структурно-семантических признаках и учении о членах предложения. Читатель найдет здесь характеристику типов простого и сложного предложений, описание типов и форм выражения главных и второстепенных членов предложения, а также порядка членов простого предложения.

Специально типы словосочетаний и вопрос об отношении словосочетания к предложению в работе не рассматриваются. Вместе с тем автор подчас допускает непоследовательность, оперируя неопределенным термином «словосочетание» там, где речь как будто бы должна идти о членах предложения, что создает некоторые неудобства для читателя. Так, отмечая, что тот или иной член предложения, на-

¹ Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964. Говоря о заслугах Л. А. Покровской в деле изучения гагаузского языка, нельзя не упомянуть об участии ее в составлении «Гагаузско-русско-молдавского словаря» (М., 1973). Весом вклад Л. А. Покровской в разработку (1957—1958 гг.) ныне действующей письменности гагаузского языка.

пример подлежащее, может быть выражен словосочетанием, автор не оговаривает, как именно эти словосочетания соотносятся с комбинацией членов предложения (подлежащего с определением и т. д.). А вопрос о соотношении их весьма важен, ибо в случае их совпадения, видимо, необходимо говорить об избыточности описания и нарушении его единообразия. Признание же несовпадения было бы одновременно признанием неполноты схемы описания, ибо типы словосочетания, как уже упоминалось выше, специально автором не рассматриваются.

Описательный характер первой части монографии обуславливает отсутствие дефиниций, используемых при изложении понятий репрезентируемых терминами, и было бы неправомерным ставить в упрек автору их отсутствие; однако отсутствие авторского толкования некоторых терминов ощущается достаточно остро. В качестве наиболее яркого примера можно было бы привести термин «связка», трактуемый автором, как представляется, слишком широко и недостаточно определено. Именно этим приходится объяснять авторскую позицию в отношении построений типа: *Кач керъ бѣн вардыр гѳрдѣйм айырылмыш инсаннары* 'Сколько раз я видел расставшихся (разлучившихся) людей', где *вардыр* рассматривается как связка в составе составного именного сказуемого *вардыр гѳрдѣйм* (стр. 29). С подобной трактовкой данного примера трудно согласиться. Думается, что здесь сказалась неоправданная аналогия с другими, несомненными, случаями использования слова *вар* в качестве связки. В приведенном примере *вардыр* не может быть связкой, ибо оно тогда связывало бы предикативным отношением местоимение *бѣн* 'я' с именем действия *гѳрдѣйм* 'мое видение (факт моего видения)', которые выражают понятия, непосредственно не сопоставимые. На наш взгляд, более правомерно трактовать здесь *вардыр гѳрдѣйм* как переосмысленное устойчивое сочетание, давшее аналитическую форму глагольного сказуемого, не членимого на связку и предикатив. Подобную трактовку подтверждает аналогия с туркменской формой . настоящего-прошедшего времени, получившей, однако, дальнейшее развитие: *Мен гелемэк* 'Я не прихожу/не приходил' < *Мен геленим эк* (на этой стадии находится гагаузское построение) < *Мениц геленим эк* букв.: 'Моего прихождения нет' (стр. 128).

Особенности синтаксического строя гагаузского языка рассматриваются в трех разделах второй, собственно исследовательской, части монографии.

Отмечая, что гагаузы относятся к потомкам средневековых кочевых тюркских племен Балканского полуострова, в течение многих веков находившихся в постоянном общении с иноязычными народами,

населявшими Балканы, автор определяет условия развития гагаузского языка как разновидность островного ландшафта и объясняет интенсивными и длительными контактами с языками иного грамматического строя (болгарским, молдавским и позднее русским) многообразные проявления интерференции, затрагивающей различные стороны системы гагаузского языка, в частности, в значительной степени его синтаксис.

Говоря о подходе к сравнению языкового материала, автор специально отмечает генетический, типологический и ареальный аспекты сравнения, диктуемые характером объекта и задачами исследования. Сопоставление изучаемых гагаузских конструкций осуществлялось с соответствующими конструкциями других тюркских языков, главным образом огузской группы, языков других систем, с которыми контактировал и контактирует гагаузский язык, а также балкано-турецких диалектов и гагаузских говоров северо-восточной Болгарии. Сравнительное изучение языковых явлений в указанных трех аспектах позволило автору выявить происхождение и пути развития основных особенностей, определяющих своеобразие синтаксиса гагаузского языка.

Принципиальной представляется авторская позиция в вопросе о соотношении внешних и внутренних факторов, определяющих развитие синтаксиса гагаузского языка. Признавая, что контакты с неродственными языками дают как бы импульс к изменениям, автор вместе с тем отмечает, что само изменение грамматической структуры языка совершается внутренними языковыми средствами, в пределах внутренних тенденций и возможностей его собственной грамматической системы.

Исследование особенностей синтаксиса гагаузского языка проводится Л. А. Покровской на основе оригинальной методики. Автор отмечает, что сопоставление целостных синтаксических построений позволяет только установить их тождество или различие, но не дает возможности восстановить сам процесс внутривидовых изменений в синтаксических конструкциях.

Для достижения именно этой цели, для восстановления картины эволюции синтаксических построений автор выделяет основные, определяющие элементы структуры предложения, сопоставимые в языках разных типов, и на их основе проводит анализ конкретного языкового материала. Такими определяющими элементами структуры предложения, характерными как для гагаузского, так и для славянских и романских языков, с которыми контактировал гагаузский язык, являются средства выражения синтаксических отношений: 1) морфолого-синтаксические средства (синтаксически значимые формы слов), 2) лексико-синтаксические средства (служебные слова: союзы, союзные слова, предлоги, после-

логи, частицы и т. п.), 3) чисто синтаксические средства (порядок слов), 4) просодико-синтаксические средства (интонация). В рецензируемой работе рассматриваются синтаксические средства первых трех типов в составе синонимических конструкций гагаузского, других тюркских и неродственных языков (болгарского, русского и др.).

Автор отмечает, что специфичность употребления и значения грамматических форм в гагаузском языке (сравнительно с другими тюркскими языками) в большей степени присуща глаголу, нежели имени, причем проявляется она наиболее ярко в сфере форм косвенных наклонений. Под влиянием конструкций с конъюнктивом болгарского и других балканских языков в гагаузском языке сформировалось сослагательное наклонение. Формы желательного и частично повелительного наклонений составили в гагаузском языке устойчивую парадигму единого (сослагательного) наклонения, выражающего возможное, предполагаемое или желательное действие и имеющее формы настоящего-будущего и прошедшего времени². Возникновение сослагательного наклонения способствовало сужению сферы употребления или исчезновению ряда форм: ограничению употребления форм возможности и невозможности, долженствовательного наклонения, полному исчезновению форм прошедшего времени условного наклонения, утрате именем действия на *-мак/-мак* функций инфинитива и преобразованию его в отглагольное имя существительное (утрата первичного инфинитива вследствие вытеснения его конъюнктивом является одним из основных признаков так называемого балканского языкового союза).

Под влиянием инфинитивных конструкций русского языка произошло расширение синтаксических функций имени действия на *-мак/-мак* в дательном падеже, что привело к образованию новой грамматической формы в системе гагаузского глагола — вторичного инфинитива на *-маа/-маа*, обладающего широкими синтаксическими функциями (он может выступать в функ-

ции как второстепенных, так и главных членов предложения). «Возможно, — замечает Л. А. Покровская, — что здесь проявилась общая тенденция балканских языков к образованию вторичного инфинитива» (стр. 115), однако в качестве непосредственного источника, стимулирующего развитие вторичного гагаузского инфинитива, называется русский язык.

Отсутствие соответствующих построений в болгарском, русском и молдавском языках автор считает причиной того, что и в гагаузском языке вышли из употребления отглагольно-именные посессивные кон-

струкции с формами на *-дык* и *-ажак* в функции развернутых членов предложения. На этой базе произошло преобразование формы на *-дык* во вторичное причастие на *-ды* (принимающее посессивные показатели лишь в случае субстантивации). Аналогичным образом отмечается сужение синтаксических функций деепричастных форм за счет расширения функций личных форм глагола: в частности, они перестали использоваться для оформления однородных сказуемых.

Изменения в морфолого-синтаксических средствах гагаузского языка проявились также в образовании целого ряда новых структурных типов составного сказуемого по моделям неродственных языков, с которыми контактировал гагаузский язык, — для некоторых из них характерно участие форм конъюнктива и вторичного инфинитива.

1. Глагол в индикативе (выражающий модальное отношение к действию) плюс глагол в конъюнктиве типа: *истеерим гидейим* 'я хочу пойти'. Возникновение данного типа составного сказуемого объясняется влиянием болгарского языка. Формально это построение совпадает с подчинительной конструкцией типа: *истеерим гиддасин* 'я хочу, чтобы ты пошел', известной также в азербайджанском и турецком языках (часто с союзом *ки*, стр. 93). Однако в гагаузском языке эта конструкция, стьющаяся в аналитическую форму, стала употребляться и в случаях совпадения действующего лица обоих глаголов, тогда как в других огузских языках используется построение с «инфинитивом» (отсюда следует заключение, что сослагательное наклонение выполняет здесь функцию инфинитива других огузских языков). Думается, что аргументация этого положения могла бы быть более веской.

2. Именная конструкция со значением наличия или отсутствия условий, возможности для совершения действия плюс глагол в конъюнктиве типа: *вар (йок) не алэйим* 'мне есть что (нечего) взять', *вар нийа (йок нийа) алэйим* 'я могу (не могу) взять'. Спаянность всего этого построения, играющего роль единого члена предложения — составного сказуемого — убедительно подтверждается тем, что при наличии подлежащего оно может стоять пе-

² Следует отметить, что еще в «Грамматике гагаузского языка» сослагательное наклонение автором не выделялось. Представленная в рецензируемой книге аргументация убеждает в правомерности новой авторской позиции, основывающейся на наблюдениях над синтаксическим поведением соответствующих форм, в частности использованием их в качестве одного из компонентов некоторых типов составного сказуемого, что совершенно не характерно для форм желательного и повелительного наклонений в таких языках, как азербайджанский и турецкий, данные которых, как можно полагать, позволяют судить о прошлом состоянии грамматической системы гагаузского языка.

ред словом *вар* или *йок*. Отмечается развитие данных конструкций и в сторону безличного предложения, когда субъект действия ставится в форме направительного падежа, в чем автор усматривает влияние русского языка.

3. Модальное слово *лăйзым* плюс глагол в конъюнктиве типа: *лăйзым алэйим* 'я должен взять'. Здесь также возможна постановка подлежащего перед модальным словом. Форма долженствования на *-малы/-мели* фактически вытеснена данным построением, возникшим под болгарским влиянием.

4. Глагол в индикативе со значением начала или окончания действия или глагол, выражающий отношение к действию, плюс глагол в инфинитиве на *-маа/-мăй* типа: *чекедерим окумаа* 'я начинаю читать', *истерим алмаа* 'я хочу взять'. Формально грамматическая модель здесь совпадает с другими огузскими языками, различие заключается в порядке компонентов.

5. Именная конструкция или модальное слово со значением наличия или отсутствия условий для выполнения действия, возможность, невозможность, долженствования плюс инфинитив (составное сказуемое этого типа используется в безличных предложениях) типа: *вар (йок) нăны гитмăй* 'есть куда (некуда) пойти', *вар (йок) нижа чыкмаа* 'можно (невозможно) выйти', *лăйзым беклемăй* 'надо ждать'. (Ср. также тип 2).

6. *Вар* в роли связки плюс существительное типа: *биз варыз чифтчи* 'мы землешцы'. Объяснение последнего случая влиянием болгарского и молдавского языков, в которых обязательно употребляется связка (глагол «быть») в настоящем времени, не представляется бесспорным. Думается, есть больше оснований видеть здесь исконно тюркское явление. К караимским примерам, приводимым автором, можно было бы добавить и случаи подобного же употребления слова *бар* в туркменском языке, правда, в составе специальной конструкции типа: *мен де атамча бардырын* 'и я такой же, как отец' (пример взят из работы Н. К. Дмитриева «Язык туркменских сказок Марыйского района»³), где *бар* не выражает значения 'есть, имеется'. Ср. также такие азербайджанские примеры, как: *Гасан мұаллим јох, мұһандис иди* 'Гасан был не учителем, а инженером', *Мен дүнэн јох, бу кун кэлмишэм* 'Я не вчера, а сегодня приехал'⁴, где *јох* функционально и семантически близко к связке. Следует под этим углом зрения осмыслить и употребление слова *йок* в роли негатив-

ного слова-предложения (реплики общепризнательного содержания).

Отмечая сохранение гагаузским языком общетюркской падежной системы, автор констатирует наличие особенностей в употреблении отдельных падежных форм. Использование основного падежа в функции «предикативного дополнения» (соотносительного по смыслу с подлежащим — при непереходных глаголах⁵, или прямым дополнением — при переходных глаголах) гагаузский язык обязан влиянию болгарского языка, например: *йанашмыш чобан* 'нанялся пастухом', *койдулар ону председател* 'назначили его председателем'. Использование местного падежа в значении принадлежности калькирует русскую конструкцию «у + родительный падеж», например: *бенда вар* 'у меня есть'. Русское влияние подтверждается случаями присоединения аффикса местного падежа к форме родительного, например: *Феодора Андреевнанында* 'у Федоры Андреевны' (контаминация русской и тюркской модели; местный падеж осмысливается как соответствующий русскому предлогу *у*). Болгарским влиянием объясняет автор использование наречий, выражающих направление (куда?), в форме винительного, а не дательно-направительного падежа (в болгарском языке формы дательного падежа местоимений и местоименных наречий чаще заменяются сочетанием предлога *на* с винительным падежом).

Автор отмечает употребление послелога-аффикса *-лан/-лăн/-нан/-нăн* в определенном значении и не без оснований усматривает в этом аналогю русскому сочетанию предлога *с* с творительным падежом.

Говоря о лексико-синтаксических средствах выражения синтаксических отношений, Л. А. Покровская отмечает, что в современном гагаузском языке активно употребляется большое количество союзов и союзных слов, в большинстве своем подчинительных. Заметив, что исторически гагаузскому языку, как и другим тюркским языкам, не была свойственна союзная связь, автор выделяет несколько путей развития союзной связи в гагаузском языке.

1. Образование союзов из тюркских частиц-энклитик (*да/дă/та/тă*), из деепричастных форм глагола *де-* 'говорить' (*дейин, дейни, дейне*), из вопросительного слова *качан?* и других в соответствии с закономерностями развития структуры тюркского предложения.

2. «Усвоение заимствованных союзов, органически вошедших в определенные структурные модели бессоюзных предложе-

³ См.: «Туркменские народные сказки Марыйского района». М.—Л., 1954.

⁴ Азербайджанские примеры любезно сообщены нам научным сотрудником Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР К. М. Абдуллаевым.

⁵ В этом случае правомернее было бы говорить о предикативном определении, а не дополнении.

ний, существующих как в тюркских языках, так и в языках—источниках заимствований» (стр. 169). Примеры подобных моделей: а) простые предложения с однородными членами, б) сложносочиненные предложения, допускающие постановку союзов между компонентами, в) сложноподчиненные предложения с так называемой «союзной паузой».

3. Образование союзов из вопросительных местоимений, наречий и частиц в связи с усвоением новых для гагаузского языка структурных моделей. В результате калькирования структурных моделей русских сложноподчиненных предложений в гагаузском языке образовались такие союзы, как *нижа*, *насыл* 'как', *нечинки* 'потому что', *ола ки* 'так как' и др. Калькирование моделей предложений может сопровождаться и заимствованием союзов — так в гагаузский язык вошли союзы *раз*, *да*, *уж* и др.

Контакты со славянскими языками, несомненно, вызвали широкое развитие в гагаузском языке относительного подчинения посредством союзных слов *ани*, *ангысы* 'который', *нередā*, *нāанда* 'где', *некадар* 'чем', *недāн* 'отчего' и др.

Интересно наблюдение автора об употреблении подчинительного союза *ки* как проклитики (в прочих тюркских языках он употребляется как энклитика); отмечается также образование синонимичного ему союза *ани* (и составного *аники*).

Касаясь порядка следования членов гагаузского предложения, автор отмечает ограниченность синтаксической функции порядка слов в гагаузском языке и этим объясняет его сравнительно большую проницаемость. В современном гагаузском языке автор выделяет два основных варианта расположения членов простого предложения, зависящих от стиля изложения и совпадающих с вариантами обычного порядка слов в простом предложении русского языка: 1) сказуемое стоит в начале, а подлежащее — в конце предложения (описательный вариант), 2) подлежащее стоит в начале, а сказуемое — в середине предложения (повествовательный вариант). Отмечая сходство порядка слов в простом предложении в языках балканского союза, автор присоединяется к мнению о существовании во всем балканском ареале однотипной конструкции простого предложения,

в основе которой лежит славянская модель (Т. В. Цивьян). Наблюдения автора показывают, что и порядок слов в определительных словосочетаниях претерпевает эволюцию в сторону сближения с русским языком. Тенденция к калькированию русских конструкций вызвала развитие в гагаузском языке обособленных определительных и обстоятельственных оборотов.

В общих выводах к исследованию сформулированы главные закономерности проявления иноязычного влияния на грамматический строй гагаузского языка. Отмечены три основных способа сближения синтаксического строя неродственных языков: калькирование иноязычных конструкций и составных форм, сохранение архаических моделей под влиянием сходных моделей в контактирующем неродственном языке, постепенный выход из активного употребления конструкций, отсутствующих в соседнем языке.

Синтаксические изменения происходят прежде всего на функциональном уровне. Они направлены к функционально-семантическому сближению форм и лексико-грамматических единиц с теми формами и лексико-грамматическими единицами соседнего языка, с которыми они отождествляются в языковом сознании гагаузов. Функциональные изменения могут достичь системного уровня и в этом случае найти отражение как на уровне синтаксиса, так и морфологии.

Анализ фактов гагаузского и других тюркских языков позволил автору сделать вывод, что динамика исторического развития тюркских языков характеризуется неуклонным уменьшением синтаксической роли порядка слов, функциональная нагрузка которого все больше ограничивается областью стилистики. Параллельно с этим возрастает роль морфологических показателей как выразителей синтаксических отношений.

Завершая обзор работы Л. А. Покровской, следует отметить, что наблюдения и выводы, сделанные ею на материале гагаузского языка, в определенной мере отражают общие закономерности, по которым происходит изменение синтаксической системы какого-либо одного языка под влиянием другого, и поэтому значение работы выходит за рамки тюркологии.

Е. А. Поцелуевский

М. К. ШАРИПОВ. ХОЗИРГИ ЎЗБЕК ТИЛИДА СЎЗ БИРИКМАЛАРИ СИНТАКСИСИ МАСАЛАСИ

ЎЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ, ТОШКЕНТ, 1978, 88 стр.

Проблема словосочетаний исследовалась в работах известных специалистов по тюркским языкам — Н. А. Баскакова, М. Б. Балакаева, М. З. Закиева, Ю. М. Сеидова и др. Особую актуальность эта проблема приобрела при изучении языков национальных республик и в связи с опубликованием в 50-х годах важных теоретических трудов академика В. В. Виноградова и ряда других ученых, посвященных фразеологическим и свободным словосочетаниям в русском языке¹. На материале тюркских языков этот вопрос до 60-х годов специально не изучался, хотя в исследованиях по синтаксису простого предложения в той или иной степени рассматривались отдельные типы словосочетаний².

В рецензируемой работе М. К. Шарипова «Вопросы синтаксиса словосочетаний в современном узбекском языке» автор сперва кратко останавливается на взаимоотношениях словосочетания со словом, сложным словом и предложением.

Далее автор подчеркивает, что разграничение сложных слов от словосочетаний «имеет очень большое практическое значение» (стр. 27) прежде всего для их правильного орфографирования. Однако автор при этом в своем исследовании почему-то не останавливается на написании сложных слов и не предлагает ничего конкретного для устранения существующего разнобоя в орфографии. Более того, однотипные сложные слова он пишет то слитно, то раздельно [ср. *онаизор* 'бедная мать'; *дўсти нодон* 'глупый друг' (сочетания построены на основе персидского изафета), *сабзийра* 'яма для хранения моркови'; *буёқ чўтка*

'кисть для краски' (стр. 43—44)], полагая, что между компонентами сложного слова существует синтаксическая связь. Это неверное положение повторяется и на страницах 32, 33, 34 и т. д. Таким образом, стирается и без того не всегда четкая грань между сложным словом и словосочетанием. Подобное утверждение автора полностью противоречит общепринятой точке зрения и прежде всего утверждению ответственного редактора рецензируемой книги А. П. Ходжиева: «Сложное слово, независимо от того, образовано оно из двух или более основ, считается одним словом. Внутри же одного слова не может быть никаких синтаксических связей»³.

Автор рецензируемой книги обнаруживает отсутствие четкого представления о природе сложного слова и синтаксиса словосочетаний в современном языке. Видимо, по этой причине сочетания одной и той же морфологической и семантической структуры он относит то к разряду сложных слов, то к категории словосочетаний. Так, например, на страницах 38 и 48 слова типа *бирхўжайрали* 'одноклеточный' определены как сложные слова, а на страницах 50 и 51 тот же тип слов (*бир бўғинли* 'односложный', *беш бўғинли* 'пятисложный') он характеризует как словосочетания, так как, по его мнению, в них нет главных признаков (?) сложного слова.

Как отмечает М. К. Шарипов, продуктивных моделей образования сложных слов в узбекском языке встречается крайне мало, однако это не соответствует истине, ибо именно этот тип образования сложных слов широко развит в современном языке. Ср., например, модели *имя + слово* боп: *қишбоп*, 'пригодный к зиме'; *пальтобоп* 'предназначенный для пальто', *танқидбоп* 'достойный критики' и т. п.; *имя + ному*: *айбнома* 'обвинительный акт', *жангнома* 'книга о битвах', *лениннома* 'лениниана'; *слово к а м + имя*: *камгап* 'немногословный', *камҳосил* 'малоурожайный'; *слово у м у м + имя*: *умумхалқ* 'общенародный', *умумафрика* 'общеафриканский', *умумбашарий* 'общечеловеческий'; *имя + х о н а*: *ошхона* 'столовая', *отхона* 'конюшня', *ўтхона* 'топка' и т. д.

В связи с расширением границы функционирования литературного языка за последние 50—60 лет образование сложных слов по продуктивным моделям чрезвычайно увеличилось. В периодической печати они насчитываются сотнями и тысячами. В этом легко убедиться, заглянув в любой узбекский словарь.

³ А. Ходжиев. Узбек тилида қўшма, жуфт ва такрорий сўзлар. Тошкент, 1963, стр. 16.

¹ В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. — «Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 28; *его же*. Вопросы изучения словосочетаний. — «Вопросы языкознания», 1954, № 3, стр. 9; см. также: В. П. Сухотин. Проблема словосочетания в русском языке. М., 1950 и др.

² Н. К. Дмитриев. Детали простого предложения. — В сб.: «Исследования по исторической грамматике тюркских языков», III. М., 1960, стр. 19—41; Н. А. Баскаков. Словосочетания в каракалпакском языке. — Там же, стр. 50—64; М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 81—250; Ю. М. Сеидов. Азәрбајжан әдәби дилинде сөз бирикмәләри. Бақы. 1966; Ф. Абдуллаев. Сўзлар ўзаро кандай боғланиди? Тошкент, 1974; *его же*. Сўз бирикмалари. — В кн.: «Узбек тили грамматикаси», II. Тошкент, 1976, стр. 18—92 и др.; А. Ф. Фудомов. Узбек тилида аниқловчилар. Тошкент, 1940.

Часто мысли автора расплывчаты и противоречивы, так, на странице 38 он заявляет, что явление грамматизации не охватывает все случаи образования сложных слов, а приведенные им на странице 37 примеры типа *ўқиб турибман*, *ўқийтирман* заставляют предположить, что автор считает их сложными словами, подвергшимися «грамматизации» (?).

В некоторых предложенных автором примерах много неясностей: на странице 39 (пункт 1) читаем: «Сложные слова, образованные по схеме имя + имя, носят характер определения в родительном падеже и определяемого. В таких сложных словах определение всегда выступает в неоформленном родительном падеже, а определяемое — в неоформленной или оформленной форме». В цитируемом утверждении по крайней мере три несоответствия: 1) если компоненты сочетания носят характер определения в родительном падеже и определяемого, то это сочетание не может считаться сложным словом, а должно быть включено в разряд словосочетаний первого или второго типа изафета (по С. С. Майзелю); 2) приведенные в этом пункте примеры типа *автохўжалик* 'автохозяйство' не являются сочетанием определения и определяемого, ибо элемент *авто-* в современном языке не употребляется в качестве самостоятельного слова (префикс!); 3) не совсем верно и заявление о том, что «определяемое может выступать как в оформленном, так и в неоформленном виде». Первый компонент слова типа *такъсақал* 'козлорободый' (Махмуд Кашгари) образован по модели сущ. + сущ. и никогда не употреблялся в оформленном родительном падеже; поэтому нельзя считать определяемым и его второй компонент *сақал* 'борода'.

Кроме того, здесь следовало сказать о причинах присутствия притяжательного суффикса при втором компоненте слова типа *юзбоши* 'сотник', *бойўғли* 'сова' и т. п. Дело в том, что атрибутивные словосочетания со значением принадлежности, соотносительности типа *гулнинг барги* 'лист цветка', *ишнинг плани* 'план работы' могут стать сложными словами лишь в том случае, если опускаются аффиксальные элементы (*-нинг*, *-и*), обеспечивающие синтаксическую связь между компонентами: *гулбарг* 'лепесток' *ишплан* 'рабочий план'. Если же второй компонент остается в оформленном виде (то есть сохраняет притяжательный суффикс), то выражение остается словосочетанием: *гул барги* 'лист цветка', *иш плани* 'план работы'.

На странице 40 в пункте «г» автор допускает ряд погрешностей, опять-таки связанных с ошибочной интерпретацией теоретических положений о сложном слове и словосочетании. В этом пункте речь идет об образовании новых сложных слов по модели причастие + имя существи-

тельное и приводятся примеры типа *оқарсув* 'проточная вода', *қичитқийт* 'красива', *ваҳма қуш* 'птичка из семьи синиц' и т. д. Во-первых, примеры типа *оқарсув*, *учар қуш* 'летающая птица', где первый компонент по форме — причастие, а по функции — прилагательное, обозначающее постоянный признак, относятся к адъективным словосочетаниям. Во-вторых, первый компонент слова *қичитқийт* (*қичитқи*) не является причастием; наряду со словами типа *ачитқи* 'дрожжи', *урғу* 'ударение', *кулги* 'смех' оно относится к разряду имен существительных. В-третьих, первые компоненты сложных слов *ваҳмақуш*, *сузмахалта* 'мешок для процеживания кислого молока (сюзмы)' по своему лексическому значению также имена существительные (а не причастия!).

Что же касается правописания подобных слов, то рекомендация автора (словосочетания типа *оқарсув* писать слитно, а сложное слово типа *ваҳмақуш* — раздельно) ничем не обоснована. Кроме того, автор не прав, считая первый компонент слова *аллаким* 'кто-то' самостоятельным словом (стр. 46), ибо данный элемент (*алла-*), будучи в узбекском языке префиксом, не имеет самостоятельного значения. Точно так же слово *васас* не является сложным, образованным путем повторения корня.

Последний раздел книги (стр. 60—88) посвящен объему и границам словосочетаний. Попутно автор говорит о фразеологизмах и устойчивых типах словосочетаний. Более подробному анализу подвергнут в работе материал, имеющий отношение к сложным или осложненным синтаксическим сочетаниям; в кратком изложении даны отдельные типы осложнения, участие различных классов слов в образовании этого рода словосочетаний.

Объем и границы словосочетаний рассмотрены автором скорее в плане семантическом, нежели структурно-типологическом. В связи с необходимостью выяснения типов словосочетаний и их классификации автор дает краткий обзор соответствующей литературы по русскому языкознанию и тюркским языкам (стр. 61—67). В книге приводятся общеизвестные сведения относительно состава словосочетаний, о бинарности, о простом и сложном типах словосочетаний, однако не рассматривается, например, развертывание определительной конструкции — сложной цепи элементарных двучленных конструкций с многоступенчатой зависимостью, тогда как само название раздела предполагает всесторонний анализ этих особенностей сложных определительных сочетаний.

В именных словосочетаниях весьма важно тщательно изучить типы изафетных конструкций, способы расширения или же развертывания компонентов, участвующих в сочетании.

Ссылки на работы С. С. Майзеля, М. Б. Балакаева, М. З. Закиева и других не уязвляются в необходимой степени со структурным анализом материала узбекского языка. Это привело к тому, что различные типы причастных и деепричастных оборотов, включаемых в особый тип переходных конструкций (способные в известных условиях оставаться в рамках словосочетаний или же переходить в предикативные сочетания), и весьма характерных для тюркского синтаксиса, остались вне поля зрения исследователя.

В работе почти не затронуты такие важные разделы синтаксиса словосочетаний, как порядок расположения компонентов, способы подчинения определительных конструкций, координативная связь, последовательное подчинение, раздельное подчинение и т. д. Малоизученная область синтаксиса словосочетаний — связанные или неразложимые типы словосочетаний — рассмотрена вскользь, тогда как она нуждается в глубокой научной разработке не только в аспекте раскрытия природы ти-

пов изафетных сочетаний, но и в плане привлечения к исследованию многочисленных разновидностей причастных определительных «замкнутых» групп типа *йулбарс терисини ёпинган паҳлавон* 'витязь в тигровой шкуре' (досл. 'витязь, надевший тигровую шкуру') и т. п.

Название книги «Вопросы синтаксиса словосочетаний в современном узбекском языке» не вполне соответствует основному содержанию исследования. Как уже было отмечено выше, из 88 страниц около 60 посвящены вопросам простого и сложного слова и их отношениям к простым двучленным словосочетаниям. «Объем и границы словосочетаний» это особый раздел, посвященный рассмотрению проблемы, требующей более обстоятельной и глубокой научной разработки. В то же время материалы, приведенные в этом разделе книги, безусловно, интересны для исследователей синтаксиса словосочетаний в тюркских языках.

Ф. Абдуллаев, Н. Маматов

Е. Б. БЕКМУХАМЕТОВ. АРАБСКО-ПЕРСИДСКИЕ СЛОВА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ. ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ.

ИЗД-ВО «КАЗАХСТАН», АЛМА-АТА, 1977, 199 стр.

Е. Б. БЕКМУХАМЕТОВ. ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ АРАБ-ПАРСЫ СӨЗДЕРІ. ТҮСІНДІРМЕ СӨЗДІК.

«ҚАЗАҚСТАН» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1977, 199 стр.

Рецензируемая книга открывается кратким предисловием, в котором отмечается, что лексические заимствования широко распространены во многих языках и это объясняется хозяйственными, культурными и другими взаимосвязями говорящих на этих языках народов. Казахский язык также обогащался в процессе взаимодействия с другими языками. Как указывается в предисловии, в него вошли слова из родственных тюркских языков, из языков славянских, китайского, иранских¹, арабских (и в предисловии при этом решительно уточняется: «иракского, сирийского и т. д.»!), а через посредство русского — из финно-угорских, германских, романских и др.

Изучение заимствованных слов вызывает необходимость восстановления истории языка. Далее в предисловии не совсем точно описывается структура словарной статьи в словаре. Рецензируемый словарь,

по мнению автора предисловия, нельзя считать полным, хотя он и составлялся на протяжении целого ряда лет. Из использованных источников упоминается лишь «Толковый словарь казахского языка», откуда «взята довольно значительная часть словаря» (стр. 7).

После списка условных сокращений в их казахском и русском вариантах приводятся в виде таблиц «Арабский алфавит» и «Персидский алфавит» с пояснениями к ним на русском и казахском языках, а также таблица «Какой букве казахского алфавита соответствует начертание арабско-персидской буквы», по-видимому, с назначением быть пособием для арабского или персидского транскрибирования (транслитерации) казахских слов. Фактически последняя таблица, составленная к тому же несколько сбивчиво — частично, видимо, из-за полиграфических трудностей, для словаря оказывается излишней и малоинформативной.

Словарь построен с соблюдением в основном² алфавитного порядка расположения слов с указанием предполагаемого арабского или персидского первоисточника.

Словарная статья обычно начинается заглавным словом в современном казахском написании, причем варианты слов иногда подаются вместе при первом слове (*айла, ила* 'выход, мера; уловка, способ, смекалка', второе же слово на своем месте в слове не приводится) или совершенно независимо друг от друга (*оқиға, уақиға* 'событие'); иногда подаются лишь один из распространенных вариантов (*өкіл* 'представитель', при отсутствии варианта *уәкіл*). В случаях семантической дифференциации этимологически тождественных слов (*өкімет* 'власть', *үкімет* 'правительство' из арабск. *حكومة*) взаимные отсылки обычно отсутствуют. Иногда помещается лишь один член этой пары этимологических дублетов: при наличии слова *ғылым* 'наука' слово *ілім* 'учение' в словаре отсутствует (из арабск. *علم* 'наука').

После заглавного слова (и его вариантов, если таковые приводятся) следует в скобках индексное указание на арабское (а) или персидское (п) происхождение слова и дается начертание этого слова в арабской или персидской графике с транскрипцией (в скобках), которая зачастую почему-то ориентируется на татарское (мусульманское) произношение арабских и персидских слов. Значение слов в арабском и персидском языках обычно не дается. В некоторых случаях между индексом, указывающим на язык-источник, и начертанием слова в этом языке не вполне к месту приводится стилистическая помета, указывающая на его устарелость или архаичность³, отнесенность к религиозной, мифологической или иной сфере употребления, а также использование в переносном значении. Иногда (в многозначных словах) стилистические пометы даются весьма кстати при указании на значение: они как бы дополняют семантическую квалификацию слов (например, *айуан, айып, лап* и др.).

Далее (после транскрипции, которая, кстати, отличается непоследовательностью и сбивчивостью) следует семантическая часть словарной статьи, раскрывающая систему значений арабизмов и персизмов. Вслед за толкованием значений этих слов по-казахски приводится (в квадратных скобках) курсивное объяснение семантики слов по-русски, не всегда, однако, эквивалентное казахскому толкованию: либо первое, либо второе нередко оказывается более подробным и зачастую содержит важные сведения, отсутствующие в параллельном иноязычном толковании. Стилистические пометы при казахском и русским толкованиях также не всегда идентичны. Это, вероятно, объясняется использованием при составлении казахского и русского толкований разных лексикографических источни-

ков, сведения которых остались не унифицированными автором.

Подачу значений не только на казахском, но и на русском языке, безусловно, следует расценить положительно, поскольку это делает словарь доступным более широкому кругу читателей. Такой опыт тем более заслуживает внимания⁴, что фактически речь идет о новом типе толкового двуязычного словаря, который пока не получил достаточно широкого распространения в лексикографической практике, хотя он и весьма перспективен в условиях нашей многоязычной страны, где русский язык служит средством межнационального общения.

Заключительную часть словарной статьи составляют скупое поданные оправдательные цитаты из произведений казахского фольклора, казахских писателей, а также писателей других народов (в переводе на казахский язык)⁵, причем цитаты приводятся почти вне всякой связи с системой значений многозначного слова и поэтому оказываются в значительной степени бесполезными. К тому же источники экцерпированных цитат указаны недостаточно подробно, что ставит под сомнение их точность.

В качестве примера обычной для словаря словарной статьи можно привести следующую:

«ЖАҚҰТ (а) *ياقوت* (якут). Рубин және сапфир деп аталатын табиғи кымбатты тастардың ескі аты. Булардың алғашқысы кызыл, соңғысы көк, жасыл түсті болады [*Яхонт (старинное название рубина и сапфира)*]⁶.

По-видимому, сведения о том, что арабское слово *ياقوت* якут представляет собой переделку греческого *παχυνθος*, воспринятого как форма множественного числа, по обычной арабской модели (возможно, через посредство сирийского языка), были бы в данном случае вполне уместны. Заодно можно было бы здесь добавить, что к этому же греческому первоисточнику восходит также прошедшее через латинское посредство название цветка и драгоценного камня *гиацинт*. Сюда же относится и личное имя *Иакинф* в традиционной древнерусской передаче византийской формы того же греческого слова.

Другой вариант этого же казахского слова толкуется гораздо более скупое и по-иному:

«ЯКУТ, ЖАҚҰТ (а) *ياقوت* (якут) Асыл тас⁷ [*Яхонт, рубин*].»

Следовало бы добиться большей унификации структур словарных статей и более тщательной продуманности системы взаимных отсылок между вариантами слов.

При слове *мағлұмат* 'сведения' имеется отсылка к его варианту *мәлімет*, однако последнее слово на своем месте отсутствует. Нет в словаре также слова *мағлұм* 'известный', хотя его вариант *мәлім* и толкуется.

В издании нет четких указаний на принципы отбора словарного материала, а пестрота в этимологическом отношении включенной лексики не позволяет точно установить круг ученых в словаре лексем.

Подавляющее большинство лексем, вошедших в словарь, по происхождению действительно арабские и персидские слова, причем большей частью они употребительны в обоих этих языках, однако четких принципов дифференциации исконно иранских или исконно арабских (семитских) слов автор нигде не формулирует, и разграничение арабских и персидских слов в словаре отсутствует, более того — в их число иногда ошибочно включаются слова, никакого отношения к ним не имеющие, как это сделано, например, со словом *инжу* 'жемчуг', восходящим к китайскому источнику¹ и фактически отсутствующим в арабском и персидском языках.

Незнакомство автора с историей персидского и арабского языков привело к тому, что в число заимствований в словаре попали довольно многочисленные исконно тюркские слова казахского языка. Здесь автора ввело в заблуждение то, что сходные слова были обнаружены им в персидских и арабских словарях, хотя в данных языках они являются несомненными тюркскими заимствованиями. В старых словарях персидского языка, например в «Персидско-русском словаре» М. А. Гаффарова, тюркское происхождение таких слов обычно отмечалось (буквой т). Обращение к столь авторитетному источнику оградило бы составителя от неправомерного включения в корпус словаря таких слов, как *боран* 'буря, ме-

тель, буря', *боқша* 'ученическая сумка', *буғаз* 'пролив', *бұқа* 'бык' (только на одной стр. 48), которые, как известно, относятся к исконным тюркским словам. Тюркские элементы новоперсидского языка основательно проанализированы в четырехтомной капитальной монографии Г. Дёрфера², использование которой помогло бы автору избежать многочисленных ошибок.

Недостаточно глубоким знанием истории самого казахского языка, по-видимому, объясняется и невнимание к вариантам слов, о чем уже говорилось выше.

Большинство проникших в казахский язык арабских и персидских слов связано с мусульманской религией и культурой, составляя нечто единое целое, и поэтому включение в рецензируемый словарь отдельных, несомненно, арабских по происхождению слов, однако пришедших в казахский язык через языки Европы в русской форме (*алгебра, магазин*), представляется неоправданным, поскольку эти слова отражают уже совершенно иной этап в развитии культуры казахского народа и его языка.

Упущением словаря следует считать отсутствие сведений о первоначальном значении слова в языке-источнике, а также о путях проникновения слова в казахский язык.

Все сказанное здесь указывает на несовершенство рецензируемого словаря и необходимость дальнейшей работы казахских лексикографов в данной области.

И. Г. Добродомов

¹ К ним в предисловии ошибочно относятся и тохарский язык.

² Отметим, что слово *тақат, тағат* 'терпение, стойкость' неизвестно почему оказалось среди статей на букву *д* (кстати, это слово неудачно поясняется через само себя. — Стр. 60). Не на своем месте стоит и слово *дию* 'див, сказочный исполин, великан' (стр. 60), при котором цитата из Джамбула содержит также синонимичное ему *дау*, не соответствующее месту, занимаемому словом *дию*.

³ В словаре противопоставлены без дальнейших объяснений архаизмы (*көне өздер*) и устаревшие слова (*ескірген сөздер*), причем последние по-казахски характеризуются как *историзмы*. *Историзм* русских помет в казахских соответствиях исторические термины (*тарих терминдері*).

⁴ Ранее такой метод толкования использовался в «Арабско-татарско-русском словаре заимствований» К. З. Хамзина, М. И. Махмутова и Г. Ш. Сайфуллина (Казань, 1965), взятом в известной мере за образец автором рецензируемого словаря.

⁵ В предисловии к словарю почему-то указывается, что в конце словарных статей дается перевод толкования на русский язык (стр. 6), что вдвойне неточно, поскольку структура статьи, как видно из предыдущего, совсем иная, а русское и казахское толкования слов зачастую автономны.

⁶ Русский перевод: «Старое название естественных драгоценных камней рубина и сапфира. Первый из них красного, а второй голубого, зеленого цвета». Как видим, казахское толкование сильно отличается от русского.

⁷ Перевод: «Драгоценный камень».

⁸ См. подробнее: И. Г. Добродомов. О методах исследования древнейших тюркизов в составе русского словаря (К истории слова *жемчуг*). — «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», т. XXV, вып. I, 1966, стр. 57—64; L. Ligeti. A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van, I. Budapest, 1977, стр. 48—64.

⁹ G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. I—IV. Wiesbaden, 1963—1975.

«КРАТКИЙ ТУРЕЦКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ „НОВЫХ” СЛОВ»

СОСТАВИТЕЛЬ Г. И. АНТЕЛАВА

ИЗД-ВО «МЕЦНИЕРЕБА», ТБИЛИСИ, 1978, 96 стр.

В Институте востоковедения им. Г. В. Церетели Академии наук Грузинской ССР и на кафедре тюркологии Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета в настоящее время ведется работа по составлению тюркских словарей, изучению тюркизмов в грузинском языке, а также лексики отдельных тюркоязычных писателей.

В области создания подобных словарей уже проделана определенная работа. Вышли в свет небольшие турецко-грузинский и грузинско-турецкий словари. В основном завершён сбор материала для подготовки и издания более полных грузинско-турецкого и турецко-грузинского словарей.

Недавно вышел из печати рецензируемый «Краткий турецко-русский словарь „новых” слов».

В этот словарь (6 а. л.) вошли не только собственно неологизмы, созданные в Турции за период «лингвистической революции», но и слова, заимствованные из тюркоязычных литературных памятников, диалектов, а также ассимилированная турецким языком иностранная лексика.

Настоящий словарь, кроме основной части, включает довольно пространное в сравнении с его общим объемом предисловие, излагающее историю проведения реформы лексики современного турецкого литературного языка и методы введения в турецкий язык новой лексики, а также библиографию и перечень использованных источников. В этой части словаря даны весьма полезные сведения, необходимые для лиц, интересующихся историей реформы лексики турецкого литературного языка.

Составление словарей, как известно, дело трудоемкое и весьма сложное, требующее от составителя скрупулезного анализа многочисленных источников, строго аргументированного отбора словника и нахождения соответствующих эквивалентных значений слов.

Рецензируемый словарь Г. И. Антелавы по существу следует считать первым в нашей стране словарем, отражающим результаты лексической реформы, проводящейся в турецком литературном языке, ибо вы-

шедший в 1971 году «Турецко-русский словарь новых слов и словосочетаний» А. А. Федосова был издан очень малым тиражом (150 экз.) и преследовал локальные учебные цели.

Издание настоящего словаря, безусловно, следует приветствовать.

Объем рецензируемого словаря, избранный автором принцип составления словника и продолжающийся в настоящее время процесс пополнения турецкого литературного языка новыми словами самого различного происхождения — все это исключает обязательное включение в данный словарь всех используемых в литературе и прессе новых слов. Это условие не ставят перед собой даже словари новых слов, издаваемые в самой Турции, к тому же вряд ли какой-либо словарь может претендовать на исчерпывающую полноту состава словника и толкования значений слов.

Следует учесть и то обстоятельство, что не все неологизмы, образованные в самое разное время, усвоенные языком и получили всеобщее распространение. Причины этого, вероятно, могут быть самые разные. Одно неоспоримо — лексика современного турецкого литературного языка продолжает достаточно интенсивно пополняться новыми словами, и составитель словаря новых слов, однажды взявшись за это трудное дело, должен следить за этим живым процессом, дополняя и обогащая свой словарь для дальнейших переизданий, несмотря на все трудности и сложности этой задачи.

Значение рецензируемого словаря трудно переоценить, несмотря на его неполноту и на то обстоятельство, что включенные в словник неологизмы, по-видимому, из-за ограниченного его объема толкуются, к сожалению, вне контекста.

Словарь может оказать большую практическую помощь студентам, изучающим турецкий язык, преподавателям и исследователям турецкого языка, переводчикам и специалистам, практически (пользующимся турецким языком.

Н. Н. Джанашиа

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ»

11—12 сентября 1978 года в Институте языкознания Академии наук СССР состоялась научная конференция «Сравнительно-историческая морфология тюркских языков», посвященная 80-летию со дня рождения выдающегося ученого-тюрколога, члена-корреспондента Академии наук СССР Николая Константиновича Дмитриева.

На двух пленарных заседаниях было заслушано более двадцати докладов специалистов из различных городов Советского Союза.

Заведующий сектором тюркских и монгольских языков Э. Р. Тенишев (Москва), открывший конференцию, охарактеризовал научное значение трудов Н. К. Дмитриева, положивших начало развитию тюркской компаративистики. Н. К. Дмитриев был талантливым педагогом, воспитавшим не одно поколение тюркологов. Под его руководством был разработан перспективный план сравнительного изучения тюркских языков, над реализацией которого по сей день работает сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР.

Ф. Д. Ашнин (Москва) сделал сообщение «Страницы из биографии Н. К. Дмитриева (28.8. 1898—22.12. 1954)». Опираясь на вновь найденные архивные документы, докладчик подробно осветил жизненный путь ученого, в особенности период деятельности Н. К. Дмитриева в качестве заведующего сектором тюркских языков Института языка и письменности Академии наук СССР. Н. К. Дмитриев владел по меньшей мере четырнадцатью западноевропейскими и пятнадцатью восточными языками. При этом «познания в трех главных европейских языках и итальянском были доведены до такой степени, чтобы писать на них научные статьи»¹. В отечественной тюркологии имя

Н. К. Дмитриева с полным правом стоит в одном ряду с именами самых известных ученых-тюркологов.

В своем докладе «Заметки Н. К. Дмитриева в книге С. К. Церуниана „Курс османских разговоров“» Э. Р. Тенишев сказал, что это учебное пособие было целиком собственноручно переписано Н. К. Дмитриевым для фототипического воспроизведения. Практическая часть ее была составлена его учителем, грамматические же комментарии принадлежат самому Н. К. Дмитриеву. В этих комментариях заложены основы той грамматической теории тюркских языков, которую Н. К. Дмитриев развивал в течение всей своей научной деятельности. Основной принцип этой теории, подчеркнул докладчик, заключается в том, что при анализе строя тюркских языков нельзя полностью полагаться на опыт исследования более изученных иносистемных языковых семей; целью такого анализа должно быть установление внутренних закономерностей развития самих тюркских языков.

М. Ш. Ширалиев (Баку), З. Б. Мухамедова (Ашхабад) выступили с воспоминаниями о Н. К. Дмитриеве. М. Ш. Ширалиев рассказал о совместной работе с Н. К. Дмитриевым, о вкладе Н. К. Дмитриева в развитие азербайджанского языкознания и культуры.

Н. К. Дмитриев, будучи одним из авторов «Грамматики азербайджанского языка», уделял переводческой деятельности наряду с языковедческими исследованиями большое внимание. Он перевел на азербайджанский язык произведения русских и советских драматургов, а также оставил немало переводов с азербайджанского языка на русский. Докладчик особо подчеркнул такие личные качества Н. К. Дмитриева, как исключительное трудолюбие, человечность.

Бывшая аспирантка Н. К. Дмитриева, ныне член-корреспондент АН Туркменской ССР З. Б. Мухамедова в своем выступлении сказала, что в непосредственном живом

¹ Р. Шор. Неотложная задача к построению марксистской философии языка. — «Русский язык в советской школе», 1931, № 1, стр. 32.

общении с Н. К. Дмитриевым всегда ощущались необыкновенное богатство его интеллекта и мягкий юмор. Душевная доброта, нравственное обаяние Н. К. Дмитриева навсегда запечатлелись в памяти всех тех, кто знал этого чуткого и отзывчивого человека, талантливого педагога, выдающегося ученого.

В. Д. Аракин (Москва) в докладе «Н. К. Дмитриев и тюркская лексикология» отметил, что ученый заложил основы сопоставительной лексикологии тюркских языков².

Г. М. Гарипов (Уфа) в докладе «Н. К. Дмитриев и генезис тюркских прилагательных», опираясь на материал преимущественно башкирского и некоторых других кипчакских языков, остановился на таких спорных проблемах тюркской дериватологии, как классификация производящих основ, структура аффиксов в связи с разноместным определением границ морфемных швов, семантическая характеристика и продуктивность дериватов, степень фузированияности их с корнем.

Е. И. Убрятова (Новосибирск) в докладе «Пути разрушения общетюркской падежной системы в якутском языке» подробно рассмотрела причины раздробленности падежной системы якутского языка на подсистемы склонения отдельных частей речи. По мнению докладчика, эта раздробленность усугубляется тем, что некоторые части речи или отдельные их разряды склоняются либо по безличному, либо по лично-притяжательному склонению.

Н. З. Гаджиева (Москва) выступила с докладом «О реконструкции системы глагольных времен тюркского праязыка». Исходя из совокупности разработанных ею операционных приемов, позволяющей синтезировать данные как современных тюркских языков и диалектов, так и показания старотюркских письменных памятников, докладчик показала оригинальную картину пратюркской глагольно-временной системы.

В докладе **Г. Ф. Благова** (Москва) «Соотношения падежных парадигм в развитии тюркского склонения» была предпринята попытка исследовать эволюцию падежной парадигматики с позиций системного морфологического подхода. Стремясь установить соотношения именной, посессивно-именной и местоименной парадигм склонения в разные исторические периоды, Г. Ф. Благова показала, что эти соотношения исторически изменялись. Развитие в этой области происходило на фоне столкновения двух полярно противоположных тенденций, охватывавших разные падежи, а именно: тенденции к аналогическому выравниванию трех падежных парадигм и тенденции к их обособлению. Докладчик стремилась

реконструировать на общетюркском уровне систему тюркского склонения (но не отдельные формы падежей) во взаимосвязях и взаимодействии трех падежных парадигм.

Ф. Р. Зейналов (Баку) в докладе «Огузосельджукские памятники и современный азербайджанский язык» провел историко-типологическое сравнение морфологии современного азербайджанского языка и языка памятников XIII века («Чарх-наме» Ахмеда Факиха, «Юсуф и Зулейха» Шейяда Хамзы, газели Гасаноглы и «Дивана» Казии Бурханэддина).

В. И. Цинциус (Ленинград) в докладе «Морфемизация компонентов словосочетаний и сложных слов как один из аспектов сравнительно-исторической морфологии алтайских языков» подчеркнула, что во многих случаях морфемы восходят к полнозначным словам через промежуточную ступень служебных членов аналитических конструкций. Это положение рассматривалось докладчиком на примере личного аффикса 3-го лица, в конечном итоге тождественного в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках и восходящего к древнему местоимению 3-го лица. В плане типологии была проанализирована структура собирательных числительных типа «трое», «второе», которые в тюркских и монгольских языках восходят к сочетанию «три-человек» или к «деепричастию» «три будучи».

Н. А. Баскаков (Москва) в докладе «Грамматикализация самостоятельных слов и механизм агглютинации в тюркских языках» подробно осветил явления изоморфизма тюркского слова и словосочетания, в связи с чем отметил необходимость создания для изучения морфемного состава слова специальных дисциплин морфонологии, морфоморфологии, морфосинтаксиса и морфосемасиологии.

В сообщении **М. З. Закиева** (Казань) «Из истории применения тюркских аффиксов обладания» была сделана попытка установить все варианты аффиксов обладания и с их помощью раскрыть этимологию некоторых слов из древнейших источников, в том числе *скит* (*скиф*), *ишкүзы*, *скил*, *скид*, *сколот*. Сопоставляя полученные выводы с данными этноисторических наук, докладчик поддержал гипотезу о тюркоязычии аланов.

Л. А. Покровская (Ленинград) в докладе «Семантический аспект сравнительного исследования имен в тюркских языках» развивала мысль Н. К. Дмитриева о том, что в тюркских языках существуют целые группы слов, «не вмещающиеся» в рамки традиционно выделяемых частей речи. Такие слова, не изменяя своей формы, выступают в различных синтаксических функциях. По мнению докладчика, различия в синтаксических функциях слов, выражающих качество, определяются их семантикой. Одни слова способны по своей семантике выражать признак не только предмета, но и действия, другие — признак только

² См.: **В. Д. Аракин**. Н. К. Дмитриев и тюркская лексикология. — «Советская тюркология», 1978, № 5, стр. 52—59.

предмета, отсюда и различия в их синтаксических функциях. Поэтому, считает докладчик, необходимо выделять общие синтаксические признаки каждой группы слов, благодаря которым они выполняют определенные синтаксические функции, не изменяя своей формы.

В докладе *Р. М. Бирюкович* (Саратов) «К закономерностям изофункциональности некоторых падежных форм в чулымско-тюркском языке» противопоставление «определенность — неопределенность», присущее оппозиции винительного — основного падежей прямого объекта, было рассмотрено как входящее в более широкую понятийную категорию; оно оказывается включенным в иерархию более частных противопоставлений: отчуждаемости — неотчуждаемости, признака «свой — чужой», включенности — невключенности. Для каждой из указанных оппозиций докладчик находит формальное выражение отмеченного признака.

З. Б. Мухамедова в сообщении «К этимологии послелога *учин*» рассмотрела живые диалектные формы *учрин//учри*, синонимичные с *отри*; на этом основании ею было установлено отглагольное происхождение *учин*.

В сообщении *К. Мелиева* (Ташкент) «Форма на *-макчи* в современном уйгурском языке» семантика и функции названной формы рассматривались в сравнительном плане; были привлечены при этом так-

же производные формы и перифрастические конструкции.

М. А. Ахметов (Уфа) в сообщении «Безаффиксные средства выражения грамматических значений в языке орхоно-енисейских памятников» сделал попытку выяснить некоторые тенденции развития грамматических средств тюркских языков.

Доклад *И. Г. Добродомова* (Москва) был посвящен деятельности Н. К. Дмитриева, обладавшего обширными познаниями в области южнославянских языков, как слависта. Докладчик отметил большие заслуги Н. К. Дмитриева в разработке прикладного языкознания, в частности методики преподавания русского языка в тюркоязычной аудитории.

Д. М. Насилов (Ленинград) выступил с докладом «Замечания по поводу глубины реконструкции морфологических форматов в тюркских языках».

Проблеме разграничения литературных и общенародных форм татарского языка в сравнительно-историческом плане был посвящен доклад *И. А. Абдуллина* (Казань).

В прениях по докладам выступили Б. А. Серебрянников, Е. И. Убрятова, В. И. Цинциус, М. З. Закиев, З. Б. Мухамедова, Л. А. Покровская, И. В. Кормушин, Т. М. Гарипов.

Н. Б. Бадгаев, С. А. Изидинова

PERSONALIA

ХАЛЫК ГУСЕЙНОВИЧ КОРОГЛЫ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

24 января 1979 года исполнилось шестьдесят лет со дня рождения доктора филологических наук, старшего научного сотрудника Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР, литературоведа и фольклориста Халыка Гусейновича Короглы.

Х. Г. Короглы родился в городе Ашхабаде Туркменской ССР в семье рабочего. В 1946 году он окончил Московский медицинский институт, а в 1952 — восточное отделение филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Х. Г. Короглы более пятнадцати лет заведовал кафедрой восточных языков в Институте внешней торговли и других вузах. С 1947 года преподавал пер-

сидский язык и литературу, а с 1954 года — читает курс лекций по литературам народов Средней Азии и Казахстана на филологическом факультете МГУ. С 1958 по 1971 год был научным редактором редакции литератур и языка издательства «Большая Советская Энциклопедия»; он ведал также литературами Зарубежного Востока в «Краткой Литературной Энциклопедии». Х. Г. Короглы — автор многочисленных работ по литературам и фольклору народов Средней Азии, Азербайджана, Турции и Ирана. Им создан также целый ряд учебников и учебных пособий для вузов.

Перу Х. Г. Короглы принадлежат монографические исследования: «Современная персидская литература» (1965), «Узбекская литература» (1968 и 1976), «Туркменская литература» (1973), «Огузский героический эпос» (1976). Им составлены и изданы: антология «Персидская классическая литература X—XV веков» (1950), «Персидские пословицы и поговорки» (предисловие, комментарии и перевод; 1961 и 1973), «Персидско-русский и русско-персидский общезакономический и внешнеторговый словарь» (1957). Ученым опубликовано более ста статей по фольклору и литературе тюркских и иранских народов, наиболее значительными из них являются: «Основные культурные традиции в туркменском фольклоре», «К характеристике туркменских романтических дастанов», «Дастанный эпос туркменского народа», «Об иранских элементах в туркменском народном творчестве», «Поэтика дастанного эпоса», «Трансформация заимствованного сюжета», «Дастанный эпос и туркменская советская литература 20—40-х годов», «Из восточно-западных фольклорных связей. Темяглаз (Дапегёз) и Полифем», «Новая версия „Кёроглу“», «Текстологическая характеристика публикации эпосов „Героглы“ и „Гургюли“», «Дмитрий Кантемир и культура Востока» и др.

Особо следует отметить капитальное исследование Х. Г. Короглы «Огузский герои-

ческий эпос». Знание автором многих тюркских и иранских языков, широкая эрудиция в области древнего устного творчества народов Ближнего и Среднего Востока позволили ему досконально изучить множество фольклорных первоисточников, из которых важнейшее место принадлежит древнему азербайджанскому эпосу «Китаби-деде-Коркут». В своей работе ученый приводит интересные сведения по истории, культуре, генезису и эпическим традициям восточных и западных огузов, всесторонне прослеживает их взаимосвязи, обстоятельно анализируя многочисленные мифы, легенды и предания, связанные с сюжетом эпоса «Китаби-деде-Коркут».

Многое сделано Х. Г. Короглы и в области подготовки высококвалифицированных кадров филологов.

Х. Г. Короглы — активный участник многих всесоюзных и международных конференций и совещаний по фольклористике, член Советского Комитета тюркологов и Со-

вета по фольклору при Отделении литературы и языка Академии наук СССР, член редколлегии журнала «Советская тюркология», член редакционно-издательского совета издательства «Высшая школа», научный консультант по литературам Ближнего Востока издательства «Советская энциклопедия», член редколлегии и один из ответственных редакторов второго тома «Истории всемирной литературы», издаваемой Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР, член редколлегии первого тома многотомной «Истории азербайджанской литературы».

Свое шестидесятилетие Халык Гусейнович встречает полный творческих сил. Многочисленные друзья, коллеги и ученики Х. Г. Короглы горячо поздравляют его с шестидесятилетием, желают ему здоровья, долгих лет жизни и больших успехов в его плодотворной научной и педагогической деятельности.

К. А. Талыбзаде

ГАМИД МАМЕДТАГИ ОГЛЫ АРАСЛЫ

(К семидесятилетию со дня рождения)

23 февраля 1979 года исполнилось семьдесят лет видному советскому филологу, академику Академии наук Азербайджанской ССР, заслуженному деятелю науки Азербайджанской ССР и Узбекской ССР, доктору филологических наук, профессору Гамиду Мамедтаги оглы Араслы.

Г. М. Араслы родился в 1909 году в городе Гяндже (ныне Кировабад). Начальное образование получил в медресе. Потом учился в учительской семинарии Гянджи, по окончании которой в 1926 году был назначен директором школы селения Набиагалы. Молодой учитель активно включается в общественную жизнь, избирается секретарем сельской комсомольской организации и депутатом местного совета. В 1927 году — он уже директор первой в Гяндже семилетней школы.

С этого времени начинается увлечение Г. М. Араслы азербайджанской литературой и фольклором. Он приступает к сбору образцов устного народно-поэтического творчества, в частности произведений ашугской поэзии. В 1928 году на страницах журнала «Гызыл Гянджа» («Красная Гянджа») публикуются его стихи, проникнутые революционным пафосом и любовью к родной земле и ее природе.

Окончив в 1932 году факультет языка и литературы Азербайджанского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, Г. М. Араслы посвящает себя научно-педагогической работе, сначала как аспирант и ассистент кафедры истории азербайджанской литературы, а затем как заведующий восточным отделом библиотеки Азербайджанского филиала Академии наук СССР.

Один из наиболее подготовленных филологов республики, Г. М. Араслы принимает ближайшее участие в создании вузовских программ, учебников и учебных пособий для средних школ, читает лекции в университете (Баку). Продолжая дело известных своих предшественников — Ф. Кочарлинского, С. Мумтаза и других, Г. М. Араслы работает в эти годы над учебником истории средневековой азербайджанской литературы.

Член Союза писателей СССР с 1936 года, Г. М. Араслы вносит свою лепту и в решение насущных вопросов современной критики и литературоведения, уделяя большое внимание популяризации на страницах печати азербайджанского классического наследия.

В 1943 году Г. М. Араслы защищает кандидатскую, а в 1955 — докторскую диссертацию. С 1958 года он — член-корреспондент, а с 1968 — академик Академии наук Азербайджанской ССР. Г. М. Араслы является почетным членом Турецкого лингвистического общества.

30—50-е годы — наиболее плодотворный период в деятельности ученого. Научные интересы Г. М. Араслы сосредоточиваются в это время главным образом на неизученных или малоизученных проблемах азербайджанского литературоведения. Глубоко исследуя и систематизируя богатейшие исторические и литературные источники, он создает ряд монографических работ о жизни и творчестве азербайджанских классиков и исследования по национальному фольклору.

Г. М. Араслы — один из основных авторов двухтомной «История азербайджанской литературы», изданной в 1943—1944 годах.

Следует особо отметить исследования Г. М. Араслы о великом азербайджанском поэте-мыслителе Низами Гянджеви: оригинальный биографический очерк «Жизнь поэта» (1940), работы проливающие свет на многие, ранее не освещавшиеся в науке, стороны творчества Низами.

Высокую оценку научной общественности получила монография Г. М. Араслы «История азербайджанской литературы XVII—XVIII веков» (1955), в которой наряду с обзорами и очерками, посвященными классической литературе, большое место занимают главы и разделы о таких выдающихся памятниках устного народного творчества, как эпос «Кероглы», любовно-романтические дастаны «Шах Исмаил», «Ашик Гариб», «Асли и Керем». Большая заслуга Г. М. Араслы — выявление им ряда талантливых представителей азербайджанской литературы XIV—XVI веков, создававших свои произведения на родном языке, таких, как Мухаммед Аmani, Гази Бурханеддин, Фадаи, Кишвери и другие, жизнь и творчество которых стали в дальнейшем предметом специального и глубокого исследования ученых республики.

Анализ гуманистических, демократических традиций азербайджанской литературы, раскрытие путей ее развития на общем историко-культурном фоне — характерные особенности литературоведческих работ Г. М. Араслы, которым присущи также широкий охват духовной жизни народа, выявление внутренних взаимосвязей между литературой и такими интеллектуально-эстетическими аспектами народного бытия, как музыка и живопись, философия и педагогика, книжное и библиотечное дело. Исключительно богатым привлеченного фактографического материала, позволяет ученому делать новые, смелые научные обобщения относительно закономерностей развития художественного мышления народа и прежде всего азербайджанской литературы. Не случайно лучшие работы Г. М. Араслы служат авторитетными источниками не только для филологов, но и для исследователей истории, философии, искусства, языка, книжной культуры Азербайджана.

Лейтмотивом почти всей научно-исследовательской деятельности ученого является

изучение жизни и творчества Мухаммеда Физули. Его монография «Великий азербайджанский поэт Физули» (1958) — плод многолетней, скрупулезной исследовательской работы. В ней автор на основе многочисленных первоисточников, большинство которых вводится им в научный обиход впервые, широко освещает историю изучения творчества поэта, его эпоху, биографию, литературное окружение.

Значительны заслуги Г. М. Араслы и в области исследования и публикации фольклорного наследия Азербайджана. Еще в 1938 году им был подготовлен к печати знаменитый эпос «Китаби-деде-Коргут» с обстоятельным предисловием. В 1950 году Г. М. Араслы совместно с М. Тахмасибом подготовил также к печати перевод этого эпоса на русский язык, сделанный ранее академиком В. В. Бартольд. После многолетних исследований творчества азербайджанских ашуггов, редактирования и издания большого числа их сборников Г. М. Араслы создает монографию «Азербайджанская ашугская поэзия» (1964).

Серьезный вклад внес ученый и в изучение проблем взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур. Его перу принадлежат ценные работы о связях азербайджанской литературы с литературами народов СССР и зарубежного Востока. Он автор таких глубоко содержательных статей, как «Алишер Навои и азербайджанская литература», «Гюльшехри и Низами Гянджеви», «Фикрет и азербайджанская литература», «Саят Нова и азербайджанская литература».

Г. М. Араслы — один из крупных организаторов науки в республике. Много сил отдал ученый созданию Музея азербайджанской литературы им. Низами, где в различные годы был ученым секретарем (1939—1941), заместителем директора по научной части (1945) и директором (1960—1968). В 1954 году по его инициативе в Институте литературы им. Низами открывается отдел тюркологии. С 1966 года Г. М. Араслы — заведующий отделом Института народов Ближнего и Среднего Востока Академии наук Азербайджанской ССР, а с 1969 года по настоящее время — директор этого Института. Около двадцати лет он руководил кафедрой литературы Ближнего Востока Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова (1944—1962).

Плодотворна работа Г. М. Араслы и в области подготовки научных кадров. Среди его учеников и последователей — десятки кандидатов и докторов наук, успешно работающих над проблемами азербайджановедения, тюркологии, востоковедения.

Признанный текстолог азербайджанской литературы, составитель и комментатор целого ряда книг Насими, Физули, Вагифа, Саиба Тебризи, М. Ф. Ахундова и других классиков, Г. М. Араслы особое внимание

уделяет вопросам дальнейшего развития азербайджанской текстологии.

За заслуги в области развития филологической науки в республике и подготовки научных кадров Г. М. Араслы награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и рядом медалей СССР.

Семидесятилетие ученого совпадает с периодом его усиленной работы над завершением нового монографического труда «Низами Гянджеви и литература Востока». Думается, что это будет весомым вкладом в

низамиведение и вместе с тем достойным ответом автора на постановление ЦК КП Азербайджана о мерах по улучшению изучения, издания и пропаганды наследия Низами Гянджеви.

В заключение хочется пожелать видному ученому в связи с его юбилеем доброго здоровья и новых успехов в многогранной научной деятельности.

А. Мирахмедов

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Ф. А. Ганиев (Казань). Аналитическая морфология тюркских языков: проблемы и задачи	3
Р. Г. Сибгатов (Уфа). Модальный конституент предложения	9

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Э. Ф. Ишбердин (Уфа). Монгольские заимствования в башкирском языке	20
--	----

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

А. П. Векилов (Ленинград). Основные принципы азербайджанского народного стихосложения	30
---	----

ОНОМАСТИКА

Л. В. Данилова (Ташкент). Этимология некоторых чувашских комонимов Башкирской АССР	42
--	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Л. В. Решетова (Ташкент). О принципах построения русско-узбекского словаря	50
--	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Г. Сарсикеева (Алма-Ата). Функции пауз в тюркских языках	57
А. Меметов (Ташкент). Антонимы в крымско-татарском языке	62
К. Т. Рамазанов (Баку). Темпоральные парные слова в юго-западной группе тюркских языков	69
Н. П. Голубева (Москва). Объектные отношения, прямое дополнение и формы его выражения в турецком языке	75
А. Матгазиев (Фергана). Историко-этимологические примечания Муниса в «Фирдаус-ал-икбал»	86

РЕЦЕНЗИИ

Е. А. Поцелуевский (Москва). Л. А. Покровская. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении	90
Ф. Абдуллаев, Н. Маматов (Ташкент). М. К. Шарипов. Ҳозирги ўзбек тилида сўз бирикмалари синтаксиси масаласи	95
И. Г. Добродомов (Москва). Е. Б. Бекмухаметов. Арабско-персидские слова в казахском языке. Толковый словарь заимствований	97
Н. Н. Джанашиа (Тбилиси). «Краткий турецко-русский словарь „новых” слов»	100

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Н. Б. Бадгаев, С. А. Изидинова* (Москва). «Сравнительно-историческая морфология тюркских языков» 101

PERSONALIA

- К. А. Талыбзаде* (Баку). Халык Гусейнович Короглы 104
А. Мирахмедов (Баку). Гамид Мамедтаги оглы Араслы 106

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- F. A. Ganiyev* (Kazan). Analytical morphology of the Turkic languages: problems and tasks 3
R. G. Sibagatov (Ufa). Modal constituent of sentence 9

LANGUAGES IN CONTACT

- E. F. Ishberdin* (Ufa). Mongolian borrowings in the Bashkir language 20

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS AND FOLK-LORE

- A. P. Vekilov* (Leningrad). The main principles of Azerbaijan folk versification 30

ONOMASTICS

- L. V. Danilova* (Tashkent). Etymology of some Chuvash komonyms of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic 42

DISCUSSIONS

- L. V. Reshetova* (Tashkent). On the compiling principles of the Russian-Uzbek dictionary 50

REPORTS, SURVEYS

- G. Sarsikeyeva* (Alma-Ata). Pauses functions in the Turkic languages 57
A. Memetov (Tashkent). Antonyms in the Crimean-Tatar language 62
K. T. Ramazanov (Baku). Temporal alliterating words in the South-West group of the Turkic languages 69
N. P. Golubeva (Moscow). Objectival relations, direct object and its expression forms in the Turkish language 75
A. Matgazyev (Fergana). The historical and etymological notes by Munis in «Firdaus-al-ikbal» 86

REVIEWS

- E. A. Potseluevsky* (Moscow). Л. А. Покровская. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении 90
F. Abdullayev, N. Maqatov (Tashkent). М. К. Шарипов. Ҳозирги ўзбек тилида суз бирикмалари синтаксиси масаласи 95
I. G. Dobrodotov (Moscow). Е. Б. Бекмухаметов. Арабско-персидские слова в казахском языке Толковый словарь заимствований 97
N. N. Dzhnashia (Tbilisi). «Краткий турецко-русский словарь „новых” слов» 100

SCIENTIFIC LIFE

- N. B. Badgayev, S. A. Izidinova* (Moscow). «Comparative-historical morphology of the Turkic languages» 101

PERSONALIA

- K. A. Talybzade* (Baku). Halyk Guseinovich Korogly 104
A. Mirakhmedov (Baku). Gamid Mamedtagi ogly Arasly 106

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 27/II-1979 г. Подписано к печати 31/V-1979 г. ФГ 11182. Формат **бумаги** 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 11,5. Уч. изд. л. 10,5.
Заказ 1549. Тираж 2740. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ
ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»**

ГЛАСНЫЕ

A a — а
 Ä ä — э
 E e — е
 У у — ы
 I i — и
 O o — о
 Ö ö — ө
 U u — у
 Ü ü — ү

СОГЛАСНЫЕ

B b — б
 V v — в
 G g — г
 G' g' — к (ك) ⁽²⁾
 Y y — ғ (غ)
 D d — д
 Z z — ж
 Z̃ z̃ — ч, дж (چ)
 Z z — з
 Δ δ — ʒ (ذ)
 J j — j
 Q q — ка (ق)
 K k — ке (ك)
 L l — л
 M m — м

N n — н
 η — н
 ng — нг (نڭ)
 P p — п
 R r — р
 S s — с
 T t — т
 F f — ф
 X x — х (خ)
 H h — h, x (ه, ه)
 C c — ц
 Č č — ч (چ)
 θ ð — ʧ (ث)
 Š š — ш

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

—, : долгота
 ˘ краткость
 ~ носовой
 ' мягкость